

МОЛОДЕЖЬ,
ПРИШЕДШАЯ В ПРОФТЕХУЧИЛИЩА СЕГОДНЯ,
СТАНЕТ В РЯДЫ РАБОЧИХ
ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ.

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

ШОБ

Записные книжки, блокноты. Февраль 1975 года. Душный вечер в Пуэнт-Нуаре, важнейшем экономическом центре Народной Республики Конго. Темный влажный вечер на берегу Атлантического океана. Праздничный вечер, на который приглашены и мы, делегация комсомола. Хозяева гостеприимны и радушны. Концерт удался, парнишка, управляющийся с тамтамом, неотразим, и публика азартно аплодирует ведущему, который представляет своих товарищей на русском языке. А когда вечер близится к концу и уже провозглашаются здравицы в честь советско-конголезской дружбы, в честь Ленинского комсомола, один из выступающих говорит:

— Мы знаем, как велик вклад Советского Союза в расширение и укрепление процесса разрядки международной напряженности. Мы знаем, что ваша страна осуществляет Программу мира, знаем, что далеко от нас, в Европе, идет важное совещание, в котором участвуют государства с разным политическим и социальным строем, с разными идеалами. Это хорошо, что целый континент может стать землей мира, а не обителью страданий и горя...

Страница другого блокнота.

Май 1974 года. Провинция Куангчи, освобожденные районы Южного Вьетнама. Встреча со вчерашними воинами. Встреча с рисоводами, рыбаками, школьниками, которые не расставались тогда с винтовкой: сайгонский режим постоянно нарушал Парижское соглашение. Тхуан Ан, заместитель секретаря комитета провинциальной организации Ассоциации молодежи за освобождение Южного Вьетнама, то ли спрашивает у меня, то ли утверждает:

— Европа почти три десятка лет живет без войн. В Европе стремятся найти общий язык, выработать решения, устраивающие все тридцать с лишним государств, которые еще недавно наглухо разделялись барьерами, казалось, непреодолимыми барьерами «холодной войны». Значит, и на других континентах, в других районах земного шара нужно столь же настойчиво и энергично искать пути к миру...

Европа, многострадальная и израненная, Европа, где начинались две мировые, две самые ужасные в истории человечества войны, Европа, в прошлом наиболее беспокойный, начиненный динамитом континент, уже три десятилетия не знает войн. Плоды процесса разрядки международной напряженности и расширения сотрудничества государств с различными политическими устремлениями особенно очевидно здесь, в Старом Свете, и именно потому народы других континентов с неослабевающим вниманием и глубочайшей заинтересованностью следят за развитием событий в этой части планеты.

Убедительным воплощением процесса разрядки и потепления международного климата стало поистине беспрецедентное, не имеющее исторических аналогий Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тридцать три страны — большие и малые, самые большие и самые ма-

ТОВАРИЩ Л. И. БРЕЖНЕВ ПОДПИСЫВАЕТ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКТ.

ВЫСШИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОВЕЩАНИЯ СКРЕПЛЯЮТ СВОИМИ ПОДПИСЯМИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКТ, ЗАКЛАДЫВАЮЩИЙ ОСНОВЫ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ.

ЕДА РАЗУМА

лые — вместе с США и Канадой сели 3 июля 1973 года за общий стол в Хельсинки, отправляясь в неизменно трудный, полный подводных камней и счастливых надежд путь длиною в сто с лишним недель.

Агентство Рейтер напоминало недавно, что «Советский Союз первым предложил созыв этого Совещания и неустанно добивался его завершения на самом высоком уровне».

И вот снова июль. И вот снова Хельсинки. Позади Женева, пригласившая к себе второй этап Совещания: двухлетний многотрудный марафон дипломатов завершен. Позади нелегкие, порой драматические дискуссии далеко за полночь, поиски компромисса, консультации, споры — усилила, вдохновляемые стремлением найти решение, которое сочли бы приемлемым страны, столь разительно несхожие и по политическим взглядам и по идеологическим концепциям, определяющим и внутреннюю и внешнюю политику стран — участниц этого невиданного форума.

«Звездный час континента», «Большой день Европы», «Конференция века», «Важнейшее событие эпохи», «Великий день в истории международных отношений» — не только журналисты, но и виднейшие политические деятели не скупилась на восторженные оценки результатов Совещания, поразившего мир.

Пульс Хельсинки был слышен на всех широтах. Пульс Хельсинки определял политический климат мира.

Пульс Хельсинки приоткрывал дверь в завтра. Чем же объясняется это чрезвычайное внимание к встрече высших руководителей тридцати пяти стран!

Выступая на Совещании, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал: «Ответ, видимо, в том, что с результатами совещания связаны ожидания и надежды, которые не порождала ни одна другая коллективная акция в период, последовавший за известными совместными союзническими решениями послевоенного времени».

В последний день «Звездной недели» высшие руководители тридцати пяти стран подписали Заключительный акт. Подписали документ, который по праву может быть назван «кодексом, хартией разрядки». Тридцать пять государств заявили о своей решимости уважать и применять в отношениях каждого из них со всеми другими государствами-участниками, независимо от их политических, экономических и социальных систем, а также их размера, географического положения и уровня экономического развития, принципы, которые все имеют первостепенную важность. Тридцать пять стран выразили свою готовность уважать суверенное равенство и права, присущие суверенитету, отказаться от силы или угрозы силой, признали нерушимость границ в Европе и территориальную целостность государств. В Заключительном акте страны — участницы Совещания взяли на себя обязательство решать все споры только мирным путем, воздерживаться от вмешательства, и прежде всего вооруженного, во внутрен-

ние или внешние дела другого государства. Тридцать три страны Старого Света вместе с США и Канадой заявили о своем стремлении уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, они подтвердили принципы равноправия и право народов распоряжаться своей судьбой. Подписывая документ, участники Совещания обязались развивать и укреплять сотрудничество между государствами и добросовестно выполнять все обязательства по международному праву.

Мир — это не только отсутствие войны. Это — и устранение самой угрозы войны. Это — и широкое сотрудничество в области экономики, в развитии науки и техники, в защите окружающей среды, это — энергичное развитие взаимовыгодной торговли, укрепление и расширение доверия в отношениях между государствами. Это, наконец, сотрудничество в гуманитарных областях, расширение обменов в сфере культуры.

Заключительный акт, определяющий принципы, основы и формы дальнейшего укрепления безопасности и расширения сотрудничества в Европе, представляет собой объемистый документ. Он опубликован в печати полностью, и наши читатели, видимо, с особым интересом прочитали раздел «Встречи между молодежью», в котором государства-участники заявили о намерении содействовать развитию контактов и обменов между молодежью, поощрять и осознание молодыми людьми важности развития взаимопонимания, укрепления дружественных отношений и доверия между народами, и дальнейшее развитие молодежного туризма и предоставление для этой цели соответствующих льгот, и расширение обменов и контактов между трудящейся, проходящей профессиональную подготовку или учащейся молодежью.

Заключительный акт зафиксировал весь комплекс принципов мирных отношений и добрососедского сотрудничества в Европе.

«На наш взгляд, — подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев, — суммарный итог совещания состоит в том, что международная разрядка во все большем объеме наполняется конкретным материальным содержанием. Именно материализация разрядки — вот в чем суть дела, суть всего, что должно сделать мир в Европе действительно прочным и неизменным. И во главу угла мы ставим при этом задачу прекращения гонки вооружений, достижения реальных результатов в деле разоружения».

Противники разрядки, все разномастные, но по своим политическим пристрастиям не слишком далеко отстоящие друг от друга враги мира, пытались доказать, будто итоги Совещания выгодны только одной стороне. Видные политические деятели разных государств убедительно опровергли эти измышления — на Совещании не было ни победителей, ни побежденных, политика, как напоминали уже дипломаты и публицисты, не спорт, не матчи футболистов или хоккеистов, где победа одного соперника неизбежно влечет поражение другого, на Совещании выиграли народы и социалистических, и капиталистических

стран, выиграли все, кому дороги мир и безопасность на нашей планете.

Выиграли не только европейцы. Член финской делегации на Совещании Ахти Карьялайнен поясняет: «На мировой политической арене за Европой сохраняется по-прежнему весьма важная роль. Вот почему мы можем заявить, что счастливое завершение встречи в Хельсинки может оказать большое позитивное влияние и на развитие за пределами Европы — в районах, где все еще существуют вызывающие беспокойство очаги напряженности и кризисов». Индийская газета «Хиндустан» подтверждает: «Значение форума в Хельсинки выходит далеко за рамки европейского континента. Его результаты, несомненно, окажут благотворное влияние на развитие политики сотрудничества и взаимопонимания в Азии и Африке».

Читая эти строки, вспоминаю встречи в Южном Вьетнаме и Конго — в Азии и Африке.

Совещание стало блистательным венцом многотрудной, терпеливой работы, концом целого исторического этапа мирового развития. Оно подвело необходимый политический итог второй мировой войны. Но Совещание, его итоги — это и исходная позиция, начало новой эры, отправная точка для продвижения Европы и всего мира к новым горизонтам.

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР высоко оценили результаты Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подчеркнули выдающийся вклад Леонида Ильича Брежнева в осуществление внешнеполитического курса Коммунистической партии и Советского государства, в выработку и реализацию Программы мира, что сыграло огромную роль в деле достижения разрядки напряженности.

«Главное сейчас в том, чтобы дополнить политическую разрядку военной, — отмечают Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР. — Упрочение мира на земле создаст благоприятные возможности для обеспечения экономического и социального прогресса всех народов».

Олег СПАСКИЙ

ЖИТЕЛИ ХЕЛЬСИНКИ ПРИВЕТСТВУЮТ СОВЕТСКУЮ ДЕЛЕГАЦИЮ.

Фото Алексея ГОСТЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 17 [1159] СЕНТЯБРЬ 1975

Наша обложка:
Идут занятия в
Киунасском профтехучилище
строителей.
Фото
Сергея ПЕТРУХИНА.

- 1** ПОБЕДА РАЗУМА.
К итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству
в Европе.
- 2** ПУТЬ В РАБОЧИЕ.
Заметки Ирины ВОРОНОВОЙ о наставнике молодых
рабочих.
- 6** К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ РАЗГРОМА МИЛИТАРИСТСКОЙ
ЯПОНИИ.
Александр ПРИТУЛА, генерал-майор. В августе сорок
пятого.
- 8** НОВОЕ ИМЯ.
Виктор МАКУШКИН. Саня, Леха и дядя Гена. Рассказ.
- 11** Стихи Владимира ЦЫБИНА.
- 12** ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ.
Аркадий ПАЛЬМ. Фото Виктора САККА.
Домна.
- 17** ЗАВОДСКОЙ РАЙОН.
Сергей СМОРОДКИН.
Горькая статистика.
- 19** ЭКСКЛИБРИС «СМЕНЫ».
- 20** ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ. Статья и стихи Александра
ЧИЖЕВСКОГО.
- 24** МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Композитор Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ. Вариации образа.
Заметки о творчестве Валентины ТОЛКУНОВОЙ.
- 26** ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Сергей АБРАМОВ. Серая птица кукушка.
- 28** Братья ВАЙНЕРЫ. Место встречи изменить нельзя.
Продолжение романа.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий [заместитель
главного редактора], В. Г. Победоносцев [ответственный секретарь],
Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа,
С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Издательство «Правда». «Смена», 1975 г.

*Минуло лето.
Для сотен и сотен тысяч
вчерашних школьников
это было время
надежд и сомнений,
первых разочарований
и самоутверждения.
Алые паруса школьной романтики,
нырнув в первый шквал
соленых волн,
чуть потускнели.
Вчерашние школьники
встали перед обыкновенной
жизнью,
в которой
надо поднимать
не алые паруса,
а стрелу подъемного крана
возводить не эфемерные
голубые города,
а вполне реальные
панельные здания
и где к тому же надо
водить автобус, подавать
в столовых и ресторанах
бифштексы
и торговать в магазинах
прозаическим ширпотребом.
Более трех миллионов
выпускников средних школ*

*оказались в этом году
на пороге новой жизни.
Лишь небольшая часть из них
поступила в вуз.
Пять миллионов
триста тысяч человек
окончили восьмилетку.
Многие из них
продолжат образование
в средней школе.
А остальные?
Путь один — на производство.
Но для этого
надо приобрести специальность.
Где ее получить?
Два миллиона двести тысяч
выпускников средних
и восьмилетних школ
стали учащимися
профессионально-технических
училищ.
Остальные пришли на заводы,
фабрики, транспорт,
в сферу обслуживания,
чтобы непосредственно
на производстве
приобрести специальность.
«Путь в рабочие» —
так мы назвали
новую рубрику журнала.*

ПОЗОВИ МЕНЯ В ДОРОГУ

Ирина ВОРОНОВА,
студентка Литературного
института
имени А. М. Горького.

ПУТЬ В РАБОЧИЕ

Задача материалов, которые будут публиковаться под этой рубрикой, — помочь молодым людям выявить свои склонности, способности, вкусы к тем или иным видам труда, воспитать у юношей и девушек готовность трудиться в тех областях производства,

овладевать теми профессиями, которые больше всего нужны обществу. Новая рубрика — это трибуна опытных рабочих и новичков производства, наставников молодежи и тех, кто готовится встать в ряды рабочего класса. Редакция приглашает читателей принять участие в обсуждении вопросов, поднятых в материалах этой рубрики, посылать нам свои заметки о том, как готовится будущие рабочие. Новая рубрика открывается рассказом о мастере производственного обучения московского ПТУ № 40 Владимире Сергеевиче Филиппове, удостоенном высокого звания Героя Социалистического Труда. Владимир Сергеевич — один из тех наставников, которые не только по должности, но и по доброй воле, по призванию учат молодежь трудолюбию, мастерству, человечности.

У меня есть младший брат Антон. Когда он окончил восьмой класс, ему и многим его друзьям объявили, что в девятый класс их не возьмут. В характеристике, выданной им по сему приятному для школы случаю, говорилось, что дети эти обладают весьма и весьма слабыми способностями ко всем наукам без исключения, плохо себя ведут, а еще хуже учатся. В школе им делать больше нечего. Хорошего понемножку. Пусть вот теперь идут в ПТУ. Мы от них отказываемся.

Таким образом, учителями, именно учителями, сознательно или бессознательно, вводится понятие: ПТУ — учебное заведение самого низшего класса. Кто не для школы, тот для ПТУ. Мало того, что, утверждая неспособность детей к учебе, учителя подрывают у этих самых детей веру в себя, в свои силы, но они еще и усложняют работу педагогам и мастерам системы профтехобразования, которые должны будут убедить тех, кто идет к ним учиться, что отвращение и неуважение к ПТУ ничем не обосновано.

Только в Москве, например, требуется сейчас двадцать тысяч рабочих, а техническим училищам — пять тысяч учеников. Вполне естественно, что их можно и нужно брать из школ, но, чтобы ребята туда пошли сами и еще своих друзей повели, надо их заинтересовать, а не превращать направление в профтехучилище в наказание. «Учусь в ПТУ» — этих слов не должны стесняться дети. Как не стесняются, а гордятся ими ученики Героя Социалистического Труда Владимира Сергеевича Филиппова, масте-

ра производственного обучения ПТУ № 40. Более полутысячи подростков выучил Владимир Сергеевич за свою жизнь, и каждый из его питомцев считает, что в жизни ему очень повезло тогда, когда он пришел в ПТУ и попал в группу этого мастера. Уже сыновей своих приводят бывшие ученики: «Возьмите моего парня, Владимир Сергеевич, научите его тому, чему меня научили». До сих пор приходят в ПТУ не самые легкие ребята. Приходят с такими характеристиками:

«Все, что есть плохого, собрал в своем характере».

«Прогульщик, грубит учителям, плохо учится, но любит спорт».

«Учился на «три», обидчив. Родители умерли. Живет с бабушкой».

«Ленив, неорганизован. Учился слабо. В семье четверо детей. Работает один отец»...

«Недисциплинирован. Учителям грубил. Пропускал занятия, курил в школе. Учился на «два» и «три». К труду не приучен. С мнением родителей не считается».

В группе Владимира Сергеевича у десяти из двадцати восьми мальчиков нет отцов...

Как помочь им, этим подросткам, чтобы не только окружающие, но и они сами удивились своему превращению? Как показать им красоту труда, знаний, честности, доброты, совестливости?

Я думаю, что обо всем этом лучше меня расскажут сами ребята и Владимир Сергеевич. И вы поймете, почему удается именно Филиппову, а не родителям, не десяткам учителей и воспитателей до него из трудного подростка, от которого отказалась

школа, сделать юношу, которым можно гордиться.

Интересно, что, не сговариваясь, мастер и дети подтверждают слова друг друга.

«Я люблю свою работу... Хотя не скажу, что она бесплодна и легка. Напротив. Работа моя усложняется еще тем, что ко мне приходят учиться уже не дети. Приходят подростки. Это самый тяжелый возраст. Томас Мани сказал однажды, что человек стоит между зверем и ангелом. Кем он станет, это зависит от воспитания. В детстве этим детям было уделено меньше внимания, чем требовалось. И поэтому теперь, в подростковом возрасте, им нужно отдать гораздо больше сил и времени, чем обычным детям. В этот переломный момент, когда из ребенка рождается взрослый человек, важнее всего помочь ему разобраться в мире, в сложных его явлениях».

Я думаю, что воспитание человека начинается с уважения к нему. Подросток должен знать, что его никогда не оскорбят, над ним не надсмеются, не обругают, — одним словом, что его берегут. И вы увидите, что сам он будет вести себя так же».

«Если честно, то я ненавидел ходить в школу. На меня там все время кричали. Просто с первого урока до последнего. Виноват я, не виноват — все равно кричат. А Владимир Сергеевич не кричит. Да что там не кричит — за все время голоса на нас не повысил. И мы ему благодарны».

«Журналисты и разные люди хотят знать, каким методом я воспитываю детей. Метод мой простой — человечность. Я стараюсь как можно чаще каждого похвалить. Многие ребята, которые приходят ко мне, про-

сто замордованы упреками и оскорблениями. Что греха таить, у нас, бывает, воспитывают окриком и приказанием. А нужна похвала. Мальчик должен с радостью идти в училище. Тогда он будет с желанием учиться и работать. Я никогда не наказываю детей. От наказаний детское сердце становится холодным, равнодушным и жестоким. Если подросток провинился, то надо найти такие слова, чтобы самому ему стало стыдно. Главное не в том, чтобы он понес наказание за свой проступок, а в том, чтобы он его осознал и никогда больше не повторил».

«Владимир Сергеевич никогда нас не наказывает. Но когда мы сделаем что-то не так, то вместо того, чтобы назвать по имени, он называет нас по фамилии. И уже не знаешь, что сделать, как загладить свою вину, как добиться того, чтобы снова называли твое имя».

«Самым недопустимым наказанием я считаю наказание трудом. Это не привьет мальчику ни трудолюбия, ни тяги к своей профессии. Труд — дело чести, доблести, славы. И я стараюсь, чтобы дети это поняли».

«Но если мы забросаем во время работы металлическую стружку мусором, Владимир Сергеевич заставляет нас выбрать его. Не из каприза — нельзя сдавать такую стружку на переплавку. И сидишь — выбираешь. Пальцы все поколешь, порежешь, зато потом подумаешь, прежде чем насорить».

«Нелегко начинать моим ребятам жизнь в училище. Ну, хотя бы потому, что здесь строгая трудовая дисциплина, без которой невозможно овладеть профессией. Поэтому, чтобы помочь ребятам быстрее свик-

нуться с распорядком, первые два-три месяца я стараюсь быть все время с ними. Сам никогда не опаздываю. На утреннюю линейку в мастерской все выстраиваются за две минуты до начала занятий. В половине девятого я объявляю тему урока. И ребята знают: занятие закончится ровно в пятнадцать. К такой пунктуальности мальчики легко привыкают (неопределенное время окончания работы вызывает у них чувство нервозности). Если ученик не пришел на занятия, родители звонят в училище. И я знаю, мальчик не прогуливает.

«А нам и не хочется прогуливать. Ведь прогуливаешь, когда на занятиях неинтересно. А нам интересно. Но даже если нам неинтересно на уроках других учителей, то и тут прогулять нельзя. Нельзя подвести Владимира Сергеевича. Ведь в его группах вот уже десять лет нет прогулов. И опаздывать нам нельзя. Опоздал на тридцать секунд — два по трудовой дисциплине за месяц. Кому же хочется, чтобы из-за каких-то секунд весь месяц насмарку шел».

«В общем, дети хоть и трудно, но быстро привыкают к нашим порядкам. А если не привыкают, значит, надо понять, узнать почему. Помочь. Был у меня такой ученик — Коля К. В училище он пришел с плохой характеристикой из интерната. В первые две недели пять раз опоздал на занятия. Небывалый случай. Но я не ругал его. Тяжело было мальчику одному, без родителей. И еще я узнал, что у него не было будильника. Незаметно от группы вручил Коле будильник, сказав, что это от училища, и, шутя, добавил: «Когда станешь гроссмейстером токарных наук, подарить училищу часы с боем». И больше он не опаздывал.

Как-то в начале учебного года Коля вместе с двумя другими учениками получил двойку по специальной технологии. После уроков я сказал ребятам: «Двойку можно простить только Коле. У него, кроме учебы, много забот: он сам готовит, стирает...»

Коля заплакал. Оттого, что его не ругали, а проявили понимание его нелегкой судьбы. Несколько позже, к празднику, мы ему купили брюки. Я знал, что мой Коля, гордый, самолюбивый мальчик, может поступить подобно своему тезке из кинофильма «Друг мой Колька»: тот бросил ботинки, которые ему в присутствии класса подарил родительский комитет. Поэтому никто из ребят про брюки не узнал. И на праздник Коля появился в новых брюках.

Прошло уже пять лет. Недавно, смотрю, заходит ко мне в мастерскую парень в красивом выходном костюме. А он увидел, что я переносу ржавые заготовки, отбирает их у меня. «Коля, да ты же в костюме... перепачкаешься...» Нет, отобрал, перенес сам.

Часто можно слышать, что родители говорят: «Мы к нему со всей душой, а он этого не понимает, ведет себя отвратительно, грубит». Я не верю таким словам. Дети наши относятся к нам так же, как мы относимся к

ним. И если вдруг ребенок стал груб и зол, ищите вину в себе. И еще надо учитывать, что завоеванную дружбу очень легко потерять. Для этого может быть достаточно единственного слова. А потом уже ничего не восстановишь. Дети не прощают.

В 1957 году моими учениками были выпускники десятых классов. Ребята между собой и со мной жили душа в душу. И надо же было произойти такому...

Как-то раз они в раздевалке устроили возню. Ко мне примчался дежурный по училищу. Давай, говорит, иди разнимай своих. Первым мне попался (под горячую руку, эх!) Юра Л., хороший такой парень, спортсмен. Я на него. Он, заикаясь, растянул: «Эт-то мы и-немного порезвились». Ну, я его возьми да и передразни. Грубо так получилось, оскорбительно, недостойно. Не помужски. С тех пор я не видел больше, чтобы он приходил поболеть за меня. (Я тогда играл в команде мастеров «Динамо» по хоккею с мячом.) А раньше всегда прибежал на стадион. До сегодняшнего дня не могу себе этого простить.

«Мы когда пришли учиться к Владимиру Сергеевичу, то думали: это он только на первых порах заботится о нас, помогает, а потом все пройдет. Устанет же он когда-нибудь. Но проходил месяц, два, три, полгода, а Владимир Сергеевич был все так же к нам внимателен. Мы стараемся сами справляться со своими трудностями, реже обращаемся к Владимиру Сергеевичу, но от него ведь ничего не скроешь. Все насквозь видит. И никогда не лезет к тебе в душу, а как-то так спросит, что сам не заметишь, как расскажешь ему все».

«Беречь интимность, неприкосновенность духовного мира подростка — важнейшая задача воспитателя. Если постоянно вмешиваться буквально во все, о чем думает, что переживает подросток, что он хочет уберечь от постороннего взгляда, — это овербурлит его душу, воспитывает тошнотозность, приводит к эмоциональному невежеству. Если хотите, чтобы подросток сам пришел к вам за помощью, открыл вам свою душу, — берегите именно те уголки его внутреннего мира, прикосновение к которым воспринимается болезненно... Надо уметь смотреть детям в глаза. Если он сам не просит, то его глаза просят о помощи...»

«Нам очень обидно сознавать, что Владимир Сергеевич всегда может помочь, а мы нет. Вот он сейчас лежит, болеет. У него давление. Это у нашего-то Владимира Сергеевича, мастера спорта, давление!»

«Мне приятно видеть, как в моих воспитанниках рождаются доброта, скромность, сочувствие к окружающим. Я стараюсь пробудить в них потребность в благородных поступках. Каждым своим шагом, каждым словом я стараюсь им сказать: ВЫ ЖИВЕТЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ. Все ваши желания, все ваши действия отражаются на людях. Знайте, что существует граница между тем, что вам хочется, и тем, что можно. Ваши желания —

это радости или слезы близких. Проверяйте свои поступки сознанием: не причиняете ли вы зла, неприятностей живущим рядом с вами. Делайте так, чтобы людям, которые вас окружают, было хорошо».

Конечно, дети есть дети. Изредка и мои ребята совершают какие-то проступки. Все они записываются в дисциплинарную тетрадь. Я заметил, что совершенные проступки часто угнетают подростка. Прошла вина давит на него, ему кажется, что все об этом помнят и не хотят его простить. Поэтому один раз за все время, пока я учу их, перед большим праздником я делаю для своих мальчишек день прощения грехов. Мы достаем тетрадь и, разрывая ее, клянемся: «В это мгновение мы забываем навсегда о том, что было написано в тетради. Нет больше отличников и двоечников. Нет плохих и хороших. Все равны. Начнем все сначала!»

И какие необыкновенные превращения происходят после этого с детьми!

«Владимир Сергеевич по-настоящему учит нас будущей профессии — токарному делу. Все выпускники Владимира Сергеевича идут после училища работать на завод, а многие выпускники других групп идут куда угодно, даже водителями троллейбуса, только не на завод. Потому что их не научили любить свое дело... Наша группа порой выпускает столько продукции, сколько делают все остальные группы, вместе взятые. Только мы даем продукцию отличного качества. И в этом, конечно, заслуга нашего мастера. Он сделал все, чтобы мы поверили в свои силы и полюбили свою работу».

«Я понял, что когда учишь детей профессии, каждая мелочь должна быть обдумана. Мало знать, надо уметь передать свои знания детям. Я пришел в это училище, когда мне было семнадцать лет. Мой мастер — Семен Васильевич — был действительно превосходным токарем, но учил он нас не совсем правильно. Поэтому создавалось много лишних трудностей».

В первые дни обучения мастер дал нам чертежи и сказал: «Делайте по пять штук». Мне тогда все хотелось сделать быстрее других. Сделал я деталь и показываю Семену Васильевичу. Он посмотрел на нее и сказал: «Это не работа». И выбросил в урну. Еще быстрее я сделал вторую, и она тоже очутилась в урне. А причина недовольства мастера была совсем простой. В то время я еще не понимал, что такое биеение отверстия относительно наружной поверхности, а мастер не показал нам на станке, почему оно получилось. У нас не было эталона, к которому мы должны были стремиться... В своей работе я все это учитываю».

Хорошо, что материальная база нашей мастерской позволяет создать для учеников условия, близкие к условиям современного производства. А в современном производстве детали изготавливаются значительными партиями. Процесс обработки деталей, как правило, расчленяется на опера-

ции, при выполнении которых выгодно применять различные приспособления, способствующие повышению производительности труда с наименьшей затратой сил. Есть сложные приспособления и элементарные. Сложные изготавливаются в инструментальных цехах, а элементарные могут быть сделаны в училище».

«В других училищах нет столько приспособлений, сколько у нас. Нет у каждого ученика своего персонального инструмента на своем месте. Нет приспособления для заточки резцов, сверл, для измерения углов резца. Владимир Сергеевич сам разработал это приспособление. И теперь оно выставлено в павильоне «Профтехобразование» на ВДНХ. Вот кулачки для быстрого и надежного закрепления обрабатываемых деталей, вот приспособления, которые помогают обеспечить точный размер партии деталей... А вот так заточивает резец только Владимир Сергеевич. Он нас тоже этому научил».

«Я стремлюсь не только научить ребят пользоваться приспособлениями, но и разбираю с ребятами технологию их изготовления для того, чтобы каждый мог сделать себе такое же. И на заводах все продолжают работать с училищными новинками. Саша Мухин, используя приспособление для отрезания фрезой заготовок из прутков небольшого диаметра, мог выполнить за смену более двух норм. Виктор Манушин применил приспособление для обработки валков без хомутика. Этим новшеством заинтересовались в цехе, и училище получило заказ на его изготовление».

«Владимир Сергеевич проводит для нас два инструктажа в день. При первом показывает, как выполнить операцию при минимальных возможностях станка. Когда мы усвоим этот обычный способ, нам, при втором инструктаже, демонстрируется эта же операция, но с применением специальных приспособлений, которые облегчают выполнение операции и повышают производительность труда. Владимир Сергеевич учит нас выполнять операции двумя способами, потому что в единичном производстве не всегда выгодно применять приспособления, тем более изготавливать их для одной-двух деталей. Но мы ведь знаем, что можно сделать быстрее и проще, поэтому еще до того, как Владимир Сергеевич показал нам второй прием, мы уже сами думаем, как облегчить себе эту операцию».

«Моя цель — воспитать не просто токаря, а вырастить человека талантливого, умеющего работать творчески, с полной отдачей. Ребята не должны питаться только тем, что я им даю. Должны мыслить сами. Както я объявил, что завод «Художественная гравюра» просит нас сделать хотя бы 300 подставок для кубков. И предложил сделать не триста, а пятьсот подставок. Станок Володи Касьянова был на ремонте, поэтому он занялся учетом выполнения заказа. А девять мальчиков приступили к работе. В первые два часа Сережа Передков сделал деталей вдвое больше,

чем другие. Ребята, поглядывая на доску, где почти через каждую минуту появлялись результаты, недоумевали, что за секрет такой у Передкова. Оказывается, тот при сверлении алюминия применял керосин и увеличил скорость резания. Хорошее надо перенимать. И вскоре все работали, как Сережа. А потом Сергей Буданов переиграл других. Приглядевшись к его работе, я увидел, что он применяет прием, который я им никогда не показывал. И сам не применял в работе. Так в соревновании родилась производственная новинка. Только благодаря тому, что мальчик умел думать.

В этот день ребята сделали не пятьсот подставок, как я предполагал, а 894. На примере выполнения этого заказа я лишней раз убедился, что соревнование захватывает молодежь, если оно строится интересно, без формализма. Оно не терпит шаблона, и я стремлюсь разнообразить формы его организации.

Всем известно, что специалист считается хорошим, если он умеет делать свою работу не только красиво и точно, но и быстро.

Обучая ребят, я пришел к выводу, что от них нужно требовать качества, а количество само придет. И чтобы помочь им добиться качества, я предложил руководству училища сократить время на прохождение операционных тем. Ведь у учащихся разные способности, а учат обычно всех одинаково. Способный ждет, когда менее способный усвоит материал. Время прохождения операционных тем слишком растянуто, а профессиональные приемы мало чем отличаются друг от друга. Сложность выполнения любой токарной работы заключается главным образом в классе точности и чистоте обработки. Поэтому если при изучении операционных тем ребята будут выполнять учебные работы невысокой точности, то это не страшно. После ускоренного изучения операционных тем ученики могут уделить больше времени росту своей квалификации. С 1965 года я сократил время изучения операционных тем на двадцать процентов. Это дает очень хорошие результаты: больше половины учащихся получают при выпуске повышенные разряды.

Я горжусь своими учениками. Они приходят трудиться на завод, серьезно изучив свою профессию.

В одной из групп инструментально-го цеха базового завода, где изготавливают детали повышенной сложности, неохотно брали пополнение из ПТУ. Но в прошлом году в этой группе оказался мой ученик Андрей Лашаков. С первого дня практики Андрей убедил сменного мастера и заместителя начальника цеха в том, что он неплохо знает свою профессию. Рассказал об этом мастер группы инструментальщиков Сергей Георгиевич Крупинин: «Андрей пришел ко мне на практику в конце апреля, перед праздником. В конце месяца всегда много дел, и я дал ему сложную втулку, на изготовление которой, думал, хватит ему всей

смены. Часа через два Андрей принес мне готовую деталь, выполненную по образцу. Я проверил размеры и понял, что нашей группе повезло». Когда об этом узнали старший мастер и заместитель начальника цеха, они попросили, чтобы я направил к ним еще учащихся из группы.

Когда учишь подростков, важно обращать внимание на все, даже на такие вещи, как распределение станков. В нашей мастерской у каждого ученика свое рабочее место. Как и в любой группе, у нас есть успевающие и отстающие. При распределении станков мастера, как правило, хорошие выделяют способным, а отстающим похуже. Казалось бы, это справедливо. Но я так не делаю. Отстающий и без того находится в затруднительном положении, а плохой станок только усугубит его. Не всякий сможет преодолеть эти трудности, а скорее всего ученик потеряет веру в свои способности.

Если производственное обучение организовано хорошо, то все другие задачи обучения и воспитания будут решаться с меньшими затратами энергии. Мастер должен раскрыть своим ученикам красоту профессии, чтобы они увлеклись ею. Для этого надо видеть малейшие достижения ученика, знать, в чем он испытывает трудности, какой результат труда для него будет радостным событием.

Я помню всегда: у каждого ученика свои, одному ему присущие способности. И если для одного — достижение сделать пять болтов за определенное время, то для другого — десять. Поэтому я часто ставлю оценку ученику, учитывая его возможности. И эта оценка вселяет в подростка уверенность... Нельзя допускать со стороны ребят даже малейшего равнодушия к профессии. Сигналом этого является, скажем, желание подежурить по училищу вместо того, чтобы работать на станке, преждевременное окончание работы (даже на пять минут), приход на практику не за десять — двенадцать минут, как у нас принято, а за одну-две. Часто я спрашиваю родителей, говорят ли ребята дома о своей работе. И если узнаю, что нет, то это тоже меня настораживает. Подбираю этому мальчику работу поинтереснее. В день теоретических занятий приношу ему чертеж, часто даже обычной детали, и говорю: «Эта работа срочная, подумай дома, как завтра сделать ее быстрее». Глядишь, назавтра выполняет работу быстро и с интересом.

Каждый вечер, возвращаясь домой и ощущая дыхание остывающей улицы, я думаю: как солнце согревает ее за день, так и Владимир Сергеевич согревает детей теплом своей души. А те отдадут его другим.

И станет доброта одного человека добротой многих.

В этой публикации использованы высказывания учащихся ГПТУ № 40 Михаила Жубрина, Александра и Михаила Нуждиных, Виктора Свентуховского, Алексея Соловьева и Андрея Тюрина, которым редакция выражает благодарность за помощь в организации материала.

Эту песню композитор, лауреат премии Ленинского комсомола Юрий Чичков и поэт Петр Синявский посвящают учащимся профессионально-технических училищ и их наставникам.

СПАСИБО ВАМ, НАСТАВНИКИ

Слова Петра СИНЯВСКОГО. Музыка Юрия ЧИЧКОВА.

Затуманился остров,
Где кончается детство.
Значит, время настало
Сделать выбор в судьбе.
В жизни взрослой и новой
Пора осмотреться,—
Твой рабочий наставник
Поможет тебе.

Если трудно придется,
Слов не будет пустых,
Он мудрей всех на свете,
Ведь он твой учитель,
А когда улыбнется,—
Такой же, как ты.

Припев:
Спасибо вам, наставники,
Что первые шаги
Всегда согреты вашими сердцами.
Спасибо вам, наставники,
За то, что новички
Становятся большими мастерами.

Припев.
Если сердце не гаснет,
Если добрые руки,
Значит, нужен ты людям,
Значит, дорог друзьям.
Ты пока первоклассник
В рабочей науке,
Но когда-нибудь будешь
Наставником сам.

Рядом с ним не заметишь
Ни часов и ни чисел,

Припев.

В ДВУХСТАТЬ С

К 30-летию разгрома
милитаристской
Японии

2 сентября 1945 года на линкоре «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции последнего союзника гитлеровского фашизма, милитаристской Японии. За 24 дня объединенными усилиями трех советских фронтов и Тихоокеанского флота была ликвидирована более чем миллионная группировка противника.

Наша страна стала главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству, вынесла на своих плечах основную тяжесть второй мировой войны и сыграла решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем милитаристской Японии. Это привело к падению реакционных режимов в ряде государств Европы и Азии, создало благоприятную обстановку для борьбы трудящихся масс за социализм.

ДЕСАНТ.

Александр ПРИТУЛА,
генерал-майор.

В ночь с 18 на 19 августа 1945 года мне позвонил командующий Забайкальским фронтом маршал Р. Я. Малиновский.

— Спице, Притула?
— Ужинаю, товарищ маршал.

— Отлично, что не пришлось быть, ждем вас в штабе. Выезжайте.

Родион Яковлевич был не из тех, кто вызывает по пустякам. Он не приказал захватить какие-либо документы, значит, разговор будет не о моих текущих делах. Штаб фронта располагался тогда в Тамцак-Булаке. Через три минуты вместе с моим водителем, верным боевым товарищем Валентином Нестеровичем мы уже были в дороге.

Вот уже десятый день, как советские войска, взломав оборону японцев на границе Монголии и Китая, вели наступление в глубь Маньчжурии. Забайкальскому фронту отводилась главная роль в разгроме Квантунской армии. Действуя в общем направлении на Чанчунь, Мукден, советские войска рассекали группировки противника, отрезали его от основных коммуникаций и неуклонно рвались вперед, стремясь соединиться с 1-м Дальневосточным фронтом и завершить окружение более чем миллионной Квантунской армии. Впереди шли наши танковые корпуса в сопровождении пехотных.

Позади остался Большой Хинганский хребет, это естественное, как считал противник, «непреодолимое препятствие» на пути советских войск. Хребет, ширина которого в некоторых местах доходила до нескольких сот километров, усыпанный дотами и дзотами, был пройден с боями в первые же дни наступления. Невиданный темп нашего продвижения настолько потряс правительство империалистической Японии, что формально к середине августа оно объявило о капитуляции. Но это была всего лишь декларация: соединения Квантунской армии, гарнизоны укрепленных районов продолжали оказывать серьезное сопротивление нашим частям. На допросах пленные японские офицеры отвечали, что не получали приказа сложить оружие и вынуждены вы-

полнять свой долг. Такой в общих чертах была обстановка к ночи с 18 на 19 августа.

В землянке командующего фронтом у расстеленной карты меня ждали Р. Я. Малиновский, начальник штаба фронта генерал армии М. В. Захаров, член Военного совета генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, командующие воздушной и танковой армиями. Без какого-либо вступления маршал перешел к делу:

— Верховный Главнокомандующий требует от фронта решительных действий. Политическую и стратегическую обстановку как заместитель начальника штаба фронта вы знаете. Через час вы должны принять командование авиадесантом и лететь на Мукден. По нашим данным, там находится штаб 3-го японского фронта, там же сейчас император Маньчжоу-Го Пу-и. Ваша задача — захватить важнейшие объекты Мукдена, вынудить японское командование издать войскам приказ о полной и безоговорочной капитуляции, найти императора. Подробные инструкции позже. Ясно?

— Ясно.

— Операция серьезная, Дорофеич, теперь ты особоуполномоченный фронта и Советского правительства в Мукдене, там стотысячная группировка противника, но там и мирное население, которое ждет нашего прихода, там лагеря военнопленных, там посольские миссии. Словом, ты отвечаешь за каждый свой шаг. Действуй!

Я вернулся к себе, чтобы взять адъютанта, необходимые вещи, и через час был на аэродроме. Начало светать. Спinoй к транспортным самолетам выстроился десант — 225 солдат и офицеров. Многие из них я знал в лицо, вместе воевали на Днестре, в Болгарии, Румынии. Преимущественно молодежь — коммунисты, комсомольцы. Лучшие из лучших. В состав десанта вошли специально подготовленные воины 6-й танковой армии, разведчики стрелковых соединений. Большинство из них имели репутацию отличных снайперов, спортсменов, были награждены орденами и медалями. Сегодня им предстояло труднейшее дело, испытание, в котором могли понадобиться вся их воля, мужество, выдержка. Забегая вперед, скажу, что все до одного отлично выдержали это испытание, были на высоте в любых, самых неожиданных и сложных ситуациях.

Вместе с командующим 12-й воз-

душной армией Худяковым, чьи летные подразделения должны были сыграть важнейшую роль во всей операции, мы обшлели строй десантников. Внимательно проверили оружие, боекомплект, обмундирование каждого, с особой скрупулезностью парашюты. По замыслу, десант должен был спускаться на северный аэродром Мукдена, но обстоятельства могли сложиться и так, что пришлось бы спускаться на парашютах. Задание надо было выполнять в любом случае.

Армада из нескольких десятков самолетов поднялась в воздух и пошла к Мукдену. Транспортные машины со всех сторон прикрывали истребители, штурмовики, бомбардировщики. Это было не просто сопровождение, обстановка могла потребовать от нас самых решительных мер, поэтому бомбовые люки загружались до отказа, истребители вели опытные, испытанные на фронте летчики. Они должны были вступить в дело — нанести сокрушительный удар по важнейшим военно-промышленным центрам Мукдена в случае, если японский генералитет наотрез откажется подписать приказ о капитуляции или пойдет на военную провокацию.

Мы летели в машине с командиром одного из десантных подразделений. Фамилию его не называю умышленно. До сих пор помню его слова:

— Товарищ генерал, я не ноанчок в таких делах, вы знаете это, но в данном случае не уверен, что останемся живыми. Если вам повезет больше, чем мне, вот мой адрес, напишите домой.

Я мог бы отругать его за малодушие, если бы не знал этого человека как отважного боевого офицера. Поэтому сказал другое:

— За нами фронт, страна, помните об этом, верьте в победу, и все будет хорошо.

Он кивнул головой:

— Есть верить!

Над одним из хребтов мы подошли почти вплотную к грозовой зоне.

— Решайте, — сказал полковник, командир авиасоединения десанта, — если пойдем напрямик, рискуем не добраться до Мукдена.

Идти в грозу — значит рисковать напрасно, возвращаться назад — значит упустить бесценное время, я приказал садиться в Ванемю, дожидаться, пока тучи рассеются, про-

изводить дозаправку, пополнить наш отряд еще несколькими боевыми самолетами.

По аэродрому Ванемю уже прохаживался Худяков, прилетевший туда раньше нас.

— Генерал, ведь вы в какой-то степени парламентар, летите с такой щекотливой миссией, а на крыльях флагманской машины нет белых полос. Непорядок.

Да, действительно, я об этом не подумал прежде и теперь жалел. Худяков приказал найти белую краску. Перерыли все ближние склады — нигде нет. Вдруг я увидел идущих мимо летчиков с ящиками сгущенки в руках.

— Вот она, краска!

Немедленно были вскрыты несколько десятков банок, и снизу за плоскостях появились не очень ровные и белые, но все же довольно светлые полосы. Пусть теперь японцы не сомневаются в наших добрых намерениях.

Скоро мы опять были в воздухе и позскадрильно пошли к цели на полной скорости. До Мукдена долетели без происшествий, не считая встречи с несколькими японскими истребителями, которые, впрочем, тут же убрались с пути, стоило нашим якам пойти к ним на сближение. Не снижая скорости, красноезвездная армада пролетела над затянутым голубой дымкой Мукденом и, развернувшись, пошла на посадку. Мы отлично видели, как засуетились возле зениток японские артиллеристы, как поползли дымовые завесы над позициями, занимаемыми войсками. В голове бился один-единственный вопрос: откроют стрельбу или нет? Если откроют, войскам придется брать город с боем. Но то ли наше появление было слишком внезапным, то ли батарея, взяв нас в прицел, испугались ответного удара. Это продолжалось секунды. Но именно в такие вот секунды переживаешь всю жизнь сначала.

Первыми коснулись посадочных полос два истребителя и прокатились по ним до самого конца, проверяя, не заминирован ли аэродром. Следом сели флагманский самолет, машины с десантом. Дальнейшие события развивались с такой быстротой, что рассказ о них займет больше времени, чем они сами. По заранее разработанному плану десантники оцепили аэродром и, словив сопротивление охраны, обезоружили ее и загнали в ангары. Несколько

ОПРОК ПАТРОЛО

НАСЕЛЕНИЕ МУКДЕНА ПРИВЕТСТВУЕТ СОВЕТСКИХ ВОЙНОВ-ОСВОБОДИТЕЛЕЙ.

ГЕНЕРАЛ А. Д. ПРИТУЛА ВЕДЕТ ПЛЕНЕННОГО ИМПЕРАТОРА ПУ-И К САМОЛЕТУ, КОТОРЫЙ ДОСТАВИТ ЕГО В ШТАБ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ФРОНТА.

выстрелов, которые успели сделать офицеры аэродромного обслуживания и японские летчики, не повлияли на ход операции. Десантники, вооруженные автоматами, действовали потрясающе быстро и бесстрашно. Через несколько минут у ворот, дверей, слягбаумов уже стояли наши ребята. Уйти удалось лишь четверым летчикам, находившимся вблизи от своих самолетов. Когда десантники окружали аэродром, они успели вскопчить в кабины и, разогнав машины, поднялись в воздух. Потом, словно сговорившись, их истребители упали в пике и пошли вниз. Четыре взрыва раздались почти одновременно. Японские летчики кончили жизнь самоубийством, сделав традиционное самурайское харакири в воздухе.

Не теряя ни секунды времени, я послал группы десантников во главе с офицерами занять здания радиостанции, телеграфа, городского управления, военного арсенала, мосты, железнодорожные станции. Первая часть задачи была выполнена, мы полностью контролировали аэродром, эти воздушные ворота города, не потеряв ни одного человека. Скоро нам на помощь должны были прибыть подкрепления. Но ждать их, ничего не предпринимая, значило дать противнику опомниться.

Взяв с собой несколько бойцов и переводчика, я бросился к зданию аэропорта. Нам навстречу вышел дородный, седой человек в форме японского военнослужащего. Как выяснилось позже, он до Октябрьской революции носил форму царского полковника. Увидев в моей руке пистолет, он поднял руки и заговорил на чистом русском языке:

— Господин генерал, я русский эмигрант, ныне начальник охраны аэродрома. Имею вам сообщить, что в правительственном павильоне находится император Пу-и со своей свитой.

Я приказал ему опустить руки и вести туда, где скрывался Пу-и. По дороге русский «патриот» рассказал, что японское правительство потребовало от марионеточного императора вылететь в Токио из Чанчуня, где он находился. Но в Чанчуне не оказалось нужного самолета, император перебрался в Мукден и ждал, пока его хозяева подготовят специальную машину для эвакуации. Он должен был вылететь в Токио с минуты на минуту. В душе я поблагодарил судьбу за то, что мы успели

вовремя. Неизвестно, каких хлопот можно было ждать в дальнейшем от пусть и лишнего престола, но все же свободно разгуливающего последнего императора Маньчжоу-Го.

Мы поднялись по лестнице в правительственный салон. Внезапно оттуда вышел невысокий худощавый генерал. Как ни в чем не бывало он торопливо шел мимо нас. Я остановил его:

— Генерал, аэродром занят советскими войсками, выход отсюда только с моего разрешения.

Он остановился и представился: — Командующий 3-м фронтом, генерал армии Усироку Дзюн. С кем имею честь?

Я назвал себя и попросил следовать за мной. Генерал сделал вид, будто не понимает моих слов. Русский эмигрант шепнул мне, что командующий притворяется, русским он владеет свободно.

— Разрешите мне связаться со штабом? — сказал он по-русски, поняв, что игра не удалась.

— Через несколько минут и в моем присутствии.

— Хорошо.

Мы распахнули двери правительственного салона и вошли в светлый, просторный зал, уставленный мягкими креслами, диванами, столиками. На стойке вдоль стены — стаканы с соком, виски, пивом. Человек двадцать встали со своих мест и испуганно разглядывали нас. Пу-и, которого я знал по фотографии, продолжал сидеть. Наконец, поставив недопитый стакан на столик, поднялся и он. Автоматчики тем временем заблокировали окна и двери. Я вышел на середину зала.

— От имени Советского правительства предлагаю вам капитулировать (Пу-и отвернулся к стене), прошу сдать оружие.

Министры Маньчжоу-Го по очереди подходили к столу и складывали пистолеты.

— Господа, — я обращался непосредственно к императору, — прошу сдать все оружие.

Он понял, подошел к дивану, откинул подушку, достал небольшой с инкрустированной рукояткой пистолет и, подержав на ладони, бросил его в кучу остального оружия. Я не психолог, но вряд ли ошибусь, утверждая, что в ту минуту Пу-и был близок к самоубийству. Не знаю, что помешало ему тогда, наше присутствие или рассудок, но

он не мог не понимать, что это конец. Конец политический, духовный, физический. Но уже через десять минут он с тревогой в голосе, нервно теребя пуговицу пиджака, спрашивал: сохранят ли ему жизнь? Мой ответ успокоил его (Пу-и был всего лишь марионеткой, его действиями управляли из Токио, оторванный от питающей его среды, он был не опасен), император как на духу сообщал мне все, что могло заинтересовать нас в ту минуту. Он назвал каждого из членов кабинета министров, находившихся в зале, сообщил, где спрятана правительственная документация, какова численность Мукденского гарнизона, коротко охарактеризовал настроения в среде японского генералитета и в марионеточных войсках, ответил на ряд вопросов представителя наших разведорганов.

Задерживаться долго в аэропорту не имело смысла, предстояло главное — заставить командующего 3-м японским фронтом подписать приказ о капитуляции. Усироку Дзюн позвонил в штаб и предупредил о том, что сейчас приедет с представителем русского командования. Думаю, что предупреждение это запоздало, город уже знал о десанте, связанные донесли, что местное население приветствует наших солдат как освободителей, японская администрация настороже, ждет исхода наших переговоров с командующим. Оставив охрану у дверей правительственного салона, я с группой офицеров еду в штаб фронта. Предварительно связываюсь по радию с Малиновским и сообщаю о своих намерениях. Маршал дает «добро» и предупреждает о возможных провокациях. Заканчивает словами:

— На всякий случай держите в воздухе авиацию. Наши танки идут на Мукден.

Я знал это. Знал, что в эти минуты обо всех событиях в Мукдене, крупнейшем военно-промышленном центре и узле коммуникаций противника, докладывают главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу Василевскому и дальше, в Москву. Знал, что на поддержку к нам рвутся передовые части фронта, готовятся новые десантные отряды. Но пока нас здесь только 225 человек.

На улицах Мукдена много народа. Китайцы машут национальными флагами, бегут за машинами, обращая внимания на военное оцен-

ление и туманы японских жандармов. Они приветствуют нас, радуются своему освобождению.

В штабе нас уже ждали. Более двадцати генералов из управления штаба, командиров близлежащих укрепрайонов, дивизий и бригад Мукденского гарнизона выстроились в вестибюле. Первым делом я приказал поставить у главного входа наших автоматчиков и никого не выпускать без моего разрешения. Усироку Дзюн представил мне всех генералов и предложил пройти в его кабинет. Мы поднялись выше этажа и оказались в просторной, обставленной строгой мебелью комнате. «Дом» Дзюн сразу оживился и попытался разыграть из себя радужного хозяина.

— Что будем пить, генерал? — спросил он, улыбаясь.

— Сначала дело, — ответил я.

Заняв место за его столом, я предложил японцам сесть. Незаметно перedal маленькую ракетницу адъютанту и показал взглядом на балкон. Он кивнул и вышел. В случае необходимости по моему сигналу адъютант должен был дать знак нашей бомбардировочной авиации, барражировавшей над городом. Тогда же начнется атака на стратегические объекты. Но как мне не хотелось такого исхода. В результате бомбардировки могло пострадать мирное население, были бы разрушены промышленные предприятия, столь необходимые для восстановления экономики разграбленной японцами страны.

Я встал и прочел проект приказа о капитуляции: «Во избежание бесцельного кровопролития японские войска должны немедленно прекратить сопротивление и приступить к организованной сдаче в плен. Генералам и офицерам разрешается оставить при себе холодное оружие, все остальное вооружение — техника, автомашины, танки, самолеты, боеприпасы — должно быть передано представителям советских войск. Важнейшие объекты в Мукдене и окрестностях, как-то — аэродромы, мосты, железнодорожный узел, телеграф, банки и другие объекты, подлежат передаче подразделениям десанта немедленно... Всем японским военнослужащим гарантируются жизнь, медицинская помощь, продовольственное обеспечение. Власть переходит к представителю Советского командования»...

Кончив читать, я посмотрел на генералов. На их лицах растерянность, страх, злоба, угодничество. Все, кроме спокойствия. Добавляю: — Господа, на подходе к Мукдену наши танковые соединения. Харбин взят, японские войска сдаются по всему фронту. Выход один — издать приказ о капитуляции.

Пауза. Генералы переглядываются, Усироко Дзюн опустил голову, напряжение достигло предела. И вдруг резкий, как хлопок, вскрик: — А если мы откажемся сложить оружие?

Вперед выступил сухощавый, с желтым злым лицом генерал-лейтенант, командующий гарнизоном Мукдена. До сих пор помню его имя — Хонго. Впоследствии я узнал, что Хонго был одним из самых жестоких главарей японской империалистической вренщины, ярым врагом Советского Союза, главным жандармом Мукдена.

Спокойно смотрю прямо в злые глаза. В этот момент над зданием штаба с ревом проходит эскадрилья наших бомбардировщиков. Все невольно смотрит в окно.

— Тогда будут напрасные жертвы, генерал. Они будут на вашей стороне, запомните это.

Генералы выходят посоветоваться. Через некоторое время Усироко Дзюн объявляет, что решение о капитуляции принято, поправок нет. И вновь, как час назад, на полированный стол возле меня ложатся два десятка пистолетов. Тут же садится с командующим японским фронтом и набрасывает приказ № 1 за двумя подписями — его и моей. Потом тот же вопрос: гарантируется ли командному составу жизнь? Отвечаю: «Да, если среди ваших подчиненных нет военных преступников». Как выяснилось позже, среди присутствовавших генералов были те, кто принимал участие в разработке и испытании средств бактериологической войны. Впоследствии они были осуждены как военные преступники на процессе в Хабаровске.

По радио и через офицеров связи приказ о капитуляции немедленно доводится до всех частей фронта. Назначены пункты передачи техники, оружия. Я с офицерами еду на один из главных пунктов приема пленных. В пути останавливаемся у арсенала, казарм городского гарнизона, почтамта. Командиры десантных групп докладывают об обстановке. В основном в городе спокойно. Кое-где японские офицеры пытаются оказать сопротивление, но были обезоружены и взяты под охрану. Крупных провокаций нет. И все-таки я чувствую, как нас мало. Беспокоюсь, что японцам удастся вывезти награбленные ценности и секретные документы. Прошу удвоить бдительность, вот-вот должны приземлиться самолеты со вторым десантом.

Внезапно мне докладывают, что одна из танковых бригад отказалась сложить оружие. Едем туда вместе с Усироко Дзюном и двумя моими бойцами. Будь их даже десять, это не поможет, если бригада откажется выполнить приказ о капитуляции добровольно. В дороге спрашиваю Усироко Дзюна, что он намерен предпринять: не выполнен приказ, подписанный его рукой. Он пожимает плечами. С самого начала этот генерал занял странную позицию, внешне он извлял полную готовность к капитуляции, но в каждом отдельном случае, я чувствовал это, внутри него происходила борьба, он колебался между протестом и согласием. Это был опытный, кадровый военный, неплохой теоретик, пользовавшийся авторитетом в армии, очень неглупый человек.

Личный состав танковой бригады выстроился на плацу под знаменем

части. По лицам солдат и офицеров было видно, что они готовы на все. Вряд ли правильно было начинать с угрозы, и в то же время какой из меня дипломат.

— Обращаюсь к вам как солдат к солдатам, — начал я. Переводчик перевел.

— Во имя мира, во имя счастья наших народов... вы должны капитулировать, чтобы сохранить себя для будущего, для ваших детей и жен... Я пришел к вам без оружия (показываю пустую кобуру), потому что верю в ваше благоразумие.

Потом говорил Усироко Дзюн. Его слушали с таким же вниманием и настороженностью. Когда он закончил, один из солдат выступил вперед, поцеловал оружие и положил на землю. В ту же минуту раздался выстрел (застрелился кто-то из офицеров), но это уже не могло изменить ход дела. Бригада сложила оружие.

На следующий день, приняв основную военную технику, я отправил высших командиров на самолете под охраной в расположение штаба Забайкальского фронта. Император уже был там. К тому времени действовал воздушный мост между Мукденом и Ванемю, где находились крупные соединения советских войск, мы получили подкрепление и смогли установить контроль над всеми жизненно важными центрами города. С помощью Пу-и был обнаружен арсенал бактериологического оружия, которое могло быть пущено в ход в любую минуту.

Одним из наиболее ярких событий тех дней было освобождение военнопленных союзных армий, содержащихся в лагере, неподалеку от Мукдена. Несколько лет тысячи американцев, англичан, голландцев, французов, бельгийцев томилась за колючей проволокой без всякой надежды на спасение. В лагере помещались и видные военачальники — вице-маршал авиации Великобритании Малтеби, генералы Джонс, Шарп Ченович, Втофер, Пиэрс, Фокк, Орейк, Стивенс Лоф Бийби. Старший по званию, генерал Паркер от имени своих товарищей со слезами на глазах поблагодарил нас за освобождение.

— Вы совершили чудо, — сказал Паркер, — подобного еще не знала история, бросок через Хинган, темп вашего наступления — это невиданный военный подвиг. Спасибо.

Оружие лагерной охраны мы роздали бывшим военнопленным, через несколько дней они были отправлены на родину.

В последующие дни случилось еще много разных событий, в которых мне довелось участвовать и как генералу и как дипломату. Но главное было позади — 3-й японский фронт перестал существовать, путь на юг был открыт.

За решительные действия личному составу первого мукденского авиадесанта была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего.

...Я сорок лет отдал армии. Прошел Великую Отечественную войну от первого до последнего дня. Я знаю, что такое опасность, мужество, товарищество. Я извещал все: и горечь военных неудач и радость нашей победы. Почти всегда я сталкивался с обстоятельностью, когда от личных качеств командира зависело очень многое. Но я утверждаю, что мгновения, пусть даже длиною в день, подобные тому, что я пережил во время десанта на Мукден, случаются в жизни только один раз. Тогда от каждого из нас — 225 солдат — зависело неизмеримо большее, чем просто исход боя.

НОВОЕ ИМЯ

Виктор МАКУШКИН

РАССКАЗ

Молодой журналист из города Сальска, Ростовской области, Виктор Макушкин в Москве еще ни разу не печатался, а поэтому публикация первого рассказа во всесоюзном журнале — событие для него, очевидно, радостное. Но одновременно и ответственное.

Герой рассказа — люди живые, естественные, запоминающиеся. Казалось бы, еще совсем недавно мы и сами где-то видели и слышали их — во дворе собственного дома, на работе, в магазине, в автобусе... Это правдивое пластическое и речевое ощущение своих героев, умение показать их в реальных внешних проявлениях и внутренних духовных движениях — безусловная заслуга молодого литератора.

Но творческие возможности Виктора Макушкина, конечно, не ограничиваются перечисленными достоинствами. Его психологическому «зрению» доступны не только пластическая, но и социальная характеристика изображаемых людей. Потому что и Саня, и дядя Гена, и сначала Леха исследуются автором под сатирическим углом зрения. Это мещане новой формации. Саня уехала из деревни в город из-за того, что для нее якобы в деревне «мало культуры». На самом же деле она просто ищет себе в жизни места потеплее — и квартиру за недолгий срок городской жизни успела «выбить» и простецкого парня женить на себе собирается... Бунт Лехи против Сани выглядит в рассказе несколько элементарно (это мы и имели в виду, когда говорили об ответственности первой столичной публикации, — в дальнейшем М. Макушкину нужно более основательно мотивировать поступки своих героев). Но важно, что Леха решил на это бунт.

Виктор Макушкин — литератор, безусловно, одаренный. У него есть наблюдательность, любовь к слову. В маленьком и вроде бы незамысловатом по сюжету рассказе «слышится» еще негромкий, но уже свой голос.

Валерий ОСИПОВ

Саня (Александра, Шурочка) и Леха — в некотором роде молодожены. А впрочем, может, и не молодожены: с полгода это у них, но не расписывались.

«Дружим, понятно? — энергично разъясняет Саня любопытным соседкам. — Дружим мы, дружим!»

Насчет терминологии у нее четко и строго. «Дружат» — одно, «встречаются» — другое, «гуляют» — третье, «живут» — совсем четвертое.

Даже дошлых городских домохозяек, которые, как известно, знают все, так запутала, задуррила этими терминами, что тем в пору за голову хвататься. В самом деле: жених он ей, что ли, этот Леха? Так уже полгода ночует. Муж? Чего не расписываются?

Захватывающе интересно разобраться соседкам в этой ситуации. Но с Саней лучше не связываться: концов не найдешь.

Даже возраст свой на всякий случай прчет, хотя пока это просто бессмысленно (совсем ведь еще молодая). Спросит ее — и залатошила в ответ: — А тебе зачем? Тебе зачем? Ты что, варить меня будешь? Варить, да? Не надо меня варить. Не надо.

Ситуация, конечно, сложная. Но не очень: просто Шурочка держит Леху в резерве. Выжидает. Подвернется что получше — отошьет землячка. Не подвернется — сойдет и этот.

Главный секрет и фокус, что она уверена: Лехе и так счастья за глаза, куда не денется. Вот и пребывает он у нее на правах будущего жениха с видом на настоящий ночлег...

— Лешенька, лапонька, — сыплется из распахнутого окна, из-за горшочков с геранью и травкой. — Принеси полойную цибарочку, зайчик!

Слова слетают с Саниных уст легко и любезно. Послушаешь — даже пердразнить этак не зло хочется: ти-ти-ти-ти. Очень уж похож на это «ти-ти» в такие минуты ее говорок.

«Зайчик», набравший к 22 годам около восьмидесяти килограммов весу, с лентой отрывается от скамейки под берестом, на которой он только что курил с дядей Геной, и идет в другой конец двора выполнять поручение.

Светловолосый, розовощекий, с негустым налетом веснушек под добродушными глазами, Леха похож на бычка, которого так и хочется почесать за ухом.

Идет. Ему бы красную рубаху, пояс с набором. Хромку.

А на нем джинсы с бахромой, вот-вот лопнут. Распашонка в цветочек. «Фраер восьмой гильдии», — на глазок определяет опытный дядя Гена, поглядывая за Лехиной заботой-работой.

Идет Леха, а у самого невольная улыбка так и гуляет по широкому образу лица. Еще бы не улыбаться: он и «зайчик» и «лапонька», и постель ему под бок — и жениться не заставляют. Подарок фортуны, да и только!

Принес мусорное ведро, на порожки поставил. Опять к дяде Гене под берест двинулся.

Дядя Гена не то чтобы с завистью, но весьма внимательно наблюдающий эту картину, говорит (почему-то шепотом):

— Леха, тебе — нравится? Ты подробно ощущаешь размеры личного счастья?

— Да, ощущаю, — улыбается Леха не очень уверенно и немного даже виновато. — Ощущаю... только я так думаю, — продолжает он уже серьезно, — хватит нам играть, расписываться надо. А то доиграемся.

— Ну, тебе загул не грозит, — ухмыляется в свои негустые, но умело ухоженные усы дядя Гена, бывший король танго и роковой мужичок. — Ты домашнее животное, стойловое...

Замысловатая дядина речь не совсем понятна парню. Он недавно из деревни, и городское языкоблудие еще не для него. Впрочем, и Саня здесь не так давно. Но куда до нее Леха! Эта за каких-то два года и обертерься успела и даже однокомнатную квартиру, пусть в старом доме, выбила.

Нет, Саня — совсем другое: полностью городская.

«Видала я в гробу ту природу! — говорит она, когда по телику всякие

САНЯ, ЛЕХА И ДЯДЯ ГЕНА

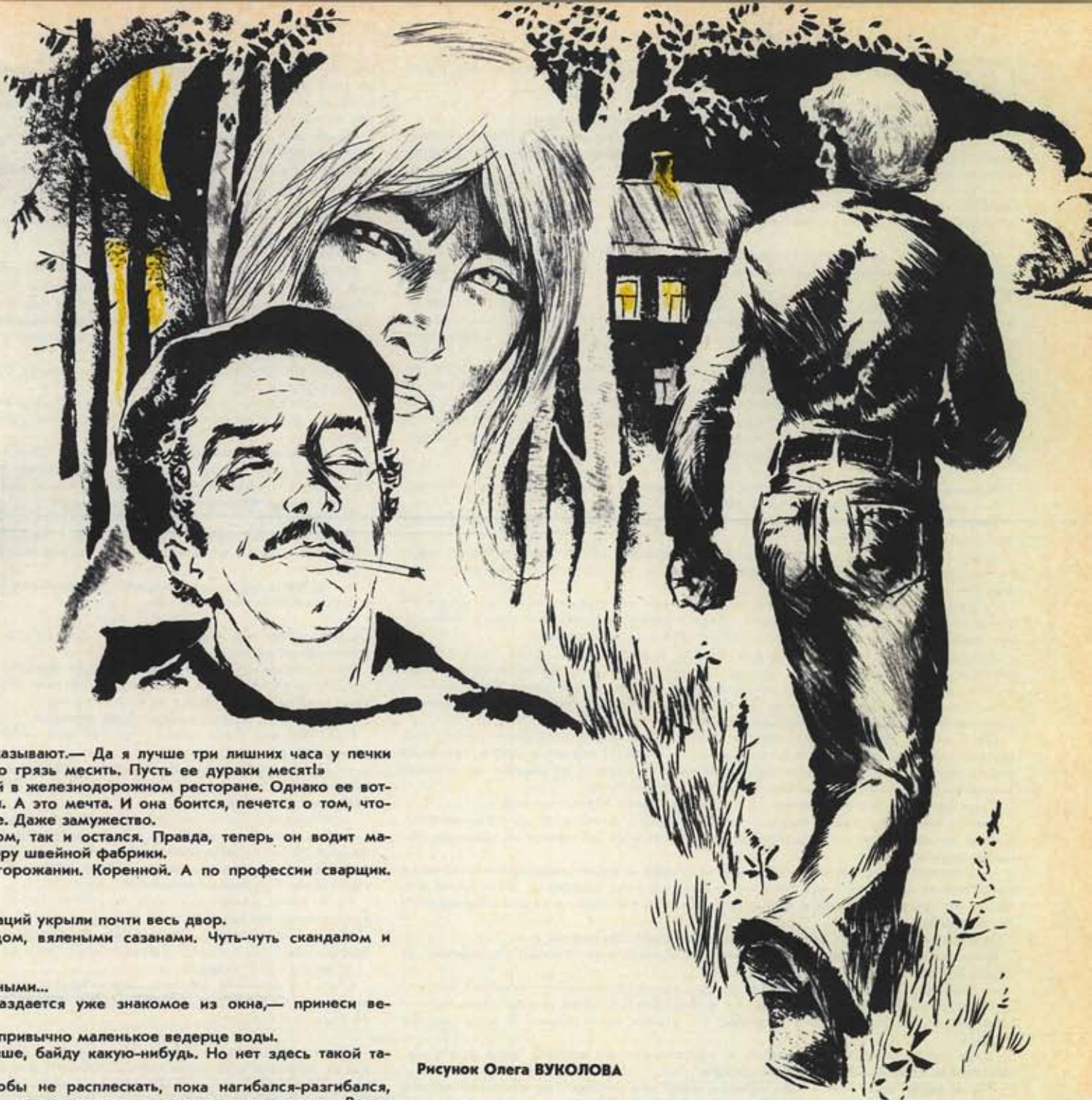

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

фильмы о тяге к земле показывают.— Да я лучше три лишних часа у печки прокручусь, чем ту вонючую грязь месить. Пусть ее дураки месят!»

...Саня работает поварихой в железнодорожном ресторане. Однако ее вот-вот переведут в официантки. А это мечта. И она боится, печется о том, чтобы ничто не помешало мечте. Даже замужество.

Леха как был трактористом, так и остался. Правда, теперь он водит маленький тракторишко по двору швейной фабрики.

Ну, а дядя Гена — этот горожанин. Коренной. А по профессии сварщик.

...Июнь.

Густые тени берестов и акаций укрыли почти весь двор.

Пахнет абрикосами, борщом, вялеными сазанами. Чуть-чуть скандалом и сплетнями.

Солнце садится. Пятница.

Вечер перед двумя выходными...

— Лешенька, зайчик,— раздается уже знакомое из окна,— принеси ведро водички, лапонька...

Леха несет к порожкам непривычно маленькое ведро воды.

Ему бы выварку поздоровше, байду какую-нибудь. Но нет здесь такой тары.

Пока ставил бережно, чтобы не расплескать, пока нагибался-разгибался, Саня вихрем по ступенькам несколько раз туда-сюда промчалась. Веник принесла. Тряпку какую-то вытрусил. На дядю Гену зыркнула. Просто так, для профилактики.

Мордочка у Сани острая, лисья. Симпатичная. Но вполне рядовая.

Однако козыри у нее есть. Настоящие! И она отлично о них знает.

Не зря же соседи шарахаются от ее нарядов: ноги свои Саня показывает от и до. Что, мол, есть, то есть. Чем, мол, богаты, тем и рады. А ноги у нее действительно выдающиеся. Балетные. Лучше не бывает. Иногда даже кажется, что они умнее Сани. Нравственнее. Духовно, так сказать, богаче. И вообще живут сами по себе. Как самостоятельное государство.

Отнес Леха воду, снова курит с дядей Геной.

Погладив вполне заслуженную плешь, дядя покровительственно смотрит на парня. Считает своим долгом предупредить:

— Гляди, олух царя небесного: за такой девкой глаз нужен. Глаз, как ва-терпас. Понял? Это тебе не деревня-матушка. На такие ножки здесь, знаешь, сколько шустряков найдется!

— А че? — польщено недоумевает Леха.— Ноги как ноги: одна левая, другая правая.

— Тундра: вот и пойдут они — одна налево, другая направо. Тем более, что характер позволяет. К путешествиям алечет.

— Чего-чего?!

— По миру, говорю, пойдут. По рукам то есть... Чавокала.

Леха, привыкший уважать старших, не бунтует. К тому же он уже притерпелся к манере разговора дяди Гены: базлает, а без злости. И даже вроде по делу: наставник, так сказать, молодежи, советы бесплатно выдает.

— Сбегай за хлебушком, зайчик,— слышится из окна.— И пачку чайку возьми, лапонька.

Дядя Гена даже головой покачал уважительно, прислушиваясь к медовым переливам Санниного голоса. «Жох девка! Вырви глаз! И на такого-то олуха необстрелянного...»

Потепал Леха в магазин. Это он с полчаса при своей величавости ходить будет.

Саня побегала туда-сюда. Скучновато. Ни тебе поболтать с кем. Ни от-дать любезный приказ.

Порожки она домывала уже кое-как. Все больше позы старалась принять, чтобы было видно, как ей неудобно эту работу делать и как она ужасно стесняется не в ту позу стать.

Дядя Гена все это, конечно, видел. И оценил скромность девушки. — Саня! — крикнул он в самый подходящий момент.— Кончай акробатику!

Дяде сорок три. Он только что набрал минимум очков, дающий право носить такой почетный титул перед 24-летней «племянницей». Однако носит его с удовольствием. Степень «дяди» ему даже нравится. Новая по крайней мере. Раньше у него такой не было.

— Чего-чего, дядя Гена? — быстренько вымыл руки и предчувствуя разговор, подходит к скамейке Саня.

Она тоже, особенно в присутствии Лехи, старается вернуть это успокоительное «дядя». Удобно.

Но если один на один, то можно и анекдот пряного посла послушать и самой такой же рассказать. И даже дать хлопнуть себя по мягкому месту. Дядя он ведь и есть дядя. Много ли ему нужно? Пусть побалуется.

Саня пытается сесть на скамейку. Но все время выходит такая поза, что она стесняется. Наконец, села. Угнездилась.

Полухолостяк дядя Гена — с женой у них то сход, то расход («Дружим!» — объясняет он, пользуясь известной терминологией) — говорит:

— Убери колени. Не делай дяде больно.

— Ой, вы и скажете! — притворяясь дурочкой, смеется Саня.— Ну, колени. Что ж тут особенного?

— Не спорь со старшими,— назидательно говорит дядя, прикуривая одну сигарету от другой,— спрячь.

— Во-от...— кивает Саня.— Вы так культурно: с фильтром. Леху бы хоть научили. А то он никак не отвыкнет от своего позорного «Севера». Смолит и смолит, как какой-нибудь колхозник.

— Ладно: я сделаю, из него графа,— обещает дядя Гена, с любопытством поглядывая на Саню.

Брови у нее по-мужски широкие, пушистые. С характером девка. А глаза лукавые, хитрющие. Завскаладовские какие-то глаза.

— Да,— качает умной головой дядя,— нашел себе Леха клад. Не раз, небось, с товарищами придется невзначай поделиться.

— С кем, с кем?

— Ладно. Лучше скажи, долго еще будешь парню голову крутить?

— А ваша какая забота? — настораживается Саня: очень она не любит, когда кто-нибудь в ее карты лезет.— Эх, Гена-дядя, Гена-дядя... Сказала бы

я, да образование не позволяет: все ж таки восьмилетку кончила, хоть и без отличия.

— Скажи. Может, пойму. Тоже ведь ученый.

Саня с усмешкой смотрит на дядю: сказать или нет? Говорит:

— «Мозги крутить»... А много мозгов-то? Не я ли его из деревни выхватила? На швейку не я устроила? И вообще... За какие заслуги-то! Да пусть он мне ноги моет и воду пьет, если не дурак.

— О-о! — присвистывает дядя Гена (тут, мол, целая философия). — «Выхватила». А для чего? Или не видишь, что парень по таким рекам плавать не обучен? Он ведь даже не поймет никак, почему это ты с ним спишь, а замуж не заставляешь!

Саня секунду размышляет, как ответить на такую дерзость: вцепиться дяде-единомышленнику в лысину за «оскорбление»? Наделить его гордым презрением?

Впрочем, не надо, решает Саня. Дядя вообще-то человек не болтливый. Это он с глазу на глаз лишнее себе позволяет. Только с глазу на глаз. Да и жалко его: совсем ведь недавно такой симпатиченький был. Зачем обижать одинокого мужичку?

«Видишь, какой ты... дядя, — посмеиваясь одними глазами, смотрит на него Саня. — И волосики у тебя вокруг лысинки кудрявенькие, черненькие. И в глазах понимание, чего к чему. Не чета белобрысому Лехе, лопуху конопатому! Только старенький ты совсем скоро станешь. Вот беда-горюшко...»

— Шутник вы, дядя Гена, — говорит она вслух и серьезно. — Все шутите, шутите. Об таких важных вещах шутите... лапонька.

Принес Леха хлеба и чаю. Опять они с дядей Геней курят. Только теперь не на скамейке под берестом — у забора.

Дело вечернее. По мощеной городской улице народ с окраин в центр валит. Праздник, отдыхающий.

Дядя Гена, бывший роковой мужичок и король танго, навостривший язык на танцплощадках, в пивных и бильярдных, — ни одну не пропустит, если без кавалера идет.

— Гляди, Леха, какой кадр справа. Ай-я-яй, что делается! И тут и там — сплошное изобилие. Держи меня, Леха... Девушка, скажите этому блондину, чтобы он меня держал. А то я сейчас стихи начну сочинять!

Прежде чем выйти к штакету и начать хохотать, дядя Гена предусмотрительно накрыл плешь синим беретом и теперь выглядит хоть куда. Можно сказать, всех юношей моложе. Леха рядом с ним даже проигрывает.

— Зита, которая слева? Зита, Зита! — (Дядя помнит Зиту). — Лучший носик Российской Федерации! Девушка, только один момент.

Он в своей любимой тарелке. Но, профессионально патефоня, дядя Гена, однако, уже не может полностью впасть в юность: годы не дают, прическа «пусть всегда будет солнце» не позволяет. И посему не может полностью выключить из своей головы Саню и Леху. Вернее, Леху.

Если просто и без кривляний, то ему жаль парня. Жаль — и все. Он-то знает, что такое несложившаяся жизнь, даже если ты сам виноват. А если не сам? Если тебя охмуряют и дурачат еще до того, как «сердца печатю скреплены»?

— Слушай, ты, — непривычно чувствуя себя в роли моралиста, старается погрубей выразиться дядя Гена, — хмырь, чего ты прилип к этой Сане? Саня — это резерв главного командования. Понял? Или, может, тебе нравится, как тобой пол моют?!

Леха не любит таких разговоров. Они смущают, беспокоят его. Но дядя Геня слабенький моралист. И вскоре ему становится скучно от своей же проповеди.

— Дай, что ли, рупь до аванса, фраер восьмой гильдии, — говорит он. Леха дает. Без особой охоты, но и без боязни. Знает: дядя Гена хоть и стреляет вечно эти рубли у соседей, но отдает пунктуально. У него другие пороки.

Взяв рубль («кол», как говорят в интеллигентных кругах), дядя сразу почувствовал свежий ветер скорой дороги.

Он, правда, еще здесь. Он, правда, еще продолжает по инерции думать о том же, но ему уже неинтересно с валуховатым Лехой.

— Погнали по пивку? Я угощаю!
— Не... Это... Саня...
— «Саня-Ваня». Ладно, сиди, фикус! Сиди, пока тебе цибарку на шею повесят...

И дядя Гена, уже не мужчина, а свободный, беспечный мальчик, — все-таки впал, впал! — весело исчезает.

Начав с рубля, как со стартовой площадки, он придет ночью пьяный. И, как месяц назад (такое случается с ним почему-то ровно раз в месяц), утром будет обходить соседей, извиняться, каяться:

— Я вчера ничего? Малость разгрузочку дал. Я вас не обидел? Вы не обижаетесь? Не судите меня строго...
Всех обойдет. У всех прощения попросит.

На работу он явится к 12. И начальству ударит челом. Начальство, поскольку такое случается нечасто, простит. Ему даже удобно: можно будет потом вить из пытливого сварщика веревки в авральное время.

— Кузьмич, ты на меня не обижаешься? — спросит дядя Гена прораба.
— Не обижаюсь, — ответит прораб Кузьмич. — Приходи в субботу пораньше.

И дядя Гена — божий человек новой формации — доволен. «Уважают все-таки меня...» думает он со стыдливой гордостью. — Что уважают, то уважают, паразита!

В Санюной однокомнатной — чистота. Мебелишки еще почти никакой, бедненько. Но уж чистота так чистота! Та самая, которую называют идеальной. На стенах вырезки всякие шедевров из «Огонька». На полу — сплетенные из тряпочек коврики, дорожки. Постель, как машина у хорошего шофера: просто блестят! Вся раскрахмаленная. Подушек — как матрешек. Одна другой мягче и меньше.

Нет, Саня — хозяйка истовая, яростная. Этого у нее не отнимешь. От мытья полов, перетиранья тарелок-вилочек, от перестановки скудной пока мебелишки она пьянеет, как от вина.

Все время хлопчет, хлопчет. И Леха у нее на этой же хозорбите постоянно вращается.

Впрочем, ему Саня может дать и отдохнуть. Ей вообще-то приятно сознавать, что парень сидит, например, под берестом и, абсолютно не тратя энергии, копя энергию, слушает анекдоты дяди Гены, учится обхождению, наби-

рается ума. «Пусть отешется малость, — думает Саня, — Поднахватается. А то уж больно неошкуранный какой-то. Сырой».

Но если увидит Леху за книжкой (что, правда, крайне редко случается), то это почему-то выводит ее из себя, раздражает.

«Тоже дьячок нашелся. Грамотей косолопый, — злится Саня, чувствуя неприятную тревогу. — Чи-та-тель!»

И побыстрей зовет парня, находит ему какое-нибудь дело:
— Лешенька, принеси веничек, лапонька. За сарайчиком, за сарайчиком, зайчик.

Впрочем, так ласково она называет Леху лишь в чьем-нибудь присутствии. Особенно в присутствии дяди Гены.

Почему? Кто ее знает.

Может, старается лишний раз напомнить, показать дяде, какие это ласковые существа женщины. Вернее, некоторые из них. Напомнить — и тем самым держать дядю «в состоянии неосуществимой мечты», что косвенным образом должно дойти и до Лехи, помочь ему еще глубже охватить размеры того счастья, которое он имеет, но которого недостойн?

Наверно, так. А может, и нет.
Когда же они с Лехой одни, Саня гораздо более естественна. И почти совсем неинтересна.

— Ушел алкаш? — спрашивает она. — Рубль высосал и смылся?
— Да он это, он отдает... осторожно оправдывает непутевого соседа Леха.

— «Ета», «отдает», — передразнивает Саня. — Нашел себе дружка-товарища: какой поп, такой и приход! Нет, дружок: ты слушать-то его слушай, но и свое соображение имей. Своей тышкой ворочай!

Через несколько минут она приказывает:
— Одевайся.

Леха покорно одевается. В смысле переодевается: натягивает еще более парадные штаны, повязывает еще более яркую косынку под рубаху (модно!).

— Пойдем гулять, — объясняет задачу Саня.
Леха молча следует за ней.

...И вот они уже часа два гуляют по центральной улице городишка, по его единственному парку.

Саня никак не может отделаться от мысли, что они слишком много потеряли, живя в деревне. Поэтому заставляет Леху пить газированную воду во всех павильонах, кататься на всех качелях.

Леха пыхтит, но пьет. Молчит, но катается.
Параллельно Саня ведет пристальное наблюдение за чужими нарядами, демонстрирует свои.

— Ну? — время от времени победительным шепотком повторяет она, подталкивая Леху локтем в бок или спину. — Видел бы ты что-нибудь такое в своей вонючей Сусойке?

— Не видел бы, — честно признается Леха. — Газировки там нету.
— Вот и гуляй, гуляй! — еще энергичней работая локотком, поучает Саня. — А то бы огород сейчас копал или хвост корове чистил.

До сих пор помалкивавший Леха вдруг вырывает из Санюных пальчиков свою руку. И, устав от понуканий, бунтует.

— А я что делаю?! — чуть не плачет он. — Не гуляю, что ли? Гуляю! Иду вот и гуляю. Не видишь, да?!

От неожиданности Саня даже сбивается с прогулочного шага. Однако быстро приходит в себя. Цепко ловит Леху за локоть. Думает удивленно:

«Гля-я! Голос подает!»
«Нет, — энергично решает она. — Хватит с огоньком играть. Хватит, дура рисковая! Надо будет на той неделе сводить его расписаться. А то он чего-то перья поднимает».

Возле павильона «Пиво-воды» Саня с Лехой неожиданно для себя, но очень логично и закономерно встречаются дядю Гену. «Кол» уже сделал свое дело. Дядя Гена стоит в окружении настоящих, а также таких, как он сам, плешивых мальчишек. И «базарит», «толкует», «заливает».

— Привет хохлам! — завидев соседей, кричит он без всякого злого умысла. — Деревня гуляет?

Леха расплылся в улыбку. Собрался было что-то ответить. Но Саня камушком повисла у него на руке. Стремительно потянула в толпу. Щеки побледнели, прямо-таки белыми стали от жестокой обиды.

— Гад плешивый, гад плешивый! — чуть не плача от стыда и бессильного гнева, затараторила она шепотком. — Ну, придешь ты ко мне за тем рубчиком — я тебя отутюжу. Я тебе покажу «деревню»!

Она тянет Леху сквозь толпу гуляющего народа. Но чувствует, что не хватает сил: Леха упирается, как бык. Скользит штиблетами по асфальту. Стал.

— Ты что? — тихо говорит ему Саня. — Офонарел?

— Не пойду, — виновато, но решительно шепчет в ответ Леха.
— До утра? — Голос ее дрожит от презрения. — Не за ту ты меня принимаешь: порожки приползешь лизать — не пуцу. До утра?!

— Совсем...

Леха сидит на скамейке в позе растерянной и решительной одновременно. Ночь. Парк затихает.

— Фраер восьмой гильдии! — слышит он позади себя удивленно-восторженный голос. — Отрезал, как пуповину?! Мо-ло-ток! Тогда — по пивку, сосед. По пивку, ты угощаешь!

Это дядя. Все постигший, довольный собой...
Неожиданная злость охватывает парня. Он вскакивает со скамейки, сжимает лите, в конопущках, кулаки. Кричит:

— А идите вы оба! Идите! Отстаньте, твари!

Однако уходит сам.

Опешив, дядя Гена смотрит ему вслед и, сразу вытряхивая все свои знания по зарубежной истории, бормочет пьяно, но одобрительно:

— Савмак из Сусойки! Восстание рабов в Сицилии... Талейран и упадок Золотой Орды!

К сожалению, дядя Гена никогда не был отличником. И в этом его главная беда.

А Леха уходит.
Решительно. Размашистым шагом.

Сегодня он первый раз почувствовал себя не зайчиком, но мужчиной.

Правда, он еще не знает, что именно нужно делать с этим почетным званием...

Вздых завязи

Здравствуй, пора опаловая,
задышливый вздох весны.
Вот уж,
снега прокалывая,
синь ручки понесли,
синь понесли, распахивая
намякшую плоть земли,
клином
небо распахивая,
возвращаются журавли.
Здравствуй, погода вязовая,
размякшая от тепла.
Вот уж,
завязь развязывая,
листва легко потекла.
Листва потекла прилипчивая
по стуже коры сырой.
И вот
звенит, переливаясь,
над молодой землей.
Здравствуй, оттепель вишневая,
вздогнувших веток прель,
тобой назвенелась
высеянная
в раннюю синь капель.
Снега умирали заживо,
шел по земле разор —
и вот уже замолаживает
над первою бороздой.
По паводкам пусть наструнится
обветренная вода,
пусть празднично
сердце юнится
звонко на все года.
Несут над земными отсветами
весны переполох.
Вздых таянья
над оттепелями
и клейкий завязи вздох.
И белой размякшей ветошью
пахнет первая таль,
и сердце тонкой веточкой
протянуто снова вдаль.

Тянусь, тянусь всей памятью туда,
где я — с тобой, где все,
как прежде, свято,
так возвращались беженцы когда-то
в сожженные до пепла города.

Нет ничего — ни кровли, ни следа,
а только пепел неподвижной муки.
Есть у моих воспоминаний руки —
они растут и тянутся туда,

чтоб только дотянулась моя грусть
до рук твоих, протянутых за мною.
Но, увлечен в былое быстриную,
я до тебя никак не дотянусь,

не дотянусь до твоего тепла,
до плеч твоих остуженных и тонких.
Так к полюсу повернута стрела
на компасе бредущего в потемках.

И лишь одно в себе еще таю,
что не устану я и не покаюсь,
что с сердцем,
только в сторону твою
повернутым,
живу еще покамест.

Безудержно в грядущее влекомый,
я жизнь свою
за то не укорю,
что я усталость мудрую коплю,
переправляясь
в возраст незнакомый.
И ничего, что мною он не обжит,
все — впереди,
всему настанет срок,
так в глиняный, податливый комок
и звон и крепость воплощает обжиг.
Но разве уберет себя в распыле
беззвучных лет от ложной суеты!
А я хотел,
чтоб зримые черты
на мякоти душевной проступили.
Пока мду в грядущее по следу
пережитых открытий я —
дотоль
растерянность не превратится
в боль,
а скрытое спокойствие — в победу.
Но будет дня незримого граница,
когда пойму все в сердце до конца.
И нужно будет мне отвоплотиться
от возраста
и твоего лица...

Переплывает день мой глаза
в медлительной неудержимой смене,
переплывает каждая лоза
и каждый куст
с комочком влажной тени.

Сначала свет в глаза текущий вплыл,
прозрачностью своей — и стал
усладой,
и вот погас,
и вот уплыл, бескрыл,
и остудил зрачки мои прохладой.

День медленно мне сердце переплыл
с пестриками заката
и зарею,
как будто бы его я переплыл
в себя всего
с беспечною листвою,
то с шумом, то с мгновенной тишиной.
Ушел он, но со мной не расстанется,
то наполняя
детской щебетней,
то плеском ведер около колодца.
И ничего, что он уплыл, исчез
прозрачной нитью
вслед за самолетом,
летевшим облаку наперерез.
Исчез, как тень,
прижатая к воротам...
Умерший день
в потемки, в тишину
медлительно опять переплываю,
как будто отзвеневшую струну
усталою рукой перебираю...

Исход

Ищу я исхода простому
пределу
былого огня,
чтоб душу пустить по простору
еще не пришедшего дня,
чтоб душу пустить на свободу
от тягот своих, от забот,
чтоб помнить, чтоб знать —
не к исходу,
в грядущее время идет.

И как мне понять отдаленье
всего,
что на сердце легло,
бесшумно истончено время
мое — до мгновенья всего.
Неужто я новое иго
на душу свою призову,
пока отдаленного мига
пространство и тишь не прорву!..

Обращенье

Сон мой, пошевеливайся,
сон мой, посули
лиственные шелесты
утренней земли;
грусть — так беспробудную,
ту, что сберегу,
а росу — остудную,
в травах на лугу.
Все в весенней вышивке,
все в огне зарн,
мне из детства вишенки
зорко призови,
чтоб шумел за ставнями
дождевой поток,
чтоб на маме старенькой
теплый был платок, —
под пуховым кружевом
легче грусть сберечь,
чтобы не застуживал
холодок ей плеч.
И, как в дни недавние,
сердце засвети,
посули мне дальние
в край родной пути,
чтобы в нашу горницу,
где я в люльке плыл,
мачеху-бессонницу
август не водил.
Сон, пройди по памяти,
обожги глаза,
обещай мне пахоты,
обещай леса,
под листвою остуженной
обещай мне гнезд —
все,
что мною узнано
на земле всерьез.
Сгорбленную радугу
под излучьем рек
посули мне надолго,
посули навек.
Я тебя обрадовал,
я тебя маню,
чтобы ты отгадывал
родину мою,
чтобы после долгого
молодого дня
всем, что так мне дорого,
ты манил меня...

Звезды это или ковьяки
к сумраку припали, к бездорожью,
растеклись по небу, полегли,
схвачены податливою дрожью!

Мир застыл без красок, без огня,
словно своего лишился тела,
до конца
источен отблеск дня,
и в росе трава потяжелела.

Устремлен за кромку, за предел,
он погас под тенью голубою —
миг всего,
а мир весь опустел,
чтоб опять заполниться тобою...

Все казалось —
дни перегоню
в гонке за любезною мечтою,
все казалось мне,
что прозвеню
над землею рожью золотою.
Отдал время сердцу на распыл,
бросил я свою любовь на ветер,
ничего взамен не получил,
словно и не жил
все годы эти,
словно бы не помнил невпазд,
словно никого не разуверил,
словно бы не верил под заклад,
сам своей печали не развеял.
Все равно в душе своей храню, —
все равно
чего-то в жизни стою,
срок придет —
и звонко прозвеню
над землею рожью золотою...

Весна ограждена от стуж
листвою запальчивой, зеленой,
и я, к тебе приговоренный,
вдали, как эхо,
остаюсь...
Пока тобой живу — дотоль
с грядущим прошлое согласно,
от слов отторгнутая боль
пророчествует громогласно.
Незабываемо ушли
и пораженья и напасти.
И нет теперь понятней власти
самодержавия души.

И лишь одно я берегу,
и лишь одно тому поручкой,
что ты ее сожжешь разлуккой —
на чем еще ее сожгу!..

ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ

Создатели:

XXIV съезд КПСС,
XVII съезд ВЛКСМ,
чьи решения претворяли
в жизнь 26 тысяч строителей
42 национальностей
народов СССР.

Имя:

доменная печь № 9.

Время рождения:

девятая пятилетка.

Место рождения:

Криворожский
металлургический завод
имени В. И. Ленина.

Социальное происхождение:

из рабочих.

Образование:

проходит университеты
научно-технической
революции.

Участие в делах

государства:

проектная мощность —
11 200 тонн чугуна в сутки,
годовая производительность —
4 миллиона тонн —
столько, сколько производила
в год вся дореволюционная
Россия.

Аркадий ПАЛЬМ.

Фото Виктора САККА.

Южная окраина Кривого Рога. Широкая бетонная дорога пересекает старые застройки и выбегает к проходной доменного цеха № 2. Это и есть знаменитая «девятка». Она обособилась отдельно от своих восьми сестер, составляющих доменный цех № 1 «Криворожстали». Я не спешу предъявлять пропуск. Утро только началось. И надо отдать дань традиции: подойти к тем вон ведрам, наполнить их водой и полить деревья. Дюма привела с собой и вереницу тополей. Люди, кото-

ДОМ

НА

АЛЕКСАНДР КОЗУБЕНКО — ГОРНОВОЙ

рые трудятся здесь, обосновались по-хозяйски. И хотя тень деревьев не очень густая, я захожу в нее. И со мной происходят странные вещи: «девятка», только что казавшаяся исполнимой, стала понижее ростом, приветливее, ближе. И вот уже не гигантский «самовар» я вижу, а лица бетонщиков, монтажников, инженеров, тех, с кем подружился за время строительства.

Рассказывают, что начальник комбината Кривбасстрой Герой Социалистического Труда Владимир Митрофанович Саласюк первым посадил дерево возле окон штаба строительства комплекса. Потом уже хлопцы и девчата из комсомольско-молодежных бригад Ивана Давыдова, Ивана Бакунца стали ухаживать за саженцами. А бетонщица Наташа Изранцева, делегат XXII съезда ЛКСМУ, настояла, чтобы ту аллею доменщики приняли у строителей по государственному акту. Как несколько тысяч больших и малых фундаментов, на которых угнездилась главная домна страны.

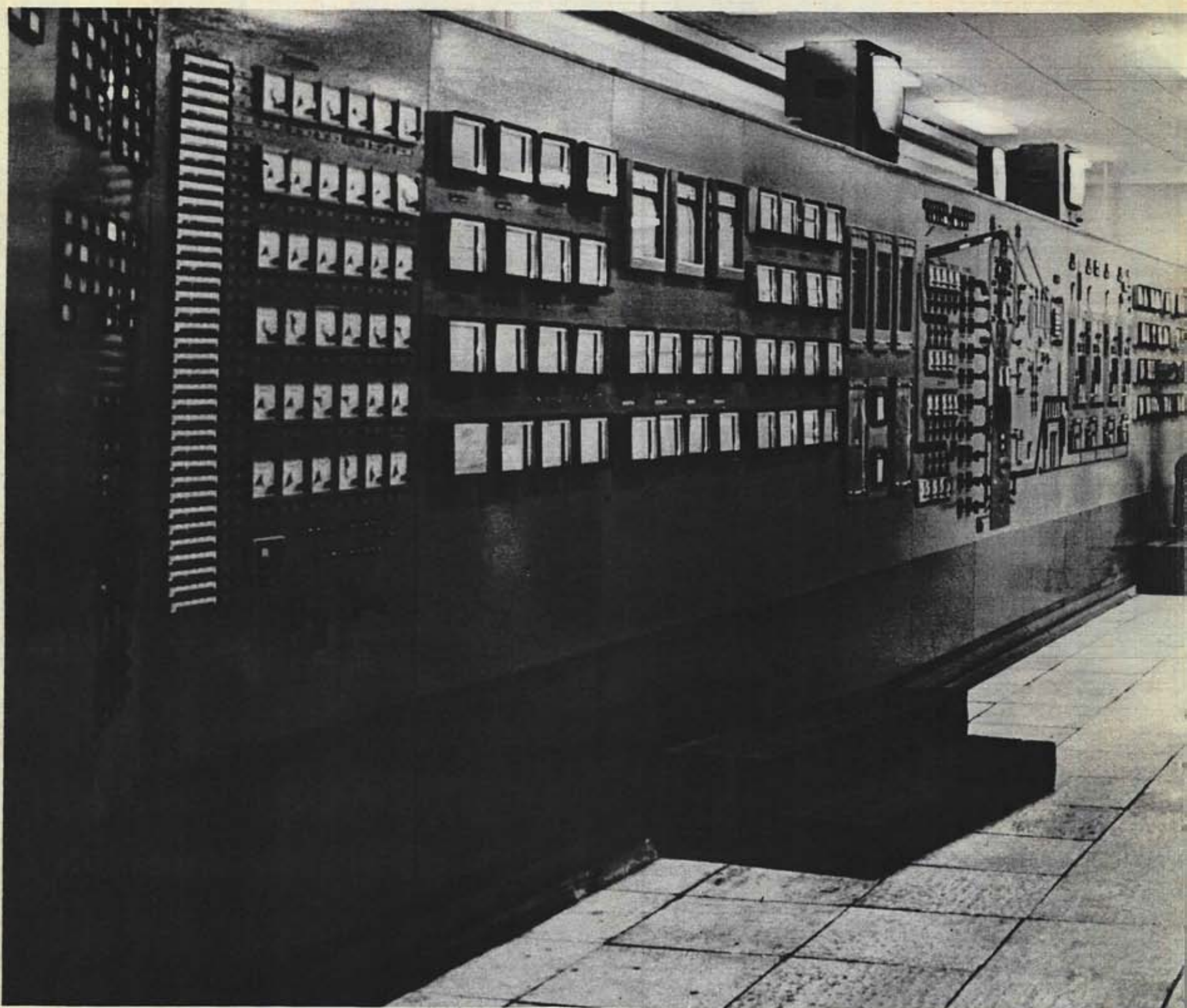
Стоит она на месте саги — так называют степняки болотце с вешней водой. Помню, как подошел к саге экскаватор, помахал ковшом, как топором, и уложил сагу в кузова многотонных «КрАЗов». Образовался котлован с рыжыми от влажной глины откосами. Девушка в малиновых брючках, заправленных в резиновые полусапожки, установила посередине котлована рейку с делениями. Геодезист Леонид Лыфарь принял к оконцу теодолита. Надо было сориентировать в пространстве дому с полезным объемом в 5 тысяч кубических метров.

Каких-то 18 лет назад я писал о енакиевских, ждановских, днепропетровских комсомольских домнах. Они представлялись мне богатырями. А «толщина» тех домен колебалась в пределах от 1 033 до 3 200 кубических метров... Словом, не хватало богатырской заставе парубка, подкручивающего усы. Ведь в Японии, например, вступила в строй доменная печь с полезным объемом 4 197 кубометров. Печи подобного объема уже работают во Франции и ФРГ. «Девятка» распрямилла плечи пошире. Но почему «Криворожсталь»? Чем обоснован такой выбор!

Министр черной металлургии республики Я. П. Куликов ответил на этот вопрос так:

— Кривбасс плюс Донбасс. Шахты и горно-обогатительные комбинаты края готовят хорошее металлургическое сырье. Это — первое условие. Второе — коксующиеся угли Донбасса. Третье — достаточное количество электроэнергии, днепропетровской воды и развитая сеть железных дорог и, конечно же, мощная строительная база. Сумма этих факторов заставила проектировщиков привязать «девятку» к металлургическому заводу имени В. И. Ленина. Задумывая ДП-9, XXIV съезд КПСС заглядывал в будущее.

Но могут спросить, почему считается, что чугуи — основа черной металлургии. Потому что идет главным образом в передел — в мартеновский и конверторный цеха. Там, теряя углерод, он приобретает новые качества. Иначе говоря, становится сталью. Таким образом, чугуи — колыбель бесчисленного множества семейств сталей —

основного материала в эпоху научно-технического прогресса.

Однако давайте оставим пока в покое сталь, а познакомимся с родословной криворожской «девятки». Если говорить о дальних родственниках, то их надо искать на склонах киевских холмов. Именно там археологи обнаружили странные ямы, обложенные внутри камнями. По остаткам золы определили, что имеют дело с «горняки». Это были плавильные печи, которые «сооружались у горы». В древние времена они являлись единственными агрегатами для выплавки железа. Потом появились «домницы», шахтные печи, где процесс сгорания древесного угля усилился при помощи дутьевых фурм. Получали из них тестообразный металл. Но однажды древний металлург был несказанно удивлен: домница выдала ручеек жидкого металла. Так родился чугун — сплав железа с углеродом, кремнием и марганцем. А домницы, совершенствуясь с веками, превратились в домны.

Первая доменная печь в России была построена на реке Тулица в 40-х годах XVII столетия. Позднее Петр I обратил взор к Уралу. Его любил кузнец Никита Демидов «сторговал местных людишек» на строительство железодобывающего завода с одной доменной печью. Произошло это в 1699 году. Была она ростом в 13 метров и давала в сутки аж 14 тонн чугуна. Петр I ценил его наравне с золотом, потому как видел в нем свай-

ные скобы, на которые ставил Петербург, да стволы пушек. Придет час, и уральский металл поставит точку в Полтавской битве.

Легенда приписывает молдавскому господарю Кантемиру слова, обращенные к Петру I: мол, пора на железодобывающих заводиках иное топливо вводить. Говорено это было во время каспийского похода. Речь шла об угле, а в это время близ Кундурчюя городка рудознатец Григорий Капустин грузил на подводы бочки с черным камнем. И будто бы Петр I сказал: «Сей минерал если не нам, то потомкам нашим зело полезен будет». На этом я кончаю литье древнюю историю. Заметим только, что совет Кантемира пошел впрок. Кокс, который готовят из угля, сделал революцию в доменном производстве.

Однако главный вывод в другом. Домны, равно как и шахты, давали начало многим производствам. Они росли, а вместе с ними рос и рабочий класс России, совершивший Великую Октябрьскую революцию.

Возьмите любую работу В. И. Ленина, посвященную задачам победившего пролетариата. Одно из главных условий успеха — подъем черной металлургии. О чугуне, как о хлебе насущном, говорится в материалах буквально всех съездов Коммунистической партии. По домам равнялись пятилетки.

А когда случилась война, цена чугуна была равна жизни. Существует прямая связь между

потухшими домнами юга, захваченного врагами, и панфиловцами, занявшими оборону у разъезда Дубосеково. Не хватало тогда у страны металла для противотанковых пушек. Политрук Ключков велел взять в руки гранаты.

Помню такой эпизод. Рассказывал его Герой Советского Союза, генерал-лейтенант В. Баранов. Зимой 1941 года по приказу Верховного главнокомандующего корпус конников должен был отправиться в тыл к фашистам. Но 12 тысяч лошадей не были подкованы. И не было железа, чтобы сделать подковы и ухнаки. А на ледяной дороге лошади падали, разбивали морды. Нечего было и думать отправляться на операцию. И вот тогда командиры пошли по деревенским хатам, просили разрешения снять ограды на могилках, кровельное железо, кресты с церковей. Люди отдали. День и ночь дымили походные кузницы. Корпус вовремя отправился в поход.

Среди многих подвигов, совершенных в Великую Отечественную, никогда не забудется подвиг тыла. Около 2 тысяч крупных промышленных предприятий эвакуировались на Урал, в Сибирь, в Среднюю Азию. Лишь за три года войны на Востоке было вновь построено 24 домы, 128 мартенов, 56 прокатных станков, 67 коксовых батарей. Позже историки подсчитали, что каждый второй танковый экипаж был укрыт броней Магнитки. Доменный цех страны обеспечил и Берлинскую операцию. Он дал возможность изготовить

и ввести в решающее сражение с фашизмом 41 000 стволов артиллерии и минометов, более 6 300 современных танков прорыва. Так что прав поэт:

Эти домны святые,
Говорю, понимая,
Принесите бы цветы им
Девятого мая.

Вот примерно то, о чем я думал в топопной аллее и позже, когда протягивал вахтерше пропуск. Однако пошел не к горючим, а на строительство мелкосортного стана. Разыскал там Ивана Александровича Давыдова. Он бригадир комсомольско-молодежной бригады. Этот коллектив 20 июня 1973 года уложил в печь домны № 9 первый бетон. Поздравляю Ивана Александровича с Государственной премией УССР, которой он удостоен за новаторские методы работы и досрочное выполнение пятилетки. Слава Давыдова — чистой воды. Более половины бетона под фундаменты всей «Криворожстали» уложено руками Ивана Александровича и его товарищей. Юношей приехал он на стройку. Первая трудовая награда — медаль за восстановление черной металлургии Юга. 67 человек равной себе квалификации поставил он на рабочие точки. В честь комсомольско-молодежной бригады Давыдова на строительстве доменной печи № 9 сорок раз поднималось красное знамя.

Я как-то пытался подсчитать объем организа-

торской и педагогической работы, которую выполняет бригадир. Сбился. Приходит он раньше всех, где-то в начале шестого. И сразу же уйма проблем, связанных с организацией и обеспечением труда каждого рабочего в бригаде. Он всех знает, будто родных сыновей и дочерей. Многим обязана Наташа Израицева Давыдову. Поначалу кельму, как зеркальце, держала и ревела по каждому поводу. Когда она после десятого класса пришла на стройку, ей было 18 лет. Настал черед, и Наташа «серебряную» кельму заслужила. Такую дают лучшей бетонщице. Но она не одна, ставшая мастером своего дела. Здесь выросла плеяда замечательных специалистов: С. Лещенко, А. Матвеев, И. Бакунец.

Строительство начиналось с подъездных дорог, столовых, бытовок. Городок жилых домов распахнул двери перед новоселами. Автобусы привозили и увозили рабочие смены. Зимой возникла нужда в термосах: неплохо это — глоток горячего кофе в минуты передышки. Нашли и термосы. Мелочи! Нет, атмосфера заботы и доброжелательности.

Комсомольский штаб вел оперативное руководство 105 комсомольско-молодежными бригадами. Прежде всего речь шла о создании необходимых и равных для всех условий на каждом рабочем месте. А уже потом принимались социалистические обязательства. Потом — значит, после получения необходимых гарантий со сто-

роны руководителей подразделений. Были у комсомольского штаба и задачи дальнего прицела. С помощью представителей ЦК ВЛКСМ на ударной собирались проектировщики, инженеры, молодые ученые тех институтов и предприятий, которые должны были поставлять на «девятку» электронику, средства автоматизации и контроля. Одно дело — чертежи, на которые смотришь в Москве или в Новосибирске, другое — Кривой Рог, торпливый уют комнат для заседаний, жаркая сшибка мнений. Некоторые узлы ДП-9 конструировались впервые в мировой практике. Другие — на уровне патентов.

У англичан есть выражение: корабль — лицо нации. Некогда великая морская держава могла себе позволить такой афоризм. Все лучшее, чем располагала промышленность, она отдавала флоту. И, конечно же, подготовка самих моряков опиралась на вековые традиции. Уходили эпохи, афоризм оставался. Но уже давно картина мира изменилась, и теперь не корабли (ни в прямом, ни в переносном смысле) определяют уровень промышленного потенциала. Научно-техническая революция выставила свои форпосты: атомные реакторы, ЭВМ, космические станции. И по-прежнему на правом фланге остаются домны. «Девятка» — лицо отечественной черной металлургии, ее сегодняшний и завтрашний день. Поэтому-то так придирчиво отбирали для ДП-9 принципиально новые технические идеи.

Главный инженер Укрнипромеца (института, проектирующего предприятия черной металлургии) Константин Котов по профессии доменщик. Мы знакомы с ним давно, еще с тех времен, когда сооружались комсомольские домны на заводе имени Петровского. Константин строил их, а потом работал в цехе. Был в Бхилаи инженером производственного отдела. По просьбе правительства Индии написал подробную инструкцию «Производство чугуна на Бхилайском металлургическом заводе». Издана она была в Нагпуре и содержала конспект всего того нового в доменном производстве, что принято называть советской школой.

Котов расшифровал для меня термин «КИПО» — коэффициент использования полезного объема печи. Если говорят: КИПО составляет 0,5, то это значит, что на каждую выплавленную в сутки тонну чугуна была использована половина кубического метра полезного объема домны. Чем ниже КИПО, тем производительнее работает печь, тем больше чугуна она выплавляет. Давайте сравним. В среднем по Союзу доменщики работают с КИПО, равным 0,572. А что ДП-9! Уже сейчас, когда новенькая перешагнула миллионную тонну металла, КИПО приближается к заданному. Но вот дожать эти сотки и значит достичь проектной производительности: 4 миллионов тонн чугуна в год.

Был торжественный миг на всесоюзной ударной в канун нового, 1975 года. Иван Давыдов закончил кладку кирпича на литейном дворе. К нему подошел человек, сказал:

— Руку, товарищ. Я буду принимать у вас печь.

Старший горновой Николай Федосеевич Батцолой обнял строителя. Так произошла смена рабочих караулов возле агрегата стоимостью в сотни миллионов рублей — это примерно столько, сколько в годы первых пятилеток стоило сооружение Днепрогэса.

Говорят, что у «девятки» характер Давыдова. Тот наотрез отказался принимать бетон без заводского паспорта, подтверждающего его высокое качество. Девятая тоже заняла принципиальную позицию, она, к примеру, предъявила повышенные требования к сырью. Меню печи состоит из 21 тысячи тонн агломерата и окатышей, 4 800 тонн кокса. Словом, 20 железнодорожных составов сырья в сутки. И не просто хорошего, а самого отличного качества. Оказалось, что далеко не все предприятия Приднепровья и Донбасса готовы удовлетворить запросы доменного цеха № 2. И сейчас еще продолжается выравнивание уровня качества.

Низкое содержание железа в шихте — брак. Чуть-чуть больше допустимого серы в коксе — тоже брак. Проникающее влияние Девятой коснулось огромной армии людей. В гигантском конвейере, из которого в конце концов составляются 20 эшелонов сырья, нет места отсталости. Перестраивают свою работу шахты, карьеры, горно-обогатительные комбинаты, коксохимзаводы. Не бывает так, чтобы научно-техническая революция действовала локально. Как правило, она производит гигантский переворот по широкому фронту.

Возникла новая форма социалистического соревнования: «Смежники, поддержки ритма!» Иначе говоря, все, кто причастен к работе девятой печи, обязались подтянуть качество с тем, чтобы сообща досрочно освоить проектную мощность.

Между тем агрегат набирает силу. Он уже дает почти 9 тысяч тонн чугуна в сутки. И хотя плавку ведут по курсу 7 тысяч приборов, им не обойтись без мастерства старших горновых: Н. Батцолоя, Н. Солдатова. Они экспериментировали, определяли оптимальные режимы. Не так это было просто. Горели фурмы, не ладилось с автоматикой загрузки шихты, подводил внутриваровской транспорт. Начальник доменного цеха П. Г. Нетребко, главный инженер завода В. А. Сацкий вместе с горновыми, со всем рабочим коллективом справились и с этими бедами. Но и по сей день коллектив новенькой каждые сутки держит экзамен на участника научно-технической революции.

Удивительные чувства испытываешь, присутствуя при рождении чугуна. На литейном дворе собирается вся смена. Горновой хлопочет у летки. Видны глазки воздушных фурм, хитроумное сплетение каналов на полу, выложенных из глины и песка, сверло машины для вскрытия канала летки. Но вот бур пробивает летку. Из печи вырывается лоскут пламени. И вдруг выкатывается огромная первая капля металла. Она ударяется о желоб, обдавая мирядами искр. Малиновое пламя становится гуще по мере того, как полнится огненная река на пути к ковшам.

Прекрасна юность металла!
«Девятка» набирает мощь.

ДП-9... ОНА НЕ ТОЛЬКО САМАЯ БОЛЬШАЯ, НО И САМАЯ КРАСИВАЯ.

ЗАВОДСКОИ РАЙОН

В сожалению, это факт: комсомолец Владимир Манохин и его приятель, он же сабутыльник, Кошкин попали в милицию 1 июля 1975 года. Приводили друзей в чувство многоопытные работники городского медицинского вытрезвителя, но как друзей не вытрезвляли, они и на утро толком не пришли в себя. По-сему Манохин на работу не вышел, а Кошкину и выходить не надо было: с завода «Центролит» он уже уволился.

Пьянка, вытрезвитель и естественное следствие — прогул Манохина особого удивления у секретаря комитета комсомола рязанского литейного завода «Центролит» Владимира Исакова не вызвали. За последние полгода это не первый, не десятый и даже не двадцатый случай...

В энергостроении, где работает Манохин, тоже не поразились, что совсем молодой рабочий попал в милицию, зато искренне удивились почему-то другому: «Парень тихий. На работе из него слова не вытянешь. А тут «выражался», хулиганил. Это все «зеленый змий»...»

Не будем питать иллюзий и ссылаться на таинственного и коварного «змия», обитающего якобы на самом доньшке поллитровки. Обыкновенная водка, за три с половиной без стоимости посуды, превратила тихого рабочего паренька Володю Манохина в мутноглазого малого, от которого шарахались прохожие, заливались краской стыда встречные девушки, мрачнели выдавшие виды ребята из оперативного комсомольского отряда «Дзержинец». По вечерней улице Железнодорожного района Рязани двигался, мотаясь из стороны в сторону, как оборванный провод на ветру, уже не квалифицированный электромонтер со средним образованием, а пьяный хулиган, который слегка только и пришел в себя на жесткой деревянной скамье в милицейской дежурной машине.

Через день разговариваю с Манохиным. Он трезв, тих и стеснителен.

— Разбирать меня, что ли, будете?

— Не повял?!

— Ну, воспитывать, что ли, собрались? — поясняет свою мысль Владимир.

Тут я начинаю кое-что понимать. Исаков вчера познакомил меня в комитете комсомола с отлично вычерченной схемой. На хрустящем листе ватмана сверху было начертано: «Меры общественного и административного воздействия к нарушителям трудовой, производственной дисциплины и общественного порядка». Жирные, полужирные и пунктирные линии разбегались по белому листу, чтобы вновь сойтись у маленькой темной точки — предполагаемого нарушителя трудовой, а равно и производственной дисциплины. Темная точка со всех сторон бралась в «стальное» кольцо, отлитое комитетом комсомола «Центролита».

— Ни один факт нарушения правопорядка или трудовой дисциплины со стороны молодых рабочих, — пояснял Исаков, — без внимания старается не оставлять. Даем принципиальную оценку. На цеховых комсомольских бюро. Дисциплинарных комиссиях. На заседаниях комитета комсомола.

Исаков склонился над схемой, помолчал и в этот момент напомунал военачальника, раздумывающего, куда перебросить резервы.

— Факт нарушения первым узнает отдел кад-

Сергей СМОРОДКИН,
специальный корреспондент «Смены»

5. ГОРЬКАЯ СТАТИСТИКА

ров, — продолжал Исаков. — Затем он становится известным табельщице, от нее начальнику цеха, комсоргу, председателю цехкома, мастеру. Факт обсуждается. Принимаются соответствующие меры в зависимости от тяжести проступка...

Палец секретаря комитета соответственно оставался на участках схемы. Чертеж и пояснение к нему выглядели внушительно.

— Воспитывать, что ли, собираетесь? — повторил свой вопрос Владимир Манохин и исподлобья поглядел на меня.

Не схематичный, а самый что ни на есть реальный прогульщик и нарушитель общественного порядка сидел передо мной. Он уже не раз подвергался «мерам общественного и административного воздействия»: за последние три месяца Манохин трижды побывал в вытрезвителе и с ним разбирались и начальник цеха, и комсорг, и цеховой профсоюзный комитет...

Я смотрю на Манохина. Симпатичное, круглое лицо, темная от масла рука поглаживает край стола, другая крепко держится за стул, словно Манохин боится, что и эта опора вдруг вылетит из-под него. Трудно, медленно, с паузами устанавливается необходимый контакт, какое-то минимальное доверие друг к другу. И выясняются любопытные подробности, которые имеют свое значение в данном конкретном случае.

Манохин приехал в Рязань из села, как и тысячи других молодых ребят, работающих на предприятиях Железнодорожного района. В селе у Владимира остались «корни», или, как он выразился, «все свои»: родные, друзья, любимая девушка. На «Центролите» Владимир работает около года. Специальность — электромонтер. Работа нравится. Она требует и знаний, и профессионального мастерства, и смекалки, и достаточно разнообразна. Зарплата до двухсот рублей в месяц. Живет Манохин в общежитии. Живет не очень ладно, хотя в общежитии налицо все бытовые удобства, но нет главного: здорового микроклимата, интересной жизни, одним словом, того духа, который один только и может превратить «казенный дом» в родной дом¹. Именно в общежитии и подкралась первая беда: скука.

Закончился рабочий день, вышел Манохин за проходную, впереди пять часов абсолютно свободного времени. Куда пойти? Чем заняться? В клуб, парк, библиотеку, кино или театр? А может, к ребятам в оперативный комсомольский отряд? Манохин слышал — у них интересные дела. Но его в отряд никто не звал, а самому вроде напрашиваться неловко.

На стадион? Но спортом Манохин не занимается. Считает — ни к чему. В театре не был ни разу за все время жизни в Рязани. «А чего в этом театре смотреть?» — удивляется Манохин. Читать Владимир читает, но не книжечкой. Увлекается в основном книжками «про шпионские дела» да разного рода приключенческой литературой. В кино ходит раза два в месяц. А так в основном забывает «козла» или играет в «дурака с погонами». И все это: чтение, кино, «дурак с погонами» — не от душевной потребности, а чтобы просто «убить» время.

Спрашиваю, какие самые трудные для Манохина дни. «Суббота и воскресенье, — с ходу отвечает Манохин. — Ходишь, ходишь из угла в угол, пока...» Заметьте, самые трудные дни не конец месяца или квартала, когда частенько Владимир и его товарищи остаются после смены на сверхурочную работу, требующую напряжения физических и душевных сил, а два выходных дня в неделю. Вспоминается мысль доктора философии А. Харчева, который, размышляя о досуге молодежи, подчеркивал: «Пока плохая организация досуга будет существовать, все пожелания об искоренении пьянства останутся втуне. Более того, гуманнейшая тенденция сокращения рабочего дня и увеличения свободного времени может пойти не на пользу, а во вред обществу и его отдельным членам».

Парадокс: беда от свободного времени. У Владимира Манохина это уже реальный факт. «Ходишь, ходишь из угла в угол, пока...» Дальше Владимир договаривать не стал, махнул рукой. Дескать, и так ясно, что потом. Что верно, то верно: дальнейший ход событий примитивно прост. Кто-то из соседей по общежитию предлагает: «По рублику, что ли, скинемся?» Возражений нет. «Гонец» мчится в ближайший магазин за бутылкой. Потом еще по рублику. И еще... Конечно, если есть «рублики». Что касается Манохина, то парень теперь просто стесняется показаться в родной своей деревне. Все имущество — жеваные брюки с бахромой, стоптанные полуботинки, продранный на локте рубаха — на нем. Заработанные деньги ушли на вышивку.

В пятницу вечером в общежитии нефтеперерабатывающего завода, истати, не худшего в районе, за какой-то час трижды случайно встречался такой «гонец» — Виктор Р., молодой электрик из пятнадцатого цеха.

«Гуляем», — радостно сообщил он какому-то парню, останавливаясь на мгновение. Из карманов, как гранаты, торчали бутылки.

Парень поинтересовался, по какому случаю гуляет Виктор. «А ни по какому», — ответил Виктор. — Чего делать-то? И помчался в свою 146-ю комнату, где ждали его сабутыльники.

В тот вечер в общежитии не было и не планировалось ни одного мероприятия: ни культурного, ни спортивного, ни танцев, ни викторин, ничего, кроме... телевизора! Воспитатель одиноко сидел в красном уголке, листая старые иллюстрированные журналы и ожидая окончания рабочей недели. В субботу у воспитателя общежития выходной день. Зато продавцы винных отделов окрестных магазинов работали в эти вечерние часы с предельной нагрузкой. Водку, несмотря на самые грозные приказы и распоряжения, по-прежнему можно купить без особого труда как ранним утром, так и поздним вечером. Только последний рейд оперативного комсомольского отряда «Дзержинец» вскрыл десятки случаев грубого нарушения правил торговли спиртными напитками. Бойцы из «Дзержинца» рассказывали, что даже девушкам из оперативного отряда продавцы в воскресный день чуть ли не навязывали «Экстру». Выборочная проверка показала, что многие «торговые точки» района более одной трети плана выполняют за счет продажи вина и водки.

И, как следствие, предприятия заводского района несут значительный ущерб от прогулов и ава-

¹ См. «Смену» № 15 — «Гости в своем доме».

рий, снижения производительности труда и брака, у которых одна причина — вода. В 1974 году только из-за прогулов молодых рабочих «Центролит» потерял 1 380 человеко-дней. Статистики района, которые знают почти все, и сожалению, не смогли дать цифры материального ущерба, наносимого пьянством: такой подсчет в районе не ведется. И думается, напрасно. Мне попались интересные исследования, правда, почти полувековой давности. Относятся они к 1928 году. Тогда эконоимисты совместно с социологами подсчитали примерный ущерб в масштабе всей страны. Так, если государство в то время ежегодно получало от продажи спиртных напитков прибыль в 728 миллионов рублей, то чистый убыток составлял 1 270 миллионов рублей. Конечно, эти цифры далеки не полностью отражали фактические материальные потери от пьянства, но говоря уже об огромном моральном ущербе, который ни в каких бумагах не выразить.

— Две трети преступлений против общественного порядка, — рассказывает начальник Железнодорожного РОВД города Рязани майор Титков, — совершается в нашем районе в нетрезвом виде. А если взять такой вид правонарушения, как хулиганство, то я лично еще трезвого хулигана не видел. Попадают к нам в отделение в основном молодые ребята с трех предприятий: завода «Центролит», трестов «Железобетон» и «Рязаньстрой-23». О каждом таком случае мы сообщаем на предприятие. А вот ответы о принятых мерах от комитетов комсомола приходят не всегда. Запрашиваем вторично я, наконец, получаем успокаивающий ответ: «Обсудили, все в порядке, зря волнуетесь». Проходит время, и снова встречаешь парня в милиции...

Титкову приносят бумаги на подпись. Он просматривает их, одну откладывает в сторону.

— Опять парень с «Центролита». Ученик заливщика. Комсомолец. Дебош в столовой.

Через несколько дней приходим на заседание дисциплинарной комиссии цеха точного литья, где работает этот парень. Заседание ведет начальник цеха. Ведет строго, по-деловому быстро: за дверью кабинета ждут своей очереди еще шесть нарушителей трудовой дисциплины и общественного порядка.

— Лишаем премии, переносим отпуск на зимние месяцы, — говорит председатель цехкома, — а нарушений вроде и не убавляется. Каждый четверг заседаем...

Между тем выясняется, что проступок парня не обсудили ни на комсомольском, ни на общем собрании участка или цеха. Сразу вызвали на дисциплинарную комиссию. А ведь как показал опыт Тулы, Калуги, Горького и некоторых других городов, наиболее действенной мерой для нарушителей является именно обсуждение на рабочем собрании. Социологический опрос самих нарушителей на четырех тульских предприятиях только подтвердил этот вывод: административное взыскание стоит на седьмом месте по силе воздействия. На «Центролите» его неправомерно выдвинули на первое место.

Ни комсорт, ни мастер до заседания комиссии толком не поговорили с парнем, не выяснили, почему Владимир, недавно пришедший на завод, учившийся в музыкальной школе, занимавшийся боксом, секретарь комсомольского бюро в армии, вдруг устроил пьяный дебош.

На вопросы Владимир отвечает односложно, вину признает, заверяет, что подобное не повторится.

— Есть предложение, — говорит начальник цеха, — объявить выговор и лишить ста процентов премии. Есть возражения? Нет. Запишите в протокол. Кто следующий? Короткова? Пусть войдет Короткова.

Обсуждение закончено. Оно заняло четыре с половиной минуты. Случаи ли этот дебош в столовой? О чем думает парень, выходя из кабинета начальника цеха? Какой след оставило это обсуждение в его душе?

Видно, похожим было и обсуждение Манохина. «Сначала сильно расстроился. Иду по заводу, а навстречу Кошкин. Мы с ним вместе работали. Он вообще хорошо ко мне относился. «Обсудили?» — спрашивает Кошкин. «Обсудили». «Ну и лады, — говорит Кошкин. — Пошли пивка поьем для начала...»

Видно, так оно и было, как вспоминает Манохин. Добавлю только, что Кошкин пришел в энергоцех, освободившись из заключения. И у него, как видно, был свой «интерес» к слабохарактерному сельскому парню. Наверное, именно с этого момента Манохин и поверил Кошкину, «поддержавшему» его в трудную минуту.

А ведь рядом с Манохиным в этот день, как и в последующие, должен был оказаться не Кошкин, который вовсе не «стер» свое прошлое, а, к примеру, Валерий Монахов или Борис Крючков — уважаемые парни не только в бригаде, но и в цехе, надежные ребята, на которых можно положиться в любой беде. И сделать так, чтобы именно Борис или Валерий помогли Манохину

выбраться из трясины, засасывающей его, конечно, нужно было в первую очередь комсорту Александру Беляеву. Но Александр комсорт молодой, опыта у него еще маловато, а вовремя никто из старших и более опытных товарищей ему не подсказал, что нужно сделать в таком тонком и вовсе не простом деле. Александр понимал и видел, что с Манохиным происходит неладное, но тут набегали неотложные и тоже важные комсомольские дела — подготовка к 30-летию Победы, сдача норм ГТО, еще что-то, — и неприятный случай с Манохиным не то что забылся, но отошел на второй план. Вспомнился только тогда, когда из милиции пришло новое официальное извещение...

Вот так получилось, что вплотную воспитанием Манохина занялся в рабоче и в свободное от работы время Кошкин. И это была вторая беда.

Ну, а третья беда сидела в самом Манохине. У нее неуклюжее, но точное название — бездуховность. А если проще, то человек ходит на работу, ест, спит, пьет, и на все, что к этому не относится, ему наплевать. Но как выясняется, и довольно скоро: материальное благополучие, удовлетворение в общем-то нехитрых своих потребностей — еще не все, и жить человек хлебом единым не может. Сама жизнь не прощает нарушения гармонии между материальным и духовным, и никакой, даже самый совершенный «дурак с погонами» не заменит и никогда не сможет заменить Литературу, Музыку, Театр, Спорт. Бездуховность мстит за себя жестоко. Мстит пьянством, хулиганством, цинизмом.

— Мы много и резко говорим о вреде водки, — размышляет секретарь Рязанского горкома комсомола Сергей Цыганков, — но, как ни странно, когда мы справедливо и искренне клеймим пьянство, забываем по-настоящему заглянуть в глубь проблемы, увидеть ее корни. «Комитеты комсомола все еще выступают в роли пассивных регистраторов борьбы с пьянством», — подчеркивалось в постановлении Бюро ЦК ВЛКСМ и коллегии Министерства внутренних дел СССР «Об улучшении воспитательной работы среди молодежи и усилении борьбы с пьянством». Случилось ЧП — комитеты срочно реагируют, принимают меры, порой поспешные, непродуманные...

Замечания Сергея Цыганкова справедливы. Не везде комитеты комсомола анализируют состояние профилактической работы, борьбы с пьянством и правонарушениями среди молодых рабочих. Рязанский нефтеперерабатывающий завод считается в районе предприятием благополучным: случаи пьянства и нарушений общественного порядка там сравнительно редки. И вдруг — несколько резких «всплесков».

— Прямо удивляемся, почему случились эти ЧП, — говорит секретарь комитета комсомола завода Татьяна Феофанова. — И главное, что больше всего тревожит: уж от кого, а от этих ребят мы не ожидали. Один парень даже был членом комитета комсомола завода. Пришлось срочно выводить...

Вести из состава комитета комсомола, конечно, недолго. Гораздо сложнее вскрыть подлинные причины происшествий. А эти причины по-прежнему остаются неизвестны комсомольским вождям. За последние полтора года не было проведено ни одного заседания комитета комсомола, на котором бы стояли вопросы досуга молодежи, профилактики правонарушений или была бы проанализирована работа дружинников в опорном пункте правопорядка. Общая болезнь — надежда на крутые административные меры вплоть до увольнения молодых рабочих — дает себя знать и на этом предприятии.

В одном из цехов несколько ребят, пришедших из ПТУ, устроили своему товарищу «день рождения» и утром не вышли на работу. Справедливо боясь наказания, они подали заявления об увольнении, и заявления эти им быстро подписали, так и не разобравшись с ребятами.

— А чего разбираться, — спойноно говорят в цехе, — уволились — и все. Пусть разбираются с ними там, где они теперь работают...

Ребята, только-только начавшие свой трудовой путь, получили урок... безнаказанности и вседозволенности. А ведь нужен был другой социальный урок. Говоря ленинскими словами, урок общественной морали и практической политики. Стоит ли он на другом заводе и даст ли результаты, трудно сказать. Время упущено.

Нельзя строить крышу, не выстроив фундамента. Нельзя бороться с нарушителями трудовой дисциплины и общественного порядка, не борясь с причинами, создающими этих нарушителей.

В Железнодорожном районе Рязани около десяти тысяч молодых рабочих. Большинство из них пришло на заводы и фабрики после окончания профессионально-технических училищ, техникумов, средней школы. Говорит сегодня о воспитании молодых рабочих и не учитывать то новое, что внесли в жизнь образование и научно-техническая революция, значит не учитывать один из главных факторов. Запасы знаний у девушек и юношей сегодня значительно выше, чем двадцать или даже десять лет назад. Знания растут быстро, а что касается жизненного опыта, то он расти так же быстро не может. Вот почему такое огромное значение в воспитании молодых рабочих имеет институт наставничества.

К сожалению, наставники, работающие с юношами и девушками на предприятиях района, главное свое внимание обращают на обучение ребят профессиональному мастерству. Но знание секретов профессии — еще не все. Мастер — это и личность и гражданин. Закончился рабочий день, и у проходной дороги наставника и подопечного, как правило, расходятся. Как тут не вспомнить опыт С. С. Витченко. Он Наставник. И потому он везде с ребятами: на лыжной прогулке и на стадионе, в общежитии и у станка, в клубе и в кафе. Кстати, не потому ли зачали молодежные кафе, по сути дела, не успев толком родиться, что их искусственно делали молодежными? А разве плохо, если молодые рабочие встречаются в кафе вместе со своими старшими товарищами? Разве связь поколений нужна только в труде и в общественной деятельности?

Лет шесть назад вместе с молодыми рабочими с «Электросилы» и С. С. Витченко сидел я в одном из ленинградских кафе. Разговаривали о том о сем, и в том числе зашла речь о пьянстве. Не громко, вроде про себя, Степан Степанович рассуждал: «Человеку пить несвойственно по природе. Иначе акус спиртного даже для привычного не был бы столь неприятен. И тот, кто способен не нарушать свою природу, — тот, значит, уважает в себе человека и сам достоин уважения. Пьяный нураж, драма, матерщина, что и говорить, противны. Но еще хуже другое: от пьяницы не дождешься благородной надежности. Пьяница всегда подвести может...»

В прошлом году снова на «Электросиле» встретил я одного из тех молодых рабочих, что сидели тогда в ленинградском кафе вместе с Витченко. Игорь Волков теперь сам наставник. Паренек, вчерашний выпускник ПТУ, приносит Волкову деталь, «запоротую» после «весело» проведенного воскресенья. Игорь терпеливо объясняет, в чем ошибка, и вдруг слышу я знакомые слова: «Человеку пить, я думаю, несвойственно. У него природа другая... От пьяницы не дождешься хорошо исполненного дела...»

Вот ведь как глубоко врезались в память слова, оброненные «случайно» Витченко в кафе лет шесть назад.

...Тысячи юношей и девушек выходят каждый день за проходные заводов. Идут машиностроители и нефтепереработчики, строители и литейщики, кондитеры и железнодорожники. Куда они пойдут после окончания работы: в клуб или в магазин «сообщать на троих», на стадион или «забывать козла» в общежитие, — ответ на этот вопрос в огромной степени зависит от комитетов комсомола, которые должны стать штабами по организации досуга молодежи. Сегодня, надо сказать прямо, комитеты комсомола таким организующим центром еще не стали. Комсомольские вожаки зачастую не знают, как же отдохнуть, чем заниматься в свободное время юноши и девушки. На предприятиях, как и во всем огромном заводском районе, не работает ни один штаб выходного дня, который бы координировал работу клубов, домов культуры, танцплощадок, туристских загородных баз, стадионов и других, как их называют, «учреждений досуга». А без таких штабов вряд ли можно сегодня говорить о научной организации досуга.

Давайте немного помечтаем.

— Как будут отдыхать молодые рабочие, чем заниматься? — спрашиваю я, к примеру, в один летний день у секретаря комитета комсомола «Центролита» Владимира Исакова.

— Сейчас «пройдем» по специальным «маршрутам отдыха», — говорит Владимир и достает огромную красочную карту со всякими забавными значками и фигурками. — Значит, так. В общежитии утром начинаются соревнования легкоатлетов, поваров, гитаристов. Туристские группы двинутся в Суздаль, Ярославль и Солотчу. В кафе выставка работ заводских художников и традиционная встреча с пивоварами. Какой же уважающий себя литейщик не пьет пиво? Будет и дегустика продукции, — улыбается Исаков. — Двигаемся дальше. Зашли на танцплощадку. Здесь у нас бал-маскарад. Пригласили лучших танцоров с других заводов. Скажу по секрету, наши ребята и девушки такой танец разучили...

Звонит телефон. Исаков берет трубку:

— Комсомольский штаб отдыха слушает... В воскресенье ожидается ливень?.. А обещали солнце. Учтем...

Исаков вешает трубку, огорченно говорит:

— Надо же... Мы научились планировать досуг молодежи, а бюро погоды все еще неточные прогнозы дает... Придется маскарад и танцы перенести в клуб.

— Да, совсем забыл... А как поживает схема «Мер общественного и административного воздействия к нарушителям трудовой, производственной дисциплины и общественного порядка»? — спрашиваю я.

— Эх, о чем вспомнил!.. — обижается Исаков. — Давно такую схему не составляем. Без необходимости она: ЧП теперь редко бывают.

Я уверен, что так будет. Давайте же сделаем все, чтобы этот день наступил раньше.

Это современно

«Повесть о славных богатырях, златом граде Киеве и великой напасти на землю Русскую» — так называется книга Тамары Лихоталь, вышедшая в издательстве «Советская Россия».

Былинные богатыри? Да, не удивляйтесь. Герои повести — Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня; каждому со школьных лет памятные имена. Но вот прочитанные первые страницы, и... забываешь, что речь идет о героях легендарных. Перед тобой люди простые и сложные, как и свойственно людям. И чувства их по-человечески понятны, и жизнь тоже реальна и доподлинна.

В крестьянской семье растет большой мальчик. Ранним утром отец с матерью уходят в поле, и ты представляешь себе, как сидит он весь день один на лавке, тоскует, размышляет о жизни. В другой семье другие заботы и печали. Сын возвратился домой после учения в столичной монастырской школе. С гордостью слушает отец «ученые речи» своего первенца. Но вскоре радость сменяется тревогой. Сын священника хоть и «вкусил премудрости книжной», но не хочет идти уготованной ему стезей по стопам отца. Он не станет добрым пастырем своих прихожан. Погостив несколько дней в родном доме, он поспешно уедет с важным и опасным поручением. И с этого дня повседневной его одеждой будет не ряса священника, а кольчуга воина.

Автор знакомит нас с героями задолго до того, как они станут прославленными храбрými (так называли в те времена на Русь отважных воинов, защитников родной земли). На наших глазах будут складываться их характеры, выкристаллизовываться те черты, которые помогут им снискать славу, не померкшую до нынешней поры. На наших глазах пересекутся их судьбы — крестьянского сына Ильи, сына священника Алеши и Добрыни, вышедшего из народа талантливого полководца и дипломата, возникнет в огне сражений их крепкая дружба.

Древняя Русь Тамары Лихоталь живая. Она звучит великолепной речью. Она покоряет многообразием красок. Мы видим и «утреннюю росную зелень травы, прикрытую сверху прозрачными пузырьем неба», и золото-верхие терема, построенные ульщиками зодчими, «как мера и красота снажут», и взрослые в землю лагуги Подола — комплекс древнего города, и «провальную ямой разевающую рот глинистую гору, что сналился раздробленными каменными зубами», — пограничную заставу, где воины и рабочие люди спешно возводят сторожевые укрепления.

«Повесть о славных богатырях» рассказывает о «делах давно минувших дней», но как-то не хочется безоговорочно отнести ее к жанру исторических повестей и романов. Это современная проза. Современна она прежде всего своеобразной творческой манерой и интонацией. Весь ее тон, ненавязчивый, не категоричный, доверчиво обращен к читателю.

Автор заявляет о том, что он не исследователь, изучающий фольклор, не ученый, а просто читатель, читатель былин. Но у читателя-художника есть неотъемлемое право на собственное видение и домысел. Большая заслуга Тамары Лихоталь в том, что она чрезвычайно тонко и бережно и вместе с тем смело пользуется правом этого домысла. Точность деталей делает повествование удивительно достоверным. И таким образом герои фольклора становятся полноправными и полнокровными героями современного литературного произведения.

Былинные богатыри ни в какой степени не модернизированы. Они живут в повести по законам и нравам своей эпохи. Но вместе с тем они не замкнуты во времени. Нравственные начала, истоки народного самосознания, складывавшиеся в те далекие времена, естественно проецируются на день сегодняшний.

Ричи ДОСТЯН

ПОЭЗИЯ

Греческий всеми звуками

Сборник стихов и поэм Петроса Антеоса «Дикий груша на перевале», вышедший в издательстве «Советский писатель» в прошлом году, убеждает, что просторство поэзии поистине безгранично и сегодня языком поэзии можно говорить практически обо всем.

Стихи Петроса Антеоса, греческие всеми звуками своими, рождены в «окопах Истории», в самом пенде событий. Клопочущие, «как соевьсть, как ядро земли», они будят память забывших, осуждают равнодушных. Поэт пишет о судьбе вечных юных героев Сопротивления, мятежных сердцем борцов за свободу, — ведь «если в твои двадцать сам ввысь не летишь, в твои пятьдесят с другими ползти будешь вниз». Юноши Сопротивления — это и семнадцатилетние и семидесятилетние: настоящая зрелость не спрашивает возраста самопожертвования, говорит поэт. В любом возрасте все мы сверстники Греции и в великие мгновения среди неисчислимых дней Эллады должны быть отважными ее сыновьями.

«Как Грек, принадлежу Греции. Иной не имею цели... чтоб Грецией только греки владели... Социализму принадлежу потому, что мысля и ежедневно работаю до седьмого пота я...» Позиция поэта и его лирического героя слиты воедино — это не только гражданская платформа автора, но его поэтическое кредо. Судьба лирического героя «Дикий

груши на перевале» перерастает в великую долю не одного, а многих поколений греческих патриотов, ведь

Различия между поколениями ничтожно малы, Когда беды твоего народа Столь велики.

Поэзия Петроса Антеоса обращена к будущему, она живительна для грядущих поколений, родник его творчества орошает их корни. Любовь, ненависть, гнев — страницы сборника дышат сильными страстями. Этим определяется и качество образности, выбор поэтического оружия из арсенала художественных средств. Петрос Антеос характеризует остроту эмоциональности поэтического мировосприятия, публицистичность. Рубленость, определенность фразы исключает не только двойное толкование ее, но какой бы то ни было нейтралитет.

И происходит знаменательное: порожденное великими событиями слово поэта само обретает характер действия, высокого поступка, свершившегося события.

Поэт! Возьми ты же — человек, Возьми же раненых к себе в седло. Ведь ты вождь, Vedi же юных за собою, Стань знаменосцем и веди к вершинам.

Это из поэмы «Последняя встреча», посвященной Янису Рнцосу, тоже бойцу Сопротивления, антифашисту. Поэма — как взаимная исповедь двух товарищей по духу, по борьбе. Беседа о самом главном на земле, в мире, в человеке. О смысле жизни, борьбы, о поэзии, о настоящем и будущем.

...Об этом и вся книга. Суровая, весомая. Это поэзия, которая способна, «даже рыдая, дарить человеку радость и опору».

Лилана ПОЛУХИНА

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«Тихий Дон» сражается

«Тихий Дон» побеждает

Роман Михаила Шолохова «Тихий Дон» с момента его выхода шагнул за рубеж. Раньше других — в октябре 1929 года — первую книгу «Тихого Дона» выпустило в свет книгоиздательство Компартии Германии «Литератур унд политик». С этих слов начинается книга Константина Приймы «Тихий Дон» сражается» («Советская Россия», 1975). Не стану излагать содержание книги. Скажу лишь, что на пути читателя много открытий. Перед нами изложена в документах своеобразная «Одиссея» «Тихого Дона» за рубежом. Автор ведет нас из страны в страну, с континента на континент. «Тихий Дон» на баррикадах Красного Ветлига... На антивоенной демонстрации в Стойгольме... «Тихий Дон» вместе с речью Георгия Димитрова проникает в болгарскую темницу к политзаключенным, сражающимся под Мадридом и Гвадалахарой... «Тихий Дон», как с ужасом писала датская буржуазная газета «Дагенс нюхетер» в 1934 году, — это «настоящий литературный коммунизм!..».

«Тихий Дон» сражается — назвал свою книгу Константин Прийма. Точное название. Оно отражает мировое значение «Тихого Дона» так же, как роман отражает мировое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Вот почему роман Шолохова является полем ожесточенного боя.

Мне довелось быть на заседании ученого совета Московского пединститута имени Н. К. Крупской, слушать оценку монографии К. Приймы «Тихий Дон» сражается», за которую автору была единодушно присуждена степень доктора филологических наук. Крупнейшие филологи страны отметили большой вклад в науку о литературе и признали книгу ростовского журналиста К. Приймы «явлением уникальным как по форме, так и по содержанию», которая «на долгие годы станет первоисточником по изучению влияния советской литературы на мировой историко-литературный процесс, станет живым документом эпохи, говорящим о том, что подлинное произведение русского искусства о Великой Октябрьской социалистической революции — «Тихий Дон» — уже перестает быть только произведением советского искусства и становится фактором большой политики».

История написания рецензированной книги поучительна. Автор на протяжении многих лет вел подвижнический поиск, собирал сведения о том, как вступал шолоховский роман на земли стран Европы, Азии и Америки. Отправил за рубеж сотни книг «Тихого Дона» и тысячи писем. И в итоге собрал 400 томов зарубежных изданий книг Шолохова и около двух тысяч документов о творчестве советского писателя.

Труд К. Приймы — это труд талантливого и упорного коммуниста-исследователя, историка и литературоведа.

И еще об одном хочется сказать. Всю собранную документацию автор принес в дар родному городу Ростову-на-Дону. Организованная им в Ростовском музее краеведения литературно-документальная выставка «Тихий Дон» сражается стала большим событием в литературе. Оценивая ее значение, ростовский литератор Михаил Андриасов отметил, что выставка «напоминает мне первый облет Луны! Она показывает нам ту сторону борьбы «Тихого Дона», которую мы до сих пор не знали».

Такое значение книги Константина Приймы. И, как верно заметил автор предисловия, доктор филологических наук, профессор В. Аршипов, «книгу эту начинаешь читать так, как она названа — «Тихий Дон» сражается». По мере чтения ее тобою все более и решительнее овладевает мысль: «Тихий Дон» побеждает!

Такое подлинное название этой книги».

Владимир ЛУЦКИЙ

ИСКУССТВО

Пионерская республика Артек

Вечно юная республика

Кто из нас в школьные годы не мечтал побывать в «Артеке»? Сказочная, веселая страна у Черного моря

вот уже пятьдесят лет является лучшей здравницей для советских ребят. И не только лучшей, но и самой большой: ее владения раскинулись от Медведь-горы до развалин древней Генуэзской крепости; пять лагерей «Артека» занимают площадь 320 гектаров. И самой богатой: годовой бюджет «Артека» составляет около восьми миллионов рублей. И не только советских школьников принимает эта гостеприимная республика — за полвека здесь побывали ребята более чем из 70 стран мира.

Такова вкратце статистика. В книге-альбоме «Пионерская республика Артек» (издательство «Планета», 1975) прослежена и история лагеря от 16 июня 1925 года, когда в брезентовые палатки на берегу моря приехали первые восемьдесят артековцев, до сегодняшних дней, когда в 159 зданиях благоустроенного города новейшей конструкции и особой планировки отдыхает ежегодно 25 тысяч детей.

Многообразен и разнообразен отдых ребят в «Артеке». К их услугам библиотека, на полях которой более 80 тысяч книг, инстудия «Артенфильм», фотолaborатория... И многочисленные спортзалы, и стадион, и собственный «морской флот»... А когда приходит в лагерь 1 сентября, открываются двери прекрасной оборудованной школы, со множеством наглядных пособий, с постоянно действующими предметными кружками. Знания, полученные за партой, закрепляются и совершенствуются на традиционных конкурсах на лучшие стихи и сочинения, в эскурсиях в памятные места, которыми так богат Крым, в парках лагеря, в туристских походах; обыденными стали «трудовые десанты» в соседние колхозы и совхозы и на промышленные предприятия.

В гости к ребятам приезжают известные писатели и художники, композиторы и артисты... Нескольким раз здесь побывал Аркадий Петрович Гайдар. А вот какую запись оставил в лагере Юрий Алексеевич Гагарин, гость III Всесоюзного слета пионеров: «Для меня дорога в Артек пролегла через космос... Очень рад, что в Артеке открылся космический городок, и верю, что еще не один артековец станет разведчиком космических трасс».

Один из самых торжественных дней в лагере — День мира. Артековский корабль под разноцветными флагами выходит в нейтральные воды, и мальчишки и девчонки в красных, синих, зеленых, желтых галстуках опускают в море тщательно закупоренные бутылки с призывом ко всем детям мира: «Крепко возьмемся за руки! Снажем «нет» войне! Скажем — пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама, пусть всегда будет мир! Агрессоры болтаются только сильных. Так сплотим же наши ряды, юные борцы за мир!»

...Богатый и красивый альбом подарил нам издательство «Планета». Это тот случай, когда нельзя сказать, что фотографии только иллюстрируют материал или журналисты пишут «подтекстовки» и фотографии. Прекрасно выполнены цветные и черно-белые снимки Ю. Месяникина и Р. Озерского существуют на равных с лаконичным и глубоким содержательным рассказом Е. Рыбинского и С. Фуринина, повторенным, кстати, на английском, французском и немецком языках. Подкрепляя и дополняя друг друга, текст и фото становятся единой, увлекательной книгой. Особого внимания заслуживает высокое полиграфическое оформление альбома... И — единственное огорчение — тираж: всего 21 000 экземпляров! Изданный несколько месяцев назад, альбом почти сразу же стал библиографической редкостью...

Николай КОТЕНКО

В Москве, на Звездном бульваре, есть дом, к которому, как говорится, не зарастает народная тропа. Сюда приходили и приходят ученые, писатели, художники, люди разных специальностей, возраста и интересов. Сюда едва ли не каждый день почта приносит письма из разных уголков страны и из-за рубежа.

Сюда однажды судьба привела и меня.

И раз переступив порог этой скромной, тесной — особенно из-за множества юнг и картин — квартиры, я, подобно многим, прирос к ней навсегда. Это квартира Александра Леонидовича Чижевского, советского ученого, известного своими трудами в области космической биологии, солнечно-земных связей; он был также математиком, применявшим математические методы к изучению физических свойств крови. А. Л. Чижевский был почетным членом более тридцати Академий наук и академических обществ. Его образ вызывает в памяти фигуры героев Возрождения.

Более десяти лет минуло с тех пор, как ушел из жизни А. Л. Чижевский, но все в его квартире осталось без изменений. И по-прежнему словно звучит его голос. И стучит пишущая машинка... Но это уже реальность: вдова ученого привычно готовит и печатает рукопись мужа, которую ждет с нетерпением издательство...

Что знал я о нем, когда впервые шел сюда? Только то, что А. Л. Чижевский несколько десятилетий отдал исследованию электрических свойств воздуха и влияния этих свойств на живые организмы. Тема, сама по себе захватывающая воображение. Шутка сказать, ведь мы «электрические существа»: все наши клетки — это прежде всего электроколлоиды. Наша нервная система — невероятно сложная сеть электрических коммуникаций, наша кровь — строго упорядоченные потоки электрически заряженных частиц, обменные процессы — это электрохимические реакции, и так далее, и так далее. Но вот что интересно: живем мы в электрической среде. Я не говорю уже о том, что вся она пронизана электрическими и магнитными полями, — в воздухе, которым мы дышим, растворено электричество, и, не будь его, жизнь на нашей планете, по-видимому, замерла бы.

Этот последний вопрос меня особенно интересовал. А решил его ученый, к которому я и пришел, — Александр Леонидович Чижевский.

Что может быть увлекательнее, чем познание фундаментальных законов природы? Вполне естественно, что беседа не могла не быть захватывающей. Но с первых же минут куда больше, чем интересовавшая меня тема, мое воображение было захвачено неожиданно открывшимся мне человеком. Дело было не только в глубине и широте его познаний, тут было нечто гораздо большее — сама личность, одухотворенная, полная внутренней красоты, той, которую трудно оценить критериями строго аналитического подхода, но которую можно ощутить целостным восприятием ума и сердца. К тому еще располагала доброжелательная непосредственность хозяина в общении с гостем, необычайная живость и адекватность его в подходе ко всему, чего касалась наша беседа.

По роду журналистской деятельности мне немало случалось встречать незаурядных людей, однако, признаюсь, столь сильного обаяния личности я не ощущал ни до, ни после.

— Все живое на нашей планете, — говорил Чижевский, — возникло и развивалось в условиях электрически активной атмосферы. Мы со своими жилищами исказили естественную среду, лишили ее живительных ионов, или, лучше сказать, аэроионов, и тем самым обрекли себя на многие болезни, которых раньше не знал человек, на хилость, на преждевременную старость...

И вот естественный, строгий в своих суждениях и умозаключениях, педантичный в своих экспериментах, критичный в оценке добытых фактов, вдруг преобразился в юношески дерзкого романтика и начал рисовать передо мною проекты нашей жизненной среды недалекого, по его мнению, будущего: на площадях городов бьют насыщенные электричеством фонтаны; запыленные улицы превращены в электрокурорты, не уступающие по своим качествам абхазским долинам или Крымскому побережью; в каждой квартире свой электрический «душ», насыщающий нас жизненными силами.

— Утрата данного нам от природы электрического потенциала чревата нарушением режима функционирования структур организма, потерей устойчивости физиологической системы управления, разного рода патологическими отклонениями, ранним увяданием...

Нет, он не был фантазером или до-сужим мечтателем — за каждым его словом стоял строгий расчет, опытная проверка и технически обоснованный проект. Ученый сам предложил целый ряд инженерных решений, которые легли в основу глобальной проблемы, именуемой сегодня аэроионификацией, приложение которой во всем отразило народного хозяйства сулит интенсификацию производства, повышение его технико-экономических показателей, оптимизацию расходов на промышленного сырья, но, главное, повышение культуры труда, его гигиенических качеств, техники безопасности, надежности в системах взаимодействия «человек — машина».

Мы говорили о сугубо научных вопросах, а со стен на меня смотрели акварельные пейзажи, порождая во мне новые ассоциации. На мой шестилетний вопрос хозяин бесхитростно ответил, что краски, которыми он пользовался, обычные, школьные, образца военных лет. «Удивительно, что они до сих пор еще не выцвели...» И мимоходом заметил, что если бы он не стал ученым, то хотел бы стать живописцем...

— Вы, наверное, писали стихи? — неожиданно спросил я.

В ответ ученый покраснел, как девушка. А я смутился. И мы продолжили наш разговор об «электрической жизни».

Но при следующей нашей встрече Нина Владимовна приветствовала меня словами: «А для вас есть сюрприз», — и протянула отпечатанные ею страницы, заполненные стихотворными строфами. На первой стоял автограф автора.

Позднее мне посчастливилось познакомиться с полным собранием стихотворений ученого. Их оказалось более трех тысяч. Но дело, разумеется, не в количестве. О качестве же свидетельствуют профессиональные оценки — Валерий Брюсов, Владимир Маяковский, Вячеслав Иванов, Максимилиан Волошин, Алексей Толстой и другие высоко отзывались о поэтическом таланте Чижевского. Наркомпрос выдал ему в 20-х годах удостоверение литературного инструктора по Калуге.

Калуга... Колыбель космонавтики. Оказывается, он был дружен с Циолковским. Именно скромность его в оценке собственной персоны, столь характерная для истинно больших людей, была причиной того, что не сразу узнал я о главном в творческой жизни Чижевского — о его работах в области космической биологии.

Мы обычно ведем отсчет космической медицины и биологии с того момента, как первые животные, а затем и человек оказались на околоземной орбите. Но, оказывается, за сорок лет до того Александр Леонидович Чижевский выступил с обоснованной концепцией, что все живое на нашей планете тесно связано с космическими факторами, и эти последние сыграли и играют существенно важную роль в судьбах всего живого на Земле.

Свои первые идеи, наблюдения и эксперименты он обсуждал с К. Э. Циолковским, «звездным мечтателем». Под непосредственным воздействием «отца космонавтики» формировались его научные интересы и взгляды. Сродство идей и дум обусловило их многолетнюю большую дружбу, которой А. Л. Чижевский уже на склоне лет своих воздал дань сердца книгой «Вся жизнь».

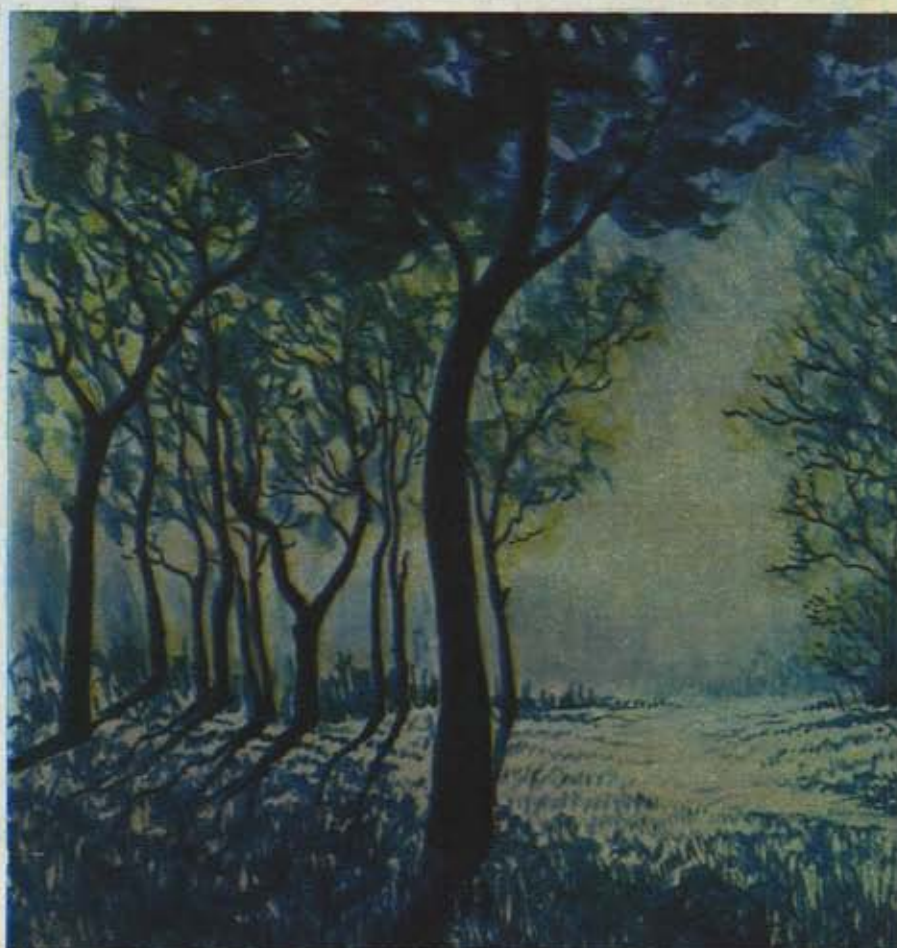
Принципиальное значение трудов Чижевского заключается в том, что они фактически ознаменовали завершение исторической ломки геоцентризма в научном сознании, начатой еще трудами Коперника и Бруно. В этой связи имя Чижевского называют рядом с именами других пионеров современного космического естествознания — в первую очередь Циолковского и Вернадского. Эти три имени — как три звезды на научном небосклоне, озаряющие горизонт познания, и которому устремляются сегодня пытливые умы.

Леонид ГОЛОВАНОВ,
кандидат философских наук

ЖЗВ

Александр ЧИЖЕВСКИЙ

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ЦИОЛКОВСКОГО

ВЗДАМ!

Константин Эдуардович Циолковский иногда оγοрошивал меня странными вопросами...

— Понимаете ли вы, что такое «бесконечность» и «вечность»? Конечно, не понимаете, как не понимаю и я, как не понимает никто из людей и понять не может. Попытка религии объяснить бесконечность и вечность не увенчалась успехом из-за своей примитивности. И вот мы заглянули в мир атомов, но они тоже не прояснили нам названные категории.

— А математика?

— Да, математика может многое... Но то, что описывается математически, часто невозможно представить ни в образах обыденной жизни, ни в физических моделях. Замечательно, что понятия противоположного характера — такие, как конечность или отрезок времени в минуту, — все же могут быть нами восприняты, хотя

бы и с некоторым недоверием, а возможно, даже с большим недоверием — для философа. Однако легче всего воспринимается то, что человек познает п р а к т и ч е с к и. Поэтому я всегда уходил от неопределенных понятий и шел в практику, надеясь через практику познать то, что умозрительно никогда не будет познано. Отсюда полетим-ка в космос, за пределы видимого мира, и посмотрим, что делается там. Вспомните ту знаменитую карикатуру Альберта Дюрера о любопытном монахе, пробившем своей головой небесный свод и заглянувшем в райские владения. Что увидел он там? Тот же небесный свод, усеянный звездами! Что этим хотел сказать художник? Он хотел показать, что и в бесконечности пространства те же звезды и та же новая бесконечность или что бесконечность не имеет конца, а это уже тавтология. Ум человека упирается в глухую стену, но, может быть, уже познанного завтра. Практика же ве-

дет нас к осязаемому и потому удовлетворяет нашу интеллектуальную и эмоциональную потребности.

Да, проломив небосвод головой или, что то же самое, перелетев двадцать или двадцать тысяч световых лет, человек увидел бы там звезды и звезды, галактики и галактики, а вот жизни, высокоорганизованной жизни там может не оказаться...

— Итак, Александр Леонидович, я пришел, исходя из теории вероятности, к заключению, что сумма многочисленных оптимальных условий для возникновения жизни является уникальным явлением. Но я хотел бы, чтобы вы с биологической точки зрения дали моим предположениям более прочное обоснование. Я интуитивно полагаю, что это можно сделать на основании точных данных современной биологии. Вы это делаете лучше меня, поэтому прошу вас: продумайте, пожалуйста, основательно этот важный вопрос... Если вы придете к противоположным за-

Акварельные пейзажи
Александра ЧИЖЕВСКОГО

„ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЗЕМЛЯ МОЯ..“

Утопическая мысль

В изгнание крепнут убеждения:
Мужайся духом, кто гоним!
За кровь, за пытки, за гоненья
Врагам сторицей воздадим.

Застенок породит застенок,
Тюрьма — стостенную тюрьму,
И мир погибнет за бесценок
В братоубийственном дыму.

Таков наш суд и осуждение!
Но выход есть из тьмы и зла,
Когда б Земля в одно владенье
И в строй единый перешла.

1917 год. Калуга.

В апреле

Короче ночь. Светлей восток,
Лучистой и пурпурней.
Ве мягче летает ветерок,
И небеса лазурней.

Как хорошо в саду твоём
В истомный день апреля!
Как манит нас бегать вдвоём
Широкая аллея.

Хоть не видать ещё листьев,
Но в почках все деревья.
О, вжуж, вжуж: любишь ты,
Хмельна от новоселья.

Над миром реют небеса,
Зелено-сини-ярки,
И, право, веришь в чудеса
Сонетами Петрарки!

1918 год.

Солнце

Великолепное, державное Светило,
Я познаю в себе собрата-близнеца,
Чьей огненной груди нет смертного
конца,
Что в бесконечности, что будет и что
было.

В несечной тьме времен ты стройно
восходило

С чертами строгими родимого лица,
И, скорбного, меня, земного
пришлеца,
Объяла радостная, творческая сила.

В живом, где грузный пласт
космической руды,
Из черной древности звучишь
победно ты,
Испепеляя цепь неверных наших
хроник,—

И я воскрес, пою. О, в этой вязкой
мгле
Под взглядом вечности ликуй,
солнцепоклонник,
Припав к отвергнутой
праматери Земле.

Август, 1919 год. Калуга.

Вчера был первый вешний день,
Весь позлащенный чистым светом,
И сине-розовая тень
Играла в воздухе прогретом.

Вокруг немолчный голос пел —
То пело небо голубое,
И мир раскрылся, просветлел
В своем преображенном строе.
Когда же сумерки пришли
И в синеве простерлись дали,
А звезды над лицом Земли,
Как бы ожив, затрепетали,—
Я в утомленном забытьи
Предался ясному покою,
И поспешили снизойти
Ко мне видения толпою.

1919 год.

Все та же высь и ширь земная,
И даль — синюющая даль:
Неотвратима, родная,
Тысячелетняя печаль.

Все то ж знакомое стенанье
Тоски — любви, любви — тоски:
Неразрешимое желанье
И напряженные виски.

ключениям, тоже будет небезынтересно. И оптимистично! Тогда посмотрим.

Для через три я принес Константину Эдуардовичу маленькую тетрадку со своими соображениями и прочел ее вслух. Вот что было в ней написано.

Константин Эдуардович Циолковский задал мне существенно важную задачу, которая может быть решена при условии достаточно полного знания ряда биологических и точных наук... Не претендуя на абсолютную достоверность, я попытаюсь представить соображения, которые позволили бы судить: возможно ли развитие высокоорганизованных существ, обладающих разумом человека, или даже более совершенных в пределах видимой Вселенной?

Как известно, вопрос такого рода ставится не впервые, много исследователей и мыслителей предпринимало попытки ответить на него, исходя из данных современной им науки. Но мнения чаще всего разделялись.

Посмотрим, что по этому вопросу сегодня¹ позволяет сказать нам естествознание.

Допустим, что на поверхности многих планет имеются условия для образования первичных молекул, из которых, спустя миллиарды лет, могла бы образоваться высокоорганизованная жизнь. Вряд ли такое допущение вызвало бы возражения даже у скептически настроенных людей.

Но для дальнейшего процесса — для сложнейшего преобразования таких молекул в живые существа, хотя бы бактерии, — нужны редкие и редчайшие условия. Вероятность их предельно мизигнальна, и хотя предпосылки первичных условий для возникновения жизни могут иметь место на некоторых планетах, зарождение жизни — факт уникальный, ибо оптимальные сочетания условий, благоприятных для жизни, сохраняющиеся притом в течение миллиардов лет, почти исключают возможность образования ее вообще, человеческой в частности.

Одно из наиболее важных условий — пластичность (в широком смысле слова) живого организма, подвижность, известная изменчивость всех его элементов и структур. Без этого ни одно живое существо ни возникнуть, ни существовать, ни производить себе подобных не могло бы. Она помогает организму бороться за существование, адаптироваться к внешним условиям пространства, времени, света, температуры, к тем или иным деформациям.

¹ Эти строки писались в начале 20-х годов. (Ред.)

Надо иметь в виду, что для всякого приспособления есть предел, за которым отдельные органы или весь организм заболевают, погибают. Такое может случиться, если внешний раздражающий фактор не прекращает своего губительного действия.

Следующим условием должно быть поставлено то, от которого зависит эта жизненная пластичность, — наличие достаточного количества жидкости в клетках, тканях и органах. Жидкие материалы абсолютно необходимы для построения пластических структур живого существа, причем в большом проценте по отношению ко всему организму.

В связи с этим особым рассмотрением заслуживает внутренняя среда организма, которая беспрестанно благодаря пульсирующему механизму омывает все клетки организма.

Кровь — система, отличающаяся одним обязательным и удивительным свойством — гомеостатизмом, или способностью сохранять неизменность своих физических и химических отклонений, ибо малейшее нарушение этих отклонений влечет неминуемую гибель организма. Представить себе организм без центральных пунктов снабжения и трансляции мы не можем.

Обмен веществ — обязательное условие жизни любого существа. Без него не может жить и производить себе подобных ни одно живое существо.

Основой жидкого состава живых существ должна быть вода, то есть субстанция, в которой могут растворяться наиболее важные для жизни вещества, дабы поддерживался на должном уровне обмен этих веществ. Вода — наиболее совершенный в природе растворитель для солей, кислот и щелочей. В этом смысле ничего более универсального и идеального в мире не существует. Вода — основа жизни и не может быть заменена ничем другим. Поэтому на планетах, где не существует воды, не может существовать и жизнь.

Жизнь требует в жидком составе организма строгого соотношения катионов и анионов. «Раствор есть определенное соединение с водой в состоянии диссоциации», — писал Д. И. Менделеев. «Ничто не реагирует, кроме ионов», — говорил С. А. Арениус. Заметное нарушение баланса небольшого количества кислот и щелочей немедленно приводит организм к гибели. Мощные буферные системы организма поддерживают это равновесие — иногда и при весьма неблагоприятных внешних влияниях.

Поэтому те планеты, на которых нет воды, причем, при условии стро-

го определенной температуры и барометрического давления, не могут производить живых существ. Данное обязательное условие сразу позволяет исключить более 60% всех существующих в космосе планет, если принять за образец пространственное распределение планет в солнечной системе.

Совершенно необоснованно представлять себе где-либо живые существа с резко отличающимся от земного химическим составом органических молекул... Во всяком случае, сегодня мы не можем себе помыслить живые организмы, в которых белковая молекула была бы заменена другой. Это противоречит всем нашим знаниям и огромному биологическому опыту! С самого зарождения жизни на Земле до современного человека белковая молекула входила и входит в систему всего живого в качестве основного строительного материала жизни. У нас нет никаких оснований для допущения, что организмы могут быть построены из других, небелковых «кирпичей».

Когда писатели-фантасты предлагают вместо белковых молекул самые различные химические соединения, они забывают о том, что на Земле в эпоху образования белковых молекул были и многие другие возможности. Однако природа все же «остановила свой выбор» именно на белковом теле как носителе жизни, отбросив все прочее, как непригодные.

А что сказать о метеоритах, этих вестниках далеких миров, в которых обнаружены следы органических молекул, подобных аминокислотам и даже еще более сложных? Данный факт вовсе не означает, что там имеется высокоорганизованная жизнь, — для нее требуются особые, уникальные условия внешней среды.

Кислород — основа жизни. Это не только величайший окислитель, необходимый для процесса «горения» питательных продуктов, но еще и агент образования воды в клетках организма... Раздумывая о природной сущности жизни, невольно приходишь к выводу, что она вообще говоря — редчайшее явление и представляет собой решительное исключение из общего процесса эволюции материи в космосе. Биосфера — это колыбель жизни, тончайшая, еле заметная (если оценивать ее космической меркой) пленка на лике нашей планеты. Специфические условия — благоприятное сочетание земных и космических факторов — создали жизнь, а не жизнь приспособилась к ним. Адаптация ее имела место лишь к второстепенным внешним явлениям, а не к основным. Это обстоятельство следует иметь в виду. Изменение в ходе какого-либо

основного из условий жизни может мгновенно уничтожить ее, в то время как изменение второстепенного фактора вызовет лишь временную болезнь или заставит жизнь избрести приспособительные механизмы.

Высокоорганизованная жизнь — это особое состояние материи, столь чувствительное к внешним влияниям, что наличие ее в космосе теоретически исключено, тогда как образование белковых тел может быть явлением более или менее распространенным.

Жизнь возможна лишь при том условии, что входящие в состав организма вещества и их функции находятся в точнейших соотношениях. В органических системах недопустимо какое-либо проявление хаоса, в них действуют антихаотические факторы — факторы управления жизненными началами. Чем выше стоит организм на эволюционной лестнице, тем строже эти факторы выражены. Организм высших животных и особенно человека — сложнейшая «машина», все части которой пригнаны с такой величайшей точностью, что наше математическое воображение пасует перед ней.

Для того, чтобы могла возникнуть такая величайшая, поражающая своей точностью слаженность в работе всех многочисленных приборов организма, в результате которой мог возникнуть изумительный аппарат управления — мозг с несколькими миллиардами отдельных управляющих и управляемых, взаимосвязанных элементов, должно было пройти свыше двух-трех миллиардов лет, в течение которых внешняя среда и зависящие от Солнца и Земли факторы не претерпели бы каких-либо значительных отклонений. Гелиостатизм и терростатизм — обязательное начало жизни на нашей планете, как и вообще на любом другом небесном теле.

Человеку, незнающему с физиологическими и биохимическими механизмами человеческого организма, эта сложность может показаться невероятной. И она действительно почти невообразима, не может быть одномоментно схвачена сознанием и потому просто не доходит до него во всем своем космическом великолепии и потрясающей космической сложности.

Поистине чудовищная сумма обязательных условий внешней среды, отличающаяся уникальностью, понадобилась для столь высокой организации материи. Представить себе ее повторение еще где-либо в космосе мы не можем.

Человеческий мозг — высшее проявление живой материи, неповторимый раритет космоса, возникший бла-

Звено бесчисленных поколений,
Люблю тебя, Земля моя:
Предел несбыточных стремлений
И тщетных странствий бытия.

1919 год.

В тот мирный вечер ты была устала,
Задумчива, болезненно-нежна,
Зеленой мглой наполнялась зала,
Во мрак врывалась желтая Луна.

И образ твой, печальный
и прекрасный,
Был сердцу так мучительно знаком:
В каких веках и в мировых
пространствах
Я был с тобой навеки обречен.

Ты медленно вошла, и села в кресло,
И голову на руку оперла,
И странная мелькнула мысль:
что, если б
Ты в этот миг нежданно умерла!

Воспоминания с предельной силой,
Как тени, пробежали по стене,
И мнилось мне: все это прежде было
В полузабытом, в полустертом сне.

Такая же залитая мглой зала,
Квадрат луны, упавший на паркет,
И та ж Любовь меня с тобой сковала,
И были мы, но нас давно уж нет.

Зачем же эта память небылого
Столь явственно охватывает нас!
Иль снова Смерть душа принять
готова,
Как принимала смерть миллионы раз!
Декабрь, 1919 год. Калуга.

О времени и пространстве

Обманы мира нам необходимы:
Мы в них черпаем тайны мироздания,
Но эти тайны здесь необоримы,
Имея относительность сознания.

Так, забывая жизни скоротечность,
Постигнем мы, что Время есть
Движенье
И, покидая цепкую Конечность,—
Что Бесконечность есть
Круговращенье!..
1920 год.

В науке я прослыл поэтом,
Среди поэтов — я ученый,
Увы, не верю я при этом
Моей фортуне золоченой.

Мой путь поэта безызвестен,
Натуралиста путь тревожен,
А мне один покой лишь лещен,
Но он как раз и невозможен.

Хотел бы я ходить за плугом,
Солить грибы, сажать картошку,
По вечерам с давнишним другом
Сражаться в карты понемножку.

Обвестись бы мне семьею,
Поняв, что дважды два — четыре,
И жить меж небом и землею
В труде, довольствии и мире.

1935 год.

Табу на вечерней заре

Наполовину Солнце как бы в яме.
Лучи ползут, прикинувшись, по земле.
Плывет степь багряными огнями.
Овраги тонут в липоватой мгле.

Следит за Солнцем зорко
конь-вожатый,
Священный диск прилежно сторожит,
И он заржал, и весь табу, объятый
Смиреньем общим, нем и недвижим.

И смотрят лошади упорно, странно
На тающие в темноте лучи...
Молитвенно и как бы покаянно
Табу одно мгновение молчит.
Март, 1943 год. Челябинск.

годаря счастливейшему сочетанию основных свойств этой материи и свойств внешнего мира, характеризующихся, помимо всего прочего, сверхдлительным постоянством.

Планеты, покрытые постоянной толстой облачностью, не пропускающей прямого солнечного света, не могут способствовать развитию высокоорганизованной жизни хотя бы потому, что строение глаз и соответствующих областей мозга на поверхности таких планет отличалось бы примитивностью и никогда не достигло бы совершенства, которого достигает глаз и мозг, эволюционирующие под влиянием прямых лучей солнца. Глаз и мозг, развивающиеся при рассеянном и тусклом свете, неизбежно будут далеки от совершенства земного глаза и земного мозга.

На безатмосферных планетах высокоорганизованная жизнь невозможна не только потому, что живым существам не представляется возможность постоянно, непрерывно поглощать энергию при дыхании, но еще и потому, что они — если допустить такие существа — не обладали бы здесь слухом — наиболее важным механизмом мозга для развития интеллектуальных способностей. Слухом человек обязан почти всему, что выделяет его из всех населяющих Землю существ. Слух — речепортный прибор, более важный для прогрессивной эволюции коры головного мозга, чем зрение и многие другие механизмы живой связи организма со средой.

Однажды мне довелось говорить со знаменитым физиологом профессором Алексеем Алексеевичем Ухтомским. А. А. Ухтомский — один из самых блестящих русских ученых, великодушный стилист, человек колоссальной памяти, один из самых эрудированных русских физиологов, блестящий знаток не только физиологии, но и сопредельных наук — физики, химии и отчасти математики. Он умел глубоко и обобщающе мыслить. Словом, это ученый в лучшем смысле слова — мыслитель мирового масштаба. Вот что он сказал мне о значении слуха в процессе развития коры головного мозга:

— Орган слуха — акустический прибор изучения окружающего нас пространства. Он еще более необходим для развития коры головного мозга, чем зрение. Наблюдения говорят, что непрерывным условием развития мозга и умственных способностей у слепца является сохранение слуха. Прирожденные глухие люди или оглохшие в раннем детстве являются почти всегда людьми с более или менее угнетенной умственной жизнью. Но этого нельзя сказать про

слепцов — история знает немало примеров высокой одаренности слепых с раннего детства.

Умение предвидеть события по слуховым сигналам извне, независимо от зрительной рецепции есть достижение более высокой культуры головного мозга, чем все предыдущие ступени его развития.

Но образование и развитие органа слуха могут быть обусловлены наличием атмосферы на поверхности планеты, передающей звуковые колебания от одного индивида к другому.

А в общем наличие высокоорганизованной жизни невозможно без сложнейшего центрального аппарата нервной системы — головного мозга, выполняющего сложнейшие процессы мышления, памяти, анализа и синтеза. Для формирования такого аппарата понадобились исключительные условия, благоприятствовавшие длительному эволюционному развитию живых существ.

Таким образом, мы приходим к неминуемому выводу о зависимости появления интеллекта от факторов внешней среды, то есть более сильной обусловленности эндогенных процессов в живой системе от экзогенных влияний среды, нежели об этом судят физиологи.

Состояние высокоорганизованной жизни зависит от скачков и перемен в физических факторах, окружающих ее. Средняя температура, среднее барометрическое давление, средняя влажность, среднее число электрических зарядов в атмосфере — все необходимые параметры должны быть строго обеспечены природой для высокоорганизованной жизни. Существенные уклонения в них ведут к патологии и в конце концов — к гибели живых организмов.

Высокоорганизованные существа могли появиться на Земле вследствие длительного постоянства космических факторов. Эта длительность исчисляется не менее чем несколькими миллиардами лет. Иначе говоря, в течение этого срока не должна была заметно изменяться световая и термическая деятельность Солнца, оставаясь примерно на одном и том же уровне интенсивности. Если самые незначительные «вспышки» на поверхности Солнца, протекающие в течение 10 — 30 секунд, приводят к грандиозным геофизическим явлениям, магнитным бурям, северным сияниям, возмущениям климата и погоды и целому ряду отрицательных биологических явлений, то продолжительное увеличение или уменьшение солнечной активности привело бы к поголовному вымиранию всего живого на планете. Ясно, что период в несколь-

ко миллиардов лет при известной изменчивости в звездных системах — условие значительное и редкое. Только светила строго определенного класса обеспечивают его.

Увеличение интенсивности коротковолнового ультрафиолетового излучения Солнца всего на несколько процентов выжгло бы все живое на Земле. Уменьшение же его способствовало бы вырождению рода человеческого в течение двух поколений, ибо привело бы к деградации костной системы живых существ. Коротковолновое излучение химически разрушает органические вещества и убивает организмы, но этому препятствует толщина атмосферы и слой озона, которые поглощают губительную для жизни радиацию Солнца и космическую радиацию. Поэтому планеты без экранов атмосферы не могут быть обитаемы. Нельзя представить себе и таких живых существ, которые могли бы выдерживать постоянную бомбардировку космического излучения с его жестким и мягким компонентами. Эта бомбардировка разрушает клеточные образования и делает невозможной длительную эволюцию живого.

Не меньшее значение имеет движение Земли по орбите вокруг Солнца. Если бы эта орбита была более вытянута и Земля с меньшей скоростью двигалась бы по ней, то планета на целые годы выходила бы из оптимальных условий, даруемых ей Солнцем, и жизнь в таких условиях не могла бы развиваться дальше некоторых простейших растительных форм. Таким образом, и гравитационно-механические особенности во Вселенной способствуют благоприятному развитию на планете высокоорганизованной жизни. Не может быть и сомнений насчет того, что и эти условия в разнообразии космоса следует считать уникальными.

Обращение Земли вокруг своей оси в течение 24 часов — также немаловажный фактор развития жизни: организмы, какие бы они ни были, нуждаются в необходимом отдыхе, который дает ночь, когда число внешних раздражителей снижается до минимума. Как видим, вращение Земли вокруг оси тоже является одним из существенных факторов развития органической жизни с высоким интеллектом.

Еще одно очень важное обстоятельство — угол наклона оси вращения планеты к плоскости орбиты. У Земли ось наклонена к плоскости орбиты на 66°. Это вызывает смену сезонов: весна — лето — осень — зима. Если бы ось вращения была перпендикулярна к плоскости орбиты, то никаких смен времен года не происхо-

дило бы. Для высокоорганизованной жизни и расцвета разума различные сезоны необходимы потому, что они еще более активизируют практическую, творческую деятельность человека, способствуя тем самым развитию его ума и в конечном итоге — всей цивилизации.

Отнюдь не отрицая возможности других цивилизаций в великом космосе, я хотел бы подчеркнуть, что для их появления необходимо одновременное обеспечение многих, различных и строго обязательных условий. К сожалению, возможность такого обеспечения весьма мало вероятна.

Я закончил чтение моей тоненькой тетрадки и посмотрел на Константина Эдуардовича.

Он сидел склоня голову. Потом покачал головой.

— Ну, что же! Ваши постулаты совпадают с моими воззрениями. Да, высокоорганизованная жизнь — событие маловероятное... Только на одной Земле... А на расстоянии десяти — двадцати световых лет даже нет ощутимых признаков жизни. Астрономия ничего не говорит о такой возможности... Человечество одиноко в мире, но не сознает своего одиночества. Мудрецы не должны обманывать себя несбыточными надеждами. Но род человеческий должен расселиться по космосу. Человек-мудрец — homo sapiens — должен преобразовать Вселенную. В этом — цель его существования, и я хочу помочь осуществить ее.

Жизнь на Земле возникла самостоятельно и не была перенесена с других планет. Вот, Александр Леонидович, доказательство того, что я за последние годы приерживаю такого мнения. Это моя рукопись 1919 года. Послушайте-ка, что я писал.

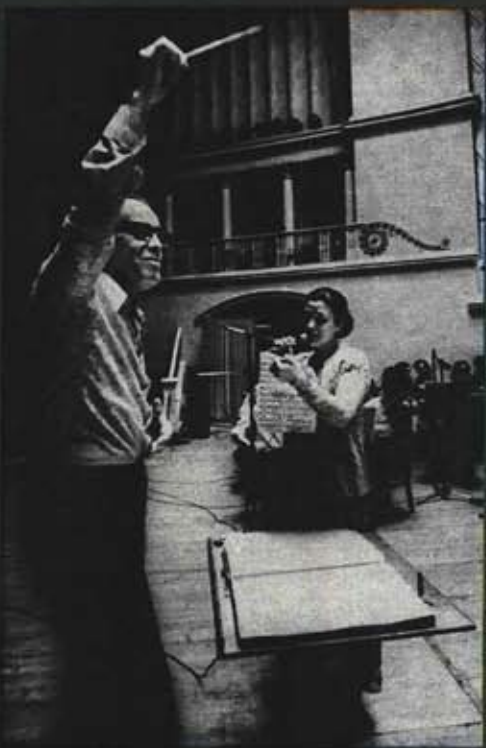
Он взял со стола свои знаменитые железные очки и прочитал следующие строки:

«Мои работы показали, что искусственно, особыми приемами, до осуществления которых еще не скоро дойдет человечество, можно отправить безопасно любое живое существо с Земли на другую планету и обратно».

Опустив рукопись на колени, он продолжал:

— Никогда жизнь, хотя бы в самой примитивной форме, не переносилась на Землю, и мы нигде не можем обнаружить ее следов и особенно следов высокоорганизованной жизни, перелетевшей на Землю, «при участии разума». Значит, жизнь не перешла к нам на Землю даже путем разума. Тем более мы должны дорожить ею и беречь ее.

Вариации образа

ВАЛЕНТИНА ТОЛКУНОВА. Фото Сергея ПЕТРУХИНА

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ.

Заметки о творчестве
молодой
эстрадной певицы
Валентины Толкуновой.

авно и, видимо, безвозвратно прошли времена, когда личность певицы не играла на эстраде большой роли. Сегодня исполнитель должен вынести на сцену не только свое профессиональное умение. Он должен открыть свой мир, как это делала Эдит Пиаф, как это делают Клавдия Шульженко или Жан Брель.

И как же благодарны мы артисту, который своим искусством вдруг открывает нам необычайное в привычном, заставляет нас, как открывшие, ощутить первоосновы любви, верности, постоянства... Поэтому так ценим мы правду, слияние личности исполнителя с тем образом, который он создает.

Мы знаем немало артистов, которые стараются выглядеть на эстраде совсем иными, нежели они есть на самом деле. Не берусь судить о причинах этого. Возможно, эти исполнители не обладают артистической смелостью, а может быть, считают, что их внутренний мир не представляет всеобщего интереса? Не знаю... Однако человек более или менее опытный мгновенно почувствует в их манере сделанность, заданность, словом, фальшь...

Эстрадная певица Валентина Толкунова поет, не пряча от зрителя свою сущность.

Года три назад Союз композиторов СССР проводил в Ленинграде выездной пленум, посвященный песне. Там-то я и услышала впервые Валентину Толкунову. Она пела «Вокализ» Ильи Катаева из телеспектакля по пьесе Михаила Анчарова «День за днем». Я давно не слышала такой чистоты и такой, я бы сказала, интеллигентности звучания... Тогда же мы договорились, что я дам ей свои песни. И в концертах «Ставропольской осени» Валентина Толкунова исполнила песни из телефильма «Семнадцать мгновений весны» примерно за год до того, как картина эта вышла на экран... Певица сумела донести до зрителя очень важную для меня ноту утешения, проникнутого чувством высочайшего человеческого достоинства...

Сегодня на эстраде популярна, условно говоря, динамичная манера поведения с подчеркнутой активностью, энергичной жестикомией. Я вовсе не против нее. Хочу лишь заметить, что любая теза рождает антитезу. Эта динамика вызывает желание увидеть и услышать нечто светлое, спокойное. Видимо, для того, чтобы воспринимать мир в единстве и целостности, нужны еще покой и тишина, необходимо дополняющие динамику и многозвучие.

Я не собираюсь утверждать, что Валентина Толкунова создала на эстраде нечто такое, чего никогда не было. Было, конечно. Но ей удалось раскрыть перед нами свою, очень искреннюю и трогательную вариацию образа современной молодой женщины. А это не так уж мало. Ведь каждый из нас тоже всего лишь вариация на тему «человек». Вопрос состоит лишь в том, насколько своеобразна и значительна эта вариация...

Успех Валентины Толкуновой, как мне кажется, схож с той популярностью, которой в 50—60-е годы пользовалась американка Дорис Дэй. В искусстве этой актрисы повседневность вдруг обернулась поэзией дома, умиротворенности. Да, нашим воображением порой овладевают блистательные, стремительные и великодушные герои. Но все это хорошо на время. А вот нежность, доверие, чистота нужны нам на всю жизнь.

В Валентине Толкуновой тоже есть поэзия несуетности и постоянства... Такие исполнители умеют заставить нас почувствовать, как прекрасно каждое мгновение, каждое, даже если оно окрашено печалью. И здесь мне хочется привести слова японского писателя Ясунари Кавабата: «Созерцание красоты пробуждает сильнейшее чувство сострадания и любви к людям, и тогда слово «друг» звучит как слово «человек»...»

Мне нравится в Валентине Толкуновой то, что она спокойно относится к своей известности, умеет слушать голос художественной совести, который порой говорит артисту: «Ты ничего не умеешь, аплодисменты и похвалы — это лишь аванс... К каждой новой работе нужно подходить словно бы впервые, с верой и искренностью ребенка...»

От Валентины Толкуновой словно исходит спокойствие, которое защищает ее от нервной торопливости. И эти внешние плавность и достоинство — следствие внутреннего душевного равновесия...

Я сторонник людей, которые не суетятся. Я убежден, что талантливый человек всегда находит признание — рано или поздно. Иногда это происходит медленнее, чем хотелось бы, но в этом случае, словно в награду, успех приходит более длительный и прочный, чем после неоправданно стремительного взлета. К сожалению, бывает и так, что умение подать себя значительно превосходит талант, отпущенный артисту природой...

Эстрадная певица Валентина Толкунова развивалась очень естественно и постепенно. В детстве пела в школьном хоре. Потом — по конкурсу — ее приняли в детский хор Центрального Дома культуры железнодорожников. Закончив среднюю школу, Валентина поступила в Институт культуры на дирижерско-хоровое отделение. А через два года ее пригласили в вокальную группу вокально-инструментального оркестра ВНО-66, которым руководил Юрий Саульский.

Поначалу ей было очень трудно. Что такое сипкопа, она знала только теоретически, слабо читала с листа. После протяжных хоровых песен джазовый ритмический рисунок представлялся ей неразрешимой загадкой. Прошло немало времени, пока она не почувствовала гармонию во всем, пока не научилась свободно петь, не думая о возможных ошибках...

ВНО-66 постоянно гастролировал. Поэтому учиться в дневном институте оказалось невозможным. И тогда Валентина Толкунова поступила на заочное отделение музыкального училища имени Гнесиных. Она до сих пор с особым благодарным чувством вспоминает «атмосферу

чуть старомодной интеллигентности, которая царил в училище».

Общее фортепиано, гармония, теория музыки, инструменталка, элементы полифонии — старательно и упорно постигала она эти сложные предметы. На выпускном экзамене Валентина Толкунова дирижировала хором, который исполнил отрывок из кантаты Георгия Свиридова «Ночь под Ивана Купала» и русскую песню в обработке Дмитрия Шостаковича «Как меня младую-младшеньку...». Оценка была отличной...

Вскоре ВНО-66 распался. И в это время композитор Илья Катаев предложил Валентине Толкуновой записать песни к телеспектаклю «День за днем». Впервые она должна была выйти к микрофону одна. И оказалось, что вся ее жизнь была лишь подготовкой к этому. Видимо, тогда-то и началась эстрадная певица Валентина Толкунова...

У нее небольшой голос. Однако очень чистый, инструментального, флейтового звучания. Обычно такие голоса бывают холодными, ее же голос отличается необыкновенной теплотой...

«Поговори со мною, мама, — поет Валентина Толкунова, — о чем-нибудь поговори...»

И это означает: о самом важном, самом наиболее. Потому что материнское сердце угадает, что нужно сказать, потому что мать всегда сумеет взять на себя твою печаль...

Мы все время меняемся и забываем множественные свои образы, затерявшиеся в прошлом. Но все они постынно живут в материнском сердце. Мать не забывает, каким ты был в пять, десять, двадцать пять лет...

«До звездной полночи до самой
Мне снова детство подари...»

Поет Толкунова, и в ее голосе звучит и благодарность матери, хранящей в своей душе то, что мы постоянно забываем и утрачиваем, и печаль — ведь мы не в состоянии возвернуть нашим матерям те мгновения жизни, которые они нам отдали...

Хочу сделать одно отступление. Некоторые критики считают, что исполнитель должен включать в свой репертуар песни самого разного характера. Безусловно, есть певцы, относительно которых такое утверждение справедливо. Но Толкунова... Я думаю, что если бы она попыталась исполнять драматические песни, у нее, возможно, что-то и получилось бы. Но только зачем это нужно? Мне кажется, что Валентине Толкуновой не следует безгранично расширять круг своих тем. Мне представляется, что перед ней стоит другая задача: более углубленного их раскрытия, потому что каждая тема, каждая проблема неисчерпаема.

Разумеется, любое амплуа может измениться. Но все же, видимо, не раньше, чем изменится сам человек.

Иногда меня спрашивают, почему я не пишу специально для Толкуновой, если мне так импонирует ее индивидуальность. Я никогда не писал и впредь не собираюсь писать на какого-либо определенного исполнителя. Я убежден, что песня должна быть авторской, а тот или иной певец должен ее исполнять, донося до зрителя все оттенки замысла композитора, обогащая при этом песню своим пониманием, своей душой, своим вдохновением...

И в этом плане Валентина Толкунова — довольно редкое явление. Она умеет передать сущность авторской мысли, оставаясь самой собой... А ведь многие современные эстрадные певцы убеждены, что получают от композитора лишь некую схему, а не готовое произведение. И поэтому вправе поступать с этой схемой как им заблагорассудится...

В камерной или симфонической

музыке такого попросту не может быть. Даже такой великий пианист, как Святослав Рихтер, не позволит себе сыграть «Аппассионату», скажем, вдвое быстрее, чем полагается. На эстраде же подобная интерпретация вполне допустима.

...Я помню, как мы работали с Толкуновой над песней «Это я была, это я...». Сначала она очень точно и чисто прочла с листа мелодию, затем пела без слов, постигая все оттенки музыкального образа. Потом просто читала стихотворный текст. И только после этого зазвучала песня...

Ведь даже прекрасная музыка с подписанными словами — это еще не песня. Прекрасные слова, зачем-то сопровождаемые музыкой, — не песня тоже. Только тогда, когда два полноценных образа — музыкальный и поэтический, — соединяются, дают новый, третий образ, рождается песня.

Валентина Толкунова как раз и умеет донести до нас этот синтезический, собственно песенный образ.

Есть такое слово — утешение. Утешить — значит, доставить человеку огорчу, облегчить его горе, тревогу, успокоить. Но иногда это понятие — утешение — связывают с обманом, причем с таким, когда от человека сознательно скрывают все противоречия мира... Думаю все же, что желание утешить возникает в нас из самого искреннего чувства «сострадания и любви к людям», чувства, по природе своей с обманом не совместного.

Но чтобы утешить кого-то, нужно остановиться, нужно отключиться от тысячи мелких забот, чтобы отдать человеку все свое внимание и на самом деле облегчить его горе, тревогу...

Когда я слушаю Валентину Толкунову, меня не покидает ощущение, что она обладает способностью вдруг изменить наш внутренний ритм, и тогда мы вдруг понимаем, как необходима нам эта мягкая женственность...

Я смотрю на лица людей, которые слушают ее, вижу, как покачивают они в такт головами, словно бы говоря: «Да, да, это на самом деле так... И мы знали все это. Это то, чему нас учили в самом раннем детстве. Просто мы почему-то перестали слышать эти слова, хотя они продолжали звучать, слова-напоминания о том, что мы должны быть бережными друг к другу, внимательными, что мы должны с величайшим уважением относиться к каждому движению души другого человека...»

Однажды Валентина Толкунова сказала мне, что ей очень нравится, как поет артист театра «Современник» Валентин Никулин. «Он не делал ни одного лишнего жеста, — вспоминала она, — и почти не двигался по сцене, когда пел. Но когда он стоял перед микрофоном, в нем было столько мудрости, понимания...»

Я не уверен, что один артист может перенять от другого что-то принципиально новое для себя. Видимо, здесь происходит нечто иное. Очевидно, поразившее исполнение пробуждает в этом артисте свое, индивидуальное, но в чем-то родственное тому певцу, который вызвал в нем восхищение.

Сегодня, когда я слушаю Валентину Толкунову, мне хочется сказать о ней почти ее же словами, сказать о ее понимании, о какой-то мудрости, которая сквозит в каждой, ее музыкальной фразе. Только мудрость это особенная, женская и терпеливая, только понимание это наделено прозорливостью ребенка, только ритм ее плавных движений одухотворен душой приветливой и доброжелательной женщины, окрашивающей наш мир ровным светом нежности и постоянства.

Сегодня мы открываем новую рубрику — «Человек среди людей»: рассказы о жизни твоих ровесников, читатель, твоих знакомых, твоих коллег, твоих соседей. Их темы подсказали журналу редакционная почта, писательские и журналистские командировки, встречи с людьми. Нам бы хотелось, читатель, чтобы эти истории не оставили тебя равнодушным, чтобы в твоих письмах в редакцию мы бы услышали не только твоё мнение о них, но и новые сюжеты, новые темы — твои собственные: о людях, которых ты знаешь...

ЖДЕМ ПИСЕМ!

рельными красками или цветными карандашами, и тоже рисовал солнце над полем, и дом с трубой, и прекрасного человечка — «точка, точка, запятая», и бог знает что еще любил он — друг и, главное, ровесник пятилетнего Тима, Тимофей Николаевича.

Сегодня был выходной день, жаркая летняя суббота, и Тиму не надо было идти в детский сад, а отцу — на завод, и отменялась манная каша, потому что отец не умел ее варить, и еще много чего отменялось, что входило в суровое понятие «будние дела». Сегодня, повторяем, был прекрасный выходной день, долгожданная суббота, и предполагался поход в зоопарк, и моро-

— Коля, — сказала она, — ты меня прости, но я ухожу от тебя.

Он не понял, засмеялся:

— Из-за того, что я пришел поздно?

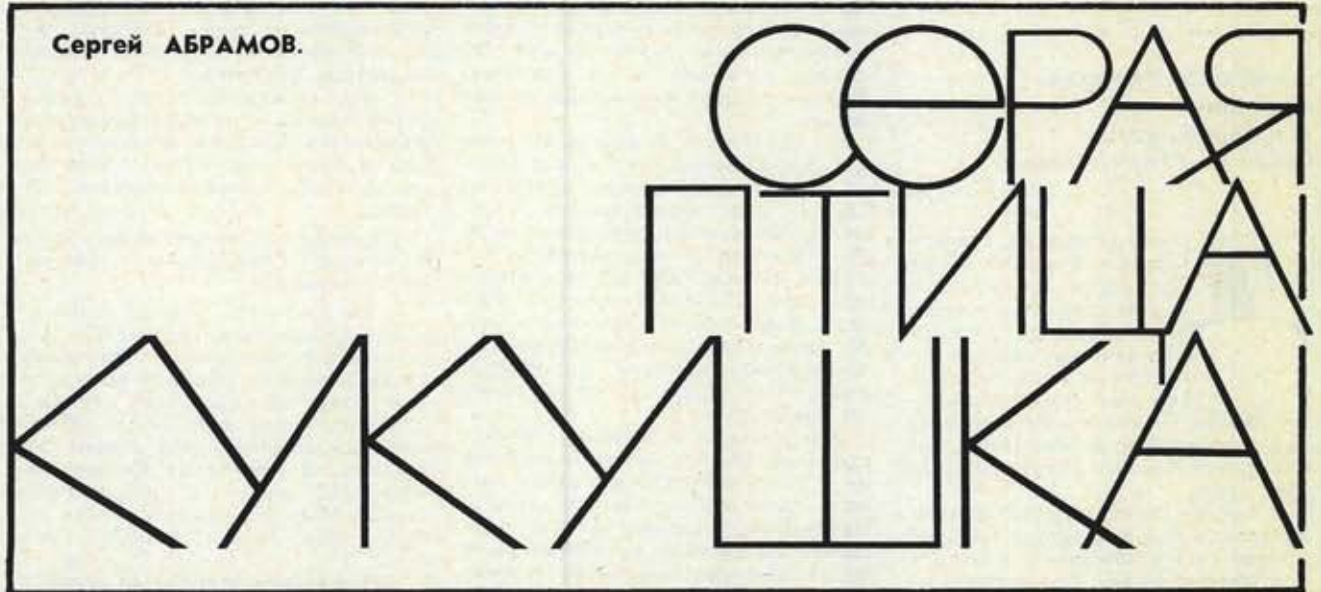
— При чем здесь это? — Она слишком быстро раздражалась, начинала повышать голос, срывалась на крик — чаще всего, но в тот вечер сдерживала себя: не хотела скандала. — Я совсем ухожу.

Он медленно, нарочито медленно стянул куртку, бросил ее на стул, медленно подошел к окну, достал сигарету, медленно размял ее. Он не знал, что сказать. Он вообще не знал, что говорить в таких случаях. Да и бессмысленно было что-либо говорить, потому что решение Оль-

бы разразиться традиционной уже тирадой о скуке, о рутине, об ограниченности, о том, о сем, о пятом, о десятом. Пунктов обвинения хватало. А когда она их исчерпывала, то просто хлопала дверью, уходила смотреть «шикарный фильм» или в очередную «компашку» — смотря по обстоятельствам.

Потом родился Тимофей, Тимка, и первые месяцы счастливый отец мотался по магазинам и детским консультациям, топтался в очередях, бежал домой, где была Оля, вполне умиротворенная своим новым положением. Ей нравилась эта игра — в дочку-матери, и она важно катала синюю коляску по Измайловскому бульвару, обсуждала с

Сергей АБРАМОВ.

им, — говорил отец, — уже утро, Тим.

Тим открывал круглый белесый глаз, моргал им часто, щурился.

— Какое утро? — спрашивал он хриплым го-

лосом. Это был специальный пиратский голос, утренний голос, голос спроста: — Какое утро? Раннее?

— Позднее, Тим. Вставальное. — Эх, грехи наши тяжкие, — вздыхал Тим, садился на простыне, свешивал ноги. — Выпусти меня, что ли...

Отец снимал с кровати деревянную решетку, смы прыгивал на пол, шлепал босыми ногами в ванную, пел песню про зеленый вагон. Так было всегда — каждое утро: одни и те же слова, один и тот же пиратский голос, одна и та же стариковская фраза «про грехи», смысл которой был темен обоим, и только песня менялась время от времени, так сказать, обновлялся репертуар, подсказанный мультфильмами. Кто установил этот утренний ритуал — уже не вспомнить, да и нужно ли вспоминать, если он, этот ритуал, нравился и отцу и сыну, и что-то менять в нем казалось им кощунством.

Когда они были вместе — после работы и детского сада, — двадцать пять лет разницы между ними становились просто цифрой, за которой — ни армии, ни техникума, ни напряженных заводских смен: всего «взрослого», груза, превращавшего отца в делового человека, почетного обладателя «имени-отчества» и боевой автобиографии на целую страницу машиннописного текста.

Когда они были вместе — а они всегда были вместе! — отец ничем не отличался от сына: он тоже любил мультфильмы, и книжку про Маугли и про оловянного солдатика, и рисовать он любил — аква-

женое в бумажном стаканчике за семь копеек, и обед в кафе — где-нибудь у Москва-реки, и не исключено — мультяшки в «Баррикадах», и так далее, и тому подобное.

— Пап, — сказал Тим за завтраком, — ты меня совсем забросил. Я у тебя беспризорный ребенок.

— Кто тебе сказал? — поинтересовался отец.

— Мало ли кто... Тетя Лида сказала.

— Слушай ее больше.

— А я не слушал. Я ее поставил на место.

Отец усмехнулся: акселерация слишком явно вмешивалась в лексикон пятилетних мальцов.

— Как это тебе удалось?

— Я ей объяснил, что ты специально работаешь в первую смену, чтобы не оставлять меня на продленку. И что каждый вечер мы вместе. А днем я играю с Витькой и Аликом и совсем даже не скучаю.

Стандартное сожаление стандартной кумушки: ах, бедный мальчик, брошенный ребенок. Отец привык не обращать внимания на подобные «ахи», привык отмахиваться от них, отвечать чем-то несущественным, шутивым, но опасался за Тима. Рано или поздно ему придется столкнуться не с абстрактным заболеванием, а с конкретными вопросами: где? как? почему? Пока Тим слишком мал, чтобы всерьез задуматься над этими «где-как-почему». Но это зыбкое «пока» может неожиданно оборваться, и что будет?

Где твоя мама? Почему она не живет с вами? Как это случилось?

Ну, последний вопрос не для Тима: ему тогда был только год, и он не помнит, не знает подробности. Да и были ли они, подробности?..

Все было предельно просто в те дни. Когда Николай пришел со смены — усталый пришел, пресс у них накануне полетел, весь день в нервозке, — она сидела в комнате, ждала его, а Тим уже спал.

ги возникло не сегодня и не вчера. Он давно понимал, что жить вместе они не будут, не умеют, не получится у них семья.

Восторженная девочка Оля, милая хохотушка, любительница повеселиться, потанцевать, ходить в гости, в ресторан — ежедневно, она так и не изменилась даже с рождением сына. Николаю нравилось ее умение привлекать людей, собирать вокруг себя веселую и шумную компанию, он любил ее бесконечные «как» и «почему» — наивные вопросы о заводе, об армии, ее упрямый характер любил и даже подчиняться ей любил, ее пустячным капризам. Вот так, любил.

Правда, удивляло его ее упорное нежелание учиться, странная нелюбовь к дому, к одному месту, к покою, наконец.

— Не делай из меня кошку, — говорила она. — Я бродячий пес, бездомный голодный пес...

Она работала секретаршей где-то на «Мосфильме» и работой своей была довольна, даже гордилась ею.

— Я весь день с людьми. Там не соскучишься.

И не скучала, варилась в этой кинокастриле, не мечтая, впрочем, превратиться в кинозвезду. У нее вполне хватало здравого смысла, чтобы не переоценивать свои актерские способности: нет их, ну и не надо, и так проживем.

А дома было, конечно, скучновато. Николай приходил усталый, ужинал наскоро, брался за чертежи, считал что-то, а она хваталась за книгу, томила в молчании полчаса, потом не выдерживала:

— Пойдем в Дом кино. Там сегодня шика-а-арный фильм.

— Неужели тебе не хватает кино за целый день?

— Представь себе, не хватает, — раздражалась она. — Ну, пойдешь?

— Мы же вчера там были. И фильм был совсем не шика-а-арный.

— Как хочешь. — Она поджимала губы, умоляла на минуту, что-

такими же юными мамами проблемы акселерации, деловито командовала мужем: что купить, что сделать, что принести.

Позже он понял, что для нее это была именно игра — незнакомая доселе, неигранная, поначалу ответственная. Но как всякая игра, она приедалась — постепенно, исподволь. И вот уже мир, принесенный Тимкой, начал потихоньку давать трещинки. Снова появились компании — старые и новые, всю работу Дом кино, крутились фильмы, а в ресторане «Арагли» играл прекрасный оркестрик, почти нереальный в своей незаметности, который создавал пасторальный фон для застольных жалоб на семейную жизнь.

Тут уж роли были заранее ясны: она мучается с ребенком целый день, так пусть хоть вечер будет ее. Что ж, пусть будет. И вечер, и суббота, и воскресенье. Пусть так: у Николая был Тимка, и он спешил к нему, и с охотой проводил с ним вечер, и субботу, и воскресенье, и не сетовал на судьбу, а радовался ей.

Тимке был почти год, когда Николай почувствовал ложь в отношениях с Ольгой. Частые и долгие отлучки получали нелепые и сбивчивые объяснения: была у подружки — у Лены или у Лиды. А завтра имена подруг оказывались другими, да и были ли они вообще — эти мифические подружки, эти палочки-выручалочки, непрочные подпорки разрушающейся семьи?

— В конце концов свет клином на тебе не сошелся! — крикнула она как-то в запальчивости.

— Я знаю, — ответил он.

И она сразу успокоилась, даже злиться перестала, усмехнулась снисходительно:

— А раз знаешь, так и не спрашивай меня, где я пропадаю.

Как говорится, все точки были расставлены по законным местам. Все, кроме последней. Последнюю она приберегла на тот день...

Он выбросил сигарету в окно, обернулся к терпеливо ждущей Ольге (ей все-таки хватило такта не торопить события):

— Что будет с Тимофеем?

Она заторопилась, зачастила скороговоркой:

— Я сейчас не смогу его забрать, пусть он побудет у тебя, да и ему так лучше, все-таки год, а потом мы устроимся и возьмем его...

Николай больно резануло это твердое «мы», и, может быть, поэтому он сказал почти грубо:

— Не торопитесь. Устраивайтесь. Тима я тебе не отдам.

Она встала, подняла чемодан, вздохнула тяжело:

— До свидания, Коля, — пошла к двери и уже на пороге не выдержала, оборвала роль «кроткой женщины», сказала зло: — А насчет «не отдам» мы еще посмотрим.

Что там было смотреть, если она даже не подошла к ребенку...

Николай взглянул на Тимку: четыре года прошло с тех пор, почти взрослый парень, самостоятельный, деловой мужичок. Вот он слез со стула, взял свою кружку с грибом-мухомором на белом боку, потопал на кухню. Николай догнал его, отобрал кружку:

— Я помою. Иди одевайся.

Тим одевался всегда сам и не разрешал ему помогать. Николай вышел из кухни, наблюдал, как сын борется с рубашкой, пыхтит, потом высовывает наконец голову из ворота, спрашивает:

— К слону пойдем?

— В первую очередь. Давай побыстрее, а то слон спать ляжет.

— Да? — Тим заинтересован. Он торопливо застегивает сандалики, хватая отца за руку: — Пошли скорее, — и интересуется по дороге: — А как он спит? А он на бок ложится? А он храпит? А он сны видит?

И Николай обтоятельно отвечает, делится своими невеликими знаниями про слонов, почерпнутыми из бремсовской «Жизни животных». Николай не считал обязательным знать все, о чем спрашивает сын. Вернее, делать вид, что знаешь все. Тем более, что интересы Тима были обширны и непредсказуемы. И тем не менее он пытался предугадать вопросы Тима, вот вчера не зря Брема у приятеля выпросил, осилил на ночь несколько статей — про слонов, про тигров, еще про кого-то. Он посмеивался: Тимка, мол, вырастет, а я энциклопедистом стану. Ну, столь важные лавры ему не грозили, конечно, но читать он стал много больше, чем прежде. Он и Тимку приучает к книге: пять лет, пора уже. Тимка берет книжку с цветными картинками, водит пальцем по строчкам, притворяется, что читает быстро-быстро. Это у него хорошо получается, потому что тексты сказок он знает почти наизусть.

Он вообще большой притвора. Притворяется, будто ему не пять лет, а побольше: скажем, шесть или семь. Воспитательница в детском саду как-то говорила Николаю, что Тим не по годам солиден — такой мудрый гном из диснеевской «Белоснежки».

— Вероятно, в мамашу пошел, — заключила она, неодобрительно оглядывая тощую, чуть сутулую фигуру Николая, а он подтверждал с готовностью:

— В нее, в кого же еще... — и усмехался про себя, вспоминая совсем уж несолидную Ольгу — непоседливую, ветреную, скорую на решения.

Тим протягивает контролеру у входа в зоопарк билеты, шествует «в спокойствии чинном» по дорожке, рассуждает:

— А Марья Петровна дала нам

картинку, а там — птичка нарисована, а она говорит: что за птичка, а никто не знает, а там написано крупно-крупно, а я прочитал и сказал, что кукушка, а Марья Петровна сказала, что я молодец, а потом про кукушку сказала, а потом про соловья и про стрижей сказала.

— Рас-сказала, — машинально поправил его отец и спохватился, осмыслив услышанное: — И что про кукушку?

— Всякое, — проговорил Тим и замолчал, не захотел объяснять.

Вот вам, пожалуйста: новейшие методы педагогики! Хотя вряд ли эта Марья Петровна сознательно вспомнила про говорливую птицу, которая подбрасывает яйца в чужие гнезда, никогда не высиживает своих птенцов. Слишком наивная аналогия, так сказать, «в лоб». Впрочем, уровень интеллекта этой замечательной воспитательницы вполне допускает такое любовое сравнение, да и Макаренко она не читала, о Сухомлинском не слышала. Но нет, нет: не дура она, образованием не вышла, верно, но детей любит и к Тимке прекрасно относится. Николай знает это и всегда благодарен ей. Случайность, нелепица — кто от нее застрахован. Однако на Тимку это нелепица явно подействовала. Ишь, даже говорить не хочет...

А Ольга последнее время что-то стала о себе слишком часто напоминать. Четыре года — как в воду канула, а тут — на тебе, возникла. Звонит, требует что-то, плачет.

Николай вспомнил, что недели две назад вышел из проходной завода после смены, пошел лужам к автобусной остановке и остановился, услышав свое имя. К обочине приткнулся красный «жигуленок». За рулем сидела Ольга.

— Привет, — сказала она. — Домой?

Можно было отвернуться, пойти дальше, забыть, забыть, но Николай никогда не был склонен к трагическим жестам.

— Привет, — ответил он. — Домой.

— Я тебя подвезу. — Она вытщила кнопку замка, открыла дверь. — Рвешь сцепление, — сказал Николай, когда они тронулись. — Чья машина?

— Мужа, — и добавила раздраженно, будто только вчера расстался: — Не учи меня жить, сама справлюсь.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Николай. — Чему я обязан твоим появлением?

Она тормознула резко у светофора, положила голову на руль — театр, театр! — сказала шепотом: — Я хочу видеть Тимофея. Очень хочу!

Что ж, Николай догадывался, что когда-нибудь это желание у нее возникнет, и — честно говоря! — даже удивился той перемене, которая произошла в ней за эти годы: прежняя Ольга, не раздумывая, приехала бы прямо на квартиру, а не караулила бывшего мужа у проходной где-то у черта на куличках. Но не верил он, не мог поверить в искренность Ольги.

— Не поздно ли? Где ты раньше была?

— Какая разница? Не могла.

— Не хотела?

— Сказано: не могла.

— Сейчас можешь?

— И сейчас не могу. У меня дочь, Коля.

— Поздравляю. Но при чем здесь Тим?

Она помолчала немного, помилась, но ответила:

— Муж не хочет...

— Уважительная причина, чтобы забыть о собственном сыне.

— Не паясничай, пожалуйста. Я

действительно хочу видеть Тима.

Он всем телом повернулся к ней, не сдержался, крикнул:

— А что я ему скажу — кто ты?

Мать? У него нет матери.

— Вот как! — Она пока ни на секунду не забывала о своей роли несчастной, обездоленной матери. — Интересно, что же ты говорил ему обо мне?

— Правду, Оля. — Николай уже успокоился, взял себя в руки, жалел о внезапной вспышке. — То, что ушла ты от него.

— От тебя.

— От него. Он знает, что у детей должны быть и отец и мать. А у него — только отец. А мать ушла. И он не помнит ее.

— Вспомнит. Он узнает меня!

— Голос крови? Вздор. Нет, Оля, если ты его действительно любишь, не приходи к нему. Тем более твой муж не хочет. А зачем Тиму мать «украдкой»?

Так и не кончился в тот вечер их разговор. То ли поняла она его, поверила, то ли нет, молчала всю дорогу, довезла до Тимкиного дачада, сидела в машине, смотрела, как Николай с Тимом шли домой. Николай немного страшился, что она выскочит из машины, бросится к сыну, но — нет, не выскочила, не бросилась: сдержалась, видно.

Она дважды потом звонила ему, «дежурила» у детского сада и все-таки не подошла к Тимофею. Боялась, что ли? А может, и вправду боялась: как он ее встретит, что скажет, признает ли? Страх пока был сильнее желания увидеть сына, обнять его, говорить с ним, пусть даже сначала она будет ему совсем чужой. А может, и не было его вовсе — этого желания?

И вот тогда она и пришла в редакцию...

Что ей было нужно от посторонних людей, лишь поверхностно — по ее рассказу — знакомых с этой историей? Помощи? Нет, она не просила помощи. Да и чем ей можно было помочь? Четыре года молчания, четыре года бездельности, четыре года равнодушия — убитого ими не воскресить. Может быть, совет? Но какой? Вернуться к Николаю и Тимофею? Но это значит разбить еще одну семью, теперешнюю... Нет, такой совет был бы нелеп и ошибочен, да и не его она хотела.

Она страстно хотела подтверждения своей правоты — своего права на сына. Ах, как ей не хватало каких-нибудь нескольких слов — да, вы совершенно правы, сын — ваш! — сказанных людьми, в силу своей писательской профессии призванных разбираться в чужих судьбах. Она не услышала от нас этих слов...

Уже потом, разыскав Николая и познакомившись с ним поближе, я спросил его:

— Четыре года она прекрасно жила без Тима, даже не вспоминала о нем. Откуда же сейчас такая настойчивость?

Он помолчал, раздумывая (он вообще взвешивал каждое слово в наших с ним беседах, не хотел говорить ничего лишнего), потом сказал уверенно:

— Упрямство: как так — мне печатать! А сама прекрасно понимает, что Тим ей не нужен. Не был нужен и не будет. Стрельнуло ей в голову: хочу видеть сына, — вот и действует, не думает ни о ком...

— Надолго ли ее хватит?

— Надеюсь, что ненадолго. Да скорей всего так и будет: ей всегда быстро надоедало. Такой уж характер...

Странный характер, чтоб не сказать — страшный характер. Жить, подчиняясь только своим прихотям, своим желаниям, порой внезапным

и необдуманным, не замечать тех, кто рядом, не помнить о них.

— Неужели и вправду, Николай, ей муж запрещал видеть Тима?

— Вряд ли. Кто ей что может запретить? Сама не хотела, а валит на него.

Можно было бы, конечно, встретиться с ней и с ее новым мужем, попытаться что-то узнать об их жизни, но зачем? Метать молнии над головой «безответственной и бездушной матери», обличать ее публично — возможно, возможно, но ведь это значило разбить судьбу ни в чем не повинной девочки, дочери Ольги, которая, конечно же, любит свою мать — такую, какая есть. И другой ей не нужно.

А как же Тим?

Как раньше, как всегда.

Вот он семенит по кирпичной дорожке парка, чмокает фруктовым мороженым, цепляет его деревянной палочкой, жмурится от наслаждения.

— Не жадничай, Тим. Маленькими кусочками ешь. Ангины захотел?

— Пап, а слон любит мороженое?

Этих сведений у Брема не было. Николай попытался поставить себя на место слона, жарящегося в открытом вольере под горячим московским солнцем, и ответил, не сомневаясь:

— Любит.

Дать слону мороженого не удалось. Во-первых, пока дошли до него, Тим опорожнил стаканчик, даже вылизал его. Во-вторых, повсюду висели таблички с надписью, запрещающей «кормить и дразнить» животных. Поэтому следующий стаканчик «фруктового» был скормлен безхозной дворняжке, которая лежала, высунув язык, и никаким запрещающим надписям не подчинялась.

Тим сидел на корточках и задумчиво смотрел на собаку. Потом погладил ее осторожно, почесал за ухом, сказал:

— Пап, возьмем ее с собой. Будем жить втроем.

Николай подумал, что в просьбе сына есть немалое зерно разумности. Тимка животных любит, часами может слушать рассказы об их повадках, да и будет в доме живое существо, о котором сын сможет заботиться.

— Давай подождем, Тим. Ты сейчас в детский садик ходишь, я — на заводе весь день. Кто же с ней гулять станет? А вот через два года ты пойдешь в школу, времени у тебя побольше будет, тогда и купим пса. Договорились?

Тимка вздохнул с сомнением.

— Договорились... — И загорелся: — Только мы большую собаку купим, чтобы она сильная была, — помолчал и добавил: — И ласковая.

Они еще долго гуляли по парку, потом попали в «Баррикады» и посмотрели сразу шесть серий про волка и зайца, потом катались на речном трамвае, Тимка свешивался за борт, а Николай держал его за джинсы, смотрел на круглый белобрый затылок сына, думал, что, наверно, не случайно он захотел именно ласковую собаку...

Вечером, вконец утоманный впечатлениями, Тимка влез в кровать без всяких напоминаний, подождал, пока отец поставит на место решетку, спросил неожиданно:

— Пап, а помнишь, я тебе сегодня про кукушку сказал?

Отец насторожился.

— Помню. А что?

— Да так... Все-таки жалко ее, правда?

Он лежал на спине, подтянув одеяло под подбородок, моргал глазами, ждал ответа.

— Ты прав, — сказал ему Николай. — Жалко.

Братья ВАЙНЕР.

РОМАН

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Груздев закашлялся, а может, засмеялся — не понять было, — отер глаза носовым платком и сказал, зло скривив рот:

— Все это было бы смешно...

— Если бы не было чистой правдой, — перебил Жеглов уверенно. — Вы принимаете решение избавиться от Ларисы, да еще заработать на этом. Угрожающей запиской, вот этой, — Жеглов достал из планшета листок, обнаруженный при осмотре, и помаhal им перед глазами Груздева, — вы заставляете ее пойти, наконец, навстречу вашим интересам... в обмене и еще кое в чем... Приходите к ней с вашим любимым вином, с шоколадом, пьете чай, беседуете и, улучив момент, стреляете... Потом, создав видимость ограбления — похищены самые ценные вещи, даже дорогое кольцо с руки! — тихо захлопываете дверь и убываете в Лосинку, где договариваетесь с Желтовской, что весь вечер были дома. Алиби!

Жеглов намертво вцепился своим тяжелым, требовательным, пронзительным взглядом в глаза Груздева, и тот, не выдержав, отвернулся, сказал глухо:

— Вся эта дурацкая басня — плод вашего воспаленного воображения. Я еще не знаю, как мне доказать... Я растерялся что-то... Но вы не думайте...

— Да вы, оказывается, упрямец... — посетовал Жеглов. — Ну, что ж, придется с вами разговаривать другим языком... протокольным, коли вы нормальных слов не понимаете. Шарпов, возьми-ка бланк постановления. Пиши...

Разгуливая по кабинету, Жеглов неторопливо продиктовал суть дела, анкетные данные Груздева, потом, остановившись около него и неотрывно

глядя ему в глаза, перешел к доказательствам. Я старательно записывал:

«...помимо изложенного, изобличается: запиской угрожающего содержания (вещественное доказательство № 1); показаниями Надежды Колесовой, сестры потерпевшей; продуктами питания (вещественное доказательство № 2); окурками папирос «Дели», обнаруженными на месте происшествия, которые курит и гр. Груздев (вещественное доказательство № 3); показаниями свидетеля Липатникова, видевшего Груздева выходящим с места происшествия в период времени, когда была убита Груздева Лариса; показаниями свидетельницы Никодимовой — квартирохозяйки Груздева, опровергающими его алиби; пулей, выстреленной из оружия типа пистолета «байрд» (вещественное доказательство № 4), каковой пистолет, по признанию подозреваемого, хранился у жены...» — Жеглов остановился, крутанул на каблук, подошел к своему столу, достал из ящика исписанный лист бумаги, протянул Груздеву:

— Ознакомьтесь, это протокол обыска у вас в Лосинке... Подпись Желтовской узнаете?

— Да-да, — выдал из себя Груздев. — Это ее рука...

— Читайте, — сказал Жеглов и незаметно для Груздева достал из того же ящика «байрд» и полил.

— Что за чертовщина? — всматриваясь в протокол, слабо сказал Груздев, у него совсем пропал голос. — Какой пистолет? Какой полил...

Жеглов, не обращая на него внимания, сказал мне:

— Пиши дальше: «И пистолетом «байрд» обнаруженным при обыске у Груздева в Лосино-островской (вещественное доказательство № 5), страховым полисом на имя Ларисы Груздевой, оформленным за день до убийства, обнаруженным там же (вещественное доказательство № 6)...» — и, повернувшись к Груздеву, держа оружие на раскрытой ладони правой руки, а полил — пальцами левой, крикнул: — Вот такой пистолет! Вот такой полил! А? Узнаете?!

Лицо Груздева помертвело, он уронил голову на грудь, и я скорее догадался, чем услышал:

— Все... Боже мой!

Жеглов сказал отрывисто и веско, словно гвозди выколтил:

— Я предупреждал... Доказательств, сами видите, на десятерых хватит! Рассказывайте!

Долгая, тягучая наступила пауза, и я с нетерпением ждал, когда нарушится эта ужасная тишина, когда Груздев заговорит, наконец, и сам объяснит, за что и как он убил Ларису. В том, что это сейчас произойдет, сомнений не было, все было ясно. Но Груздев молчал, и поэтому Жеглов поторопил его почти дружески:

— Время идет, Илья Сергеевич... Не тяни, чего там...

В кабинете по-прежнему было холодно, но Груздев расстегнул пальто, пуговицы на сорочке — воротничок душил его, на лбу выступила испарина. Острый кадык несколько раз судорожно прыгнул вверх-вниз, вверх-вниз, он даже рот раскрыл, но выговорить не мог ни слова.

Жеглов сказал задушевно:

— Я понимаю... Это трудно... Но... снимите груз с души — станет легче. Поверьте мне — я зна-аю...

— Вы — зна-а-ете... — выдохнул, наконец, Груздев с тоской и ненавистью. — Боже мой, какая чудовищная провокация! — и вдруг, повернувшись почему-то ко мне, закричал, что было силы: — Я не убива-ал! Не убива-ал я, поймите, изверги!

Я съёжился от этого крика, он давил меня, бил по ушам, хлестал по нервам, и я впал совершенно в панику, не представляя себе, что будет дальше. А Жеглов сказал спокойно:

— Ах так, провокация... Ну-ну... Хитер бобер... Пиши дальше, Шарпов: «...Принимая во внимание... изощренность... и особую тяжесть содеянного... а также... что, находясь на свободе... Груздев Илья Сергеевич... может помешать расследованию... либо скрыться... избрать мерой пресечения... способов уклонения от суда и следствия... с одержание под стражей...»

Груздев сидел, ни на кого не глядя, ко всему

Продолжение. Начало в №№ 15, 16.

безучастный, будто и не слышал слов Жеглова. Глеб взял у меня постановление, беголо прочитал его и, не присаживаясь за стол, распялся своей удивительной подписью — слитной, наклонной, с массой кружков, закорючек, изгибов, и замкнутой плавным, округлым росчерком. Помахал бумажкой в воздухе, чтобы чернила просохли, и сказал Пасюку:

— В камеру его...

На другое утро, едва мы вошли в дежурную часть, Соловьев бросил телефонную трубку на рычаг и крикнул:

— По коням, ребята! «Черная кошка» опять магазин взяла...

И пока наш старый, верный «фердинанд» катил в сторону Савеловского вокзала, я думал о том, что у Жеглова наверняка есть дар предчувствия — только вчера перед вечером он говорил со мной о «кошках». Сейчас он сидел впереди у окна, нахохлившийся, сердитый, мрачно смотрел на нас.

Тараскин спросил у Гриши:

— А почему картина называется «Безвино виноватая»?

Гриша захохотал, а Жеглов сказал сердито: — Вот если я еще раз узнаю, что ты сторубленки от жены в ствол пистолета записываешь, я тебя сделаю по вине виноватым...

— А как быть, Глеб Георгиевич? — взмолился Коля. — Ей бы, с нюхом-то ее — у нас работать! В прошлый раз в кобуре спрятал — нашла! А пистолет трогать она все-таки опасается...

Я устроился на задней скамейке и куском проволоки с усилием прикрепил подметку — ботинком вовсю «просил кашу». Проволока, к сожалению, была стальная — она пружинила, вылезала из шва и держалась неважно. Но я надеялся дотянуть хоть так до вечера, а дома уже разберусь с подметкой всерьез...

Это был, собственно говоря, не магазин, а склад мелкооптовой продбаза на Башиловке, недалеко от милицейского общежития. Старый двухэтажный кирпичный дом без окон, длинный навес для машин и подвод, небольшой грязный двор, огороженный для блеизу хлнким забором. Во дворе около забранной жестью двери, ведущей в склад, толпились люди в телогрейках поверх белых халатов, их сердито распраскивал о чем-то небольшого роста мужчина в кожаном пальто и комматовской фуражке. По тому, как почтительно ему отвечали, я сообразил, что сытый кожаный дядя и есть какое-то высокое производственное начальство. Рядом с дверью стоял участковый с безучастным, скачущим лицом — охранил место происшествия.

— Сторож где? — спросил Жеглов участкового, и тот кивнул на древнего дедка с зеленой от махорки бородой. Жеглов подзвал его, и дед, шамкая, непрерывно сморкаясь из-под руки, начал длинно и путано объяснять, что шел дождь, что он укрылся от него под навесом с фасада, что он недослышит по старости, «вот они, жулики, знать, сзду и подобрались». Ни того, как вошли в склад воры, ни как вышли, дед не слышал, по видимому, крепко спал, и покражу обнаружил, когда рассвело и он увидел вырванный вместе с петлями навесной амбарный замок.

Пасюк остался осматривать дверь и замок, остальные в сопровождении директора прошли внутрь базы. Еще на двух дверях были взломаны замки: вскрыты вино-бакалейную и мясную секции. Сначала осмотрели мясную, внутри которой от холодильных установок был декабрьский мороз.

На перевернутом лице сидел совершенно оконеченный котенок — маленький, черный, он развел красный треугольный рот и жалобно, протяжно мяукал.

Директор сказал растерянно:

— Вот он — их бандитский знак... Глупость, конечно, — ну, какой там знак — обычный маленький котик! Но оттого, что подобрали этот жалкий мяукающий комочек бандиты, все смотрели на него с удивлением, интересом, а некоторые — просто со страхом, будто был этот несчастный котенок ядовитым.

Жеглов поднял котенка за шкуру и глядя в глаза в него, будто прикидывая, нельзя ли получить от него какие-нибудь сведения. Но кот только мяукал, судорожно поводя растбыранными лапками.

— А не мог кто из сотрудников его здесь оставить?

— Что вы, товарищ начальник! — взмахнул блестящими кожаными руками директор. — Саниспекция запрещает, да и некому тут...

Жеглов сунул котенка Тараскину, Коля спрятал его за пазуху, и тот сразу затих.

— Тогда считать мы стали раины... — сказал Жеглов. — Давайте смотрите, что взяли...

Пока эксперт «гипсовал» следы во дворе, Жеглов в кабинете директора базы провел небольшое собрание.

— Значит, так, товарищи, — сказал он коротко и ясно. — О том, как вы охраняете народное добро, об этом будет отдельный разговор, и виновные ответят по всей строгости. Я тут прикинул — взяли у вас товаров тысяч на восемьдесят. По рыночным ценам, конечно. Это раз. Дальше: организуйте комиссию, чтобы снять остатки и навести учет — все ли похищенное зафиксировали и так далее. Без обид и, как говорится, без личностей хочу предупредить: не дай вам бог — кому-нибудь из матерьяльчиков — вздумать примазать чего ни то к похищенному: воры, они ведь все как есть покажут, когда возьмем мы их...

И столько было несокрушимой уверенности у Жеглова в том, что он возьмет воров, будто за угол выйдет и из соседнего дома дворника приведет, что кладовщики враз и согласно закивали, прижимая к сердцу руки: мол, дело ясное, всем понятное и как же может быть иначе?

А он продолжал свою речь: — Это, значит, два. И третье: нынче же обеспечьте охрану социалистической собственности должным образом, а то вас вчерашние гости по новой оглоушат! Все...

Я приехал в управление около шести и сразу же направился в столовую. Я уже заметил, что все последнее время испытываю неутраченное чувство голода, даже не голода, а какой-то хрониче-

ской несытости. Наверное, мой здоровый организм бунтовал против скудного городского пайка, привыкнув к доброму армейскому приварку, который к тому же разведчики ухитрялись увеличивать и разнообразить за счет «боевой подвижности и тактического маневра по тылам врага», как выражался старшина Семябаба.

Я получил свой борщ, у другой раздатчицы взял гуляш и три стакана сфуде, густой серой жидкости с фиолетовым оттенком, не слишком аппетитной на вид, и пристроился на освободившемся месте у окна, рядом с Пасюком, который, покочинив с борщом, сообщил мне последние новости. По заданию Жеглова он побывал на работе у Ларисы Груздовой, в драмтеатре, и узнал, что за день до убийства она уволилась. В костюмерной она говорила, что собирается для начала отдохнуть на юге.

— А где именно, с кем? — поинтересовался я. — Она сказала, шо у Крым поиде. А з ким — неизвестно. Кажуть ти костюмеры, шо дудже гарная була вона баба, добра та неварлива. Принесла, кажуть, на прощание торт та була дудже в добром настроении...

Я обсосал мослы, которые назывались гуляшом, подумал вслух:

— Странно... Надя ничего насчет ее увольнения и поездки на юг не говорила. Надо бы ее переспросить — не могла же она не знать о таких планах Ларисы?

— Должна була знаты, — согласился Пасюк. — Тем более, шо у тот же день Лариса сняла со сберкнижки уси своей гроши...

— Какие гроши? — удивился я. — У нее разве были деньги?

— Булы, — подтвердил Пасюк. — Жеглов по телефону разузнав, иде вони булы, в якой касси, а я поихав. Кассирша справку дала — от, бачь...

Пасюк вынул из кармана гимнастерки сложный вчетверо листок — справку сберкассы. Счет Ларисы был заведен в 39-м году, постепенно пополнился и достиг к двадцатому октября восьми тысяч пятисот рублей, которые в этот день были получены полностью.

— Сразу все деньги сняла? — удивился я. — От и кассирша сказала, шо просыла ее счет не закрывать, хоть червонец оставить. Алз Груздева отказалась...

Попробовал сфуде — это было довольно вкусно, и я с удовольствием выпил все три стакана. Пасюк дождался меня, и мы поднялись в кабинет. Пасюк устроился за столом писать рапорт о проделанной работе, а я, сытый и вполне удовлетворенный сегодняшним обедом, который был одновременно и ужином, принялся рассказывать по кабинету, размышляя о новостях, добытых Иваном. Мне казалось, что они имеют какую-то связь с происшедшими событиями, но уловить эту связь я пока не мог...

К вечеру движение и суета в коридорах управления усилились. Я уже начал ощущать внутренние ритмы своего непростого учреждения и поэтому сообразил, что готовится очередная городская операция. Жеглов в таких случаях объяснял: «Изменилась оперативная обстановка в городе». Его самого с полчаса назад вызвали к руководству, и я видел, как по длинному коридору, ведущему к кабинету начальника МУРа, потянулись начальники отделов, бригад и опергрупп.

Тараскин сидел за большим столом, писал какие-то запросы. То ли бумага была дрянная, то ли перо царапало, а скорее всего, с письменностью у Коли было не слава богу, но строки на листе расплывались, задирались буквы, помарки и кляксы росли, пока, чертыхаясь, Коля не взял новую страничку и принялся писать запрос заново.

Иван Пасюк читал учебник истории. Время от времени он, поднимая голову и раздумчиво чмокая сухими губами, говорил, ни к кому не обращаясь:

— Елки-палки, не ж надо — Столетняя война! Це ж надо — сто лет воевать! С глудзу зыхать можно...

Пасюк учился в шестом классе вечерней школы, учился безнадежно плохо, и его грозилась перевести обратно в пятый класс. По литературе учительница уже отказалась аттестовать его в первой четверти, потому что в домашнем сочинении «Почему мы любим Гринева и ненавидим Швабрину?» Пасюк написал: «Я не люблю Гринева, потому что он бестолковый барчук, и не скажу, что ненавижу Швабрину, потому как он хотя бы вместе с Пугачевым стоял против ненавистного царизма». Жеглов, узнав об этом сочинении, хохотал до слез и сказал, что Пасюка правильно выгонят из школы — если ты такой умный, то ходи в Академию наук, а не в шестой класс...

Шесть-на-девять рассказывал мне какую-то невероятную историю о том, как его безумно любила известная укротительница зверей, но ее отбил у него поляк-фоксунг, обращавшийся к дрессировщице не иначе как «наипенькнейшая паненка»... Врал Гриша безыскусно, но вдохновенно, и, глядя сейчас на его толстые очки, запотевшие от возбуждения, вздымающиеся дышлячо грудь и широкие взмахи тощих рук, я не сомневался, что фотограф и сам верит в эту небывалую любовь с укротительницей. Гриша наверняка бы еще много припомнил из их замечательного романа, но пришел ухмыляющийся Жеглов и скомандовал: — Подъем, братья! Общегородская операция...

В коммерческом ресторане «Нарва» было намерено закончить наши бесполезные вечерние странствия — попадалась все больше мелочь, шущера. Мы подошли к дверям, и швейцар с красным костистым лицом закричал сердито, так, что жилы веревками вздулись на висках: — Заняты все места! И не ломитесь, граждане! Имейте совесть и честь!

Жеглов засмеялся:

— Вот как раз у тебя и займем маленько! Открывай, мы из МУРа...

Опали жилы на висках, и засветился масляная улыбка, душой возрадовался, желто оскалился швейцар, будто папа родной забежал на огонек, стопку дернуть, о дорогом поговорить:

— Заходите, товарищи, заходите, для вас местечко мигом организуем...

Жеглов покосился на него, хмыкнул, сказал негромко:

— Дверь на замок, никого не выпускать — проверка документов. Ты, Шарпан, стой у дверей... Плотной, литой группой авалились они в зал, и

Жеглов махнул рукой оркестру, наяривавшему модную «Розамунду», и музыканты послушались его сразу, как хорошего дирижера. Еще мгновение глухо бубнил и бился о потолок ресторанный волглый шум, и в углу сильно хмельной мордач орал блаженным голосом: «О-о, Роза-мунда...»

— Граждане, прошу прощения, — сказал Жеглов. — Простая формальность — пригостите свои документы и сидите спокойно на своих местах...

Он быстро обошел столики небольшого ресторана и, внимательно прочитав документы, тщательно осматривая владельческие паспорта и удостоверения, и взгляд его был так плотен и тяжел, что даже мне со стороны казалось, будто Жеглов ошупывает лица людей. И чувствовали они себя под его взглядом, наверное, неуютно, потому что, получив назад документ, многие облегченно вздыхали и говорили «спасибо».

Я так увлекся этим зрелищем, что подошел к дверям в зал и не сразу услышал, как позади скрипнула входная дверь. Мгновению я обернулся и увидел, что костистый швейцар тихонько задвигает вновь щеколду, а дверь в дамский туалет еще приоткрыта. Я крикнул громко:

— Тараскин, на мое место! — оттолкнул швейцара и выскочил на Самотеку. Впереди меня через Садовое кольцо бежала женщина. Я рванул за ней, но у скоса тротуара зацепился левым ботинком за камень, и проклятая подошва, которая все эти дни дышала на ладан, с треском отлетела. Бежать с оторванной подметкой было очень нелегко, но я ведь все равно бежал гораздо быстрее женщины — смешно и говорить, непонятно, на что она рассчитывает!

— Гражданин, остановитесь! — крикнул я сердито, но она побежала еще быстрее, и, судя по скорости, это была совсем молодая и очень здоровая женщина.

Из музыкальной детской школы на углу выскочила целая толпа детворы с родителями. Девушка, которая и так была плохо видна в темноте, врезалась в толпу со скрипящими футлярами и папками. Но мои глаза уже привыкли к сумраку, и я разглядел ее светлую косынку и еще увидел, что она схватила за руку какого-то пацана, взяла у него нотную папку и чинно зашагала рядом. Проволякая за собой отлетающую подошву, я догнал их и схватил ее за плечо:

— Эй, мадам, вас касается! Я вам кричу!

— Мне? — подняла она белесые, подкрашенные карандашом брови. — А чего надо?

Мальчишка с футляром, обалдевший от происходящего, онемело смотрел на нас.

— Отдайте ребенку папку и следуйте за мной! — строго сказал я.

Девушка посмотрела на меня с прищуром, видимо, соображая, что отвернется не удастся и номер ее не выгорел, хрипло засмеялась и сказала: — Вот же суки, консерваторию кончить не дадут! — сунула папку в руки мальчишке и пошла вместе со мной.

Я ввел ее в вестибюль ресторана, держа за руку, и грозно придвинулся к швейцару, птившему мусю к своей тубочке у входа в туалет.

— Вы почему выпустили отсюда эту женщину?

— Так я... значит... думал... я не понял... решил, что с вами... — млея и блея старик, и лысыя хрищеватая голова его, как китайский фонарик, меняла постепенно цвета от бледно-серого до воспаленно-багрового. В это время вышел из зала Жеглов и как ни в чем не бывало сказал:

— Молодец, Шарпан, хорошо бегаешь. Маленько внимательности еще — цены тебе не будет! Ба! Да это же знакомые мне лица! — воскликнул он, широко разводя руки, словно хотел обнять с задержанной девицей, но обниматься и не подумал, а сказал жестко: — Я вижу, Маня, мои разговоры на тебя не действуют, ты все такая же попрыгунья-стрелоза. Считаю, что лето красное ты уже отпела, пора тебя за сто первый километр высылать...

Я только сейчас как следует рассмотрел Маню — хорошенькое круглое личико с круглыми же кукольными глазами, губы накрашены сердечком, и завитые желтые локоны, уложенные в модную сеточку с мушкетом. Под круглым зеленым глазом светился наливной глянцевиный фингал, переливающийся, словно елочная игрушка.

Жеглов обернулся в зал и скомандовал:

— Пасюк, Тараскин, усаживайте беспаспортных в автобус. — потом повернулся ко мне: — Вот, Володя, довелось тебе поручиться с Манькой-Облигацией — дамой, приятной во всех отношениях. Только работать не хочет, а, наоборот, ведет антиобщественный образ жизни...

— А ты меня за ноги держал, мент проклятый, чтобы про мой образ жизни на людях рассуждать?! — бешено крикнула Манька-Облигация и вырвалась матом так, что я, глядя на эти губы сердечком, сбросившие в один миг залп выражений, не всякому артиллерийскому взводуמוש послыжных, просто ахнул от неожиданности.

Жеглов рассмеялся и сказал:

— Ох, Маня, Маня, ты мне так молодого человека совсем испортишь...

Около нашего «фердинанда» Манька-Облигация поскользнулась, я подхватил ее под руку и, подсаживая в машину, наткнулся рукой на браслет, плотно охватывавший запястье. В тусклом свете внутри машины было его не разглядеть как следует, но мне показалось, что браслет по форме сделан в виде змеи.

Жеглов встал на подножку, огляделся, махнул рукой:

— Трогай, Копытин. Наш паровоз, вперед лети...

Задержанные возбужденно переговаривались, Манька глянула на них с полным пренебрежением:

— Эй, вы, фрайера битые, чего трясетесь? — захохотала и запела непристойную песню.

Копытин прислушался к словам, оторопело покачал головой и задумчиво сказал:

— Странный народ эти шлюхи — ни дома им не надо, ни семьи, ни покоя, ни достатка, а надобен им один срам!

Я пересел к Жеглову на переднее сиденье и негромко сказал:

— Мне кажется, что на руке у Маньки браслет в виде змеи.

— Да? — заинтересовался Жеглов и нагнулся к девице: — Маня, а ты скажешь мне по старой дружбе, с кем это ты так красиво отдыхала?

— А тебе что? Неужто меня ревнуешь? Так ты только скажи, я тебе все время буду верная. Ты парень хоть куда! Губы у тебя толстые, а зад поджарый, значит, в любви ты горячий...

— Про нас с тобой мы еще поговорим, а покамест ты мне про кавалера скажи. Может, я его знаю?

— Ты-то, может, и знаешь, а я вот имени-отчества его спросить не успела... — засмеялась Манька.

— А чего же ты побежала тогда?

— Так я только выходить из уборной стала, как и вы в дверь насунили. Ну, думаю, пусть пройдут — мне с тобой лишней раз здороваться мало радости. А вы, оказывается, поголовный шмон затеяли...

— А чего же ты со мной поздравляешь не хотела? — и добро, почти ласково взяв ее за руку, погладил по рукаву Жеглов и, словно забыв, оставил ее ладонь в своей руке, только чуток, совсем еле-еле потянул на себя, и вылезло из рукава запястье.

Даже здесь, в полумраке, я отчетливо разглядел червленую желтую ящерку с мерцающим зеленым глазом.

— Больно надо! Ты же обещал меня еще в прошлый раз утешить? — удивилась Манька очевидной глупости жегловского вопроса.

Жеглов отпустил ее руку и встал.

— Да, Маня, это ты, пожалуй, права. На сей раз я тебя точно утешу...

Толпой ввалились в дежурную часть, и Манька привычно направилась вслед за остальными задержанными к барьеру, но Жеглов остановил ее: — Маня, с тобой у нас разговор особый, идем пошепчемся, — а дежурному крикнул: — Соловьев, проверишь этих пятерых, если в порядке — пусть гуляют.

Махнул рукой мне — давай за мной, вместе с Манькой мы поднялись на притихший и опустевший второй этаж, пришли в кабинет, не спеша расселись, и Жеглов сказал невзначай, будто случайно на глаза попалось:

— Красивый, Маня, у тебя браслетик...

— Еще бы! Вещь старинная, цены немалой!

— Сколькo платила?

Манька подумала немного, глянула Жеглову в лицо своими кукольными нежными глазами:

— Непокупная вещь-то. Наследство это мое. Память мамочкина...

— Ну-у? — удивился Жеглов. — Маня, ты же в прошлый раз говорила, что матери своей и не помнишь?

Манька сморгнула начерченными длинными ресницами, а глаза остались неподвижными, пустыми, без выражения.

— И чего из этого? Не отказываюсь! Память мамочкина папа мне передал, погибшии на фронте, и сказал, уезжая на войну: «Береги, доченька, единственная память по маме нашей дорогой». И сам тоже погиб, и осталась я сироткой — одна-единственная, как перст, на всем белом свете. И ни от кого мне помощи или поддержки, а только вы стараетесь меня побольше обидеть, совсем жуткой сделать жизнь мою, и без того задрипанную...

Жеглов поморщился:

— Маня, не жми из меня слезу! Про маму твою ничего не скажу — не знаю, а папашку твоего германского видеть доводилось. На фронте он, правда, не воевал, а шиффер был знаменитый, сейфы громил, как косточки из компота.

— Выдумываете вы на нашу семью, — горько сказала Манька. — Грех это, дурулом ты хлебавный... — и снова круто заматерилась.

— Ну, ладно, — сказал Жеглов. — Надоело мне с тобой препариться. Плохи твои дела, девочка.

И Маня спокойно, безо всякой сердитости сказала:

— Это почему еще? — и бросила в рот кусок сахара, отвернувшись слегка, словно стеснялась своей любви к сладкому.

— Браслетик твой, вещушку дорогую, старинную, — третьего дня с убитой женщиной сняли.

Манька не ответила, мы поговорили с Глебом о каких-то пунктах, потом он встал, потянулся и сказал Маньке:

— Ну, подруга, собирайся, переночуешь до утра в КПЗ, а завтра мы тебя передадим в прокуратуру...

— Это зачем еще? — спросила она, перестав на мгновение сосать сахар.

— Маня, ты ведь в наших делах человек грамотный. Подрастательные дела — об убийствах — расследует прокуратура.

— По-твоему, выходит, что за чей-то барахло-вый браслет — мне подрастательную статью, — сообщила Маня.

— А что же тебе за него — талоны на усиленное питание? Угрохали вы человека, теперь пыхтеть всерьез за это придется.

Не бери на поинт, мусор, — неуверенно сказала Маня.

— Маня, что за ужасные у тебя выражения? — пожал плечами Жеглов. — Я ведь тебе сказал, что это вообще нас не касается. Ты все это в прокуратуре говори, нам — до фонаря...

— Как до фонаря? — возмутилась Маня. — Ты меня что — первый день знаешь? Ты-то знаешь, что я сроду ни с какими монрушинами дела не имела...

— Знаю, — кивнул Жеглов. — Было. Но время идет — все меняется. А кроме того, я ведь оперативник, а не твой адвокат. Кто тебя знает, может, на самом деле убила ты женщину, а браслетик ее — на руку.

— Да это мне Котья Кирпич позавчера подарил! — закричала Манька. — Что мне, у него ордер из ювелирторга спрашивать?

— Перестань, Маня, это не разговор. Ну, допустим, мог бы я за тебя заступиться. И что я скажу? Маньке-Облигации, по ее словам, уголовник Котья Кирпич подарил браслет? Ну, кто это слушать станет? Сама подумай — пустая болтовня...

— А что же мне делать? — спросила Манька, тараща круглые bestоловые глаза.

— Ха! Что делать! Надо вспомнить, что ты не Манька, а Мария Афанасьевна Кольванова, что ты человек и что ты гражданка, а не черт знает что, и сестра вот за этот стол, и внятно написать, как, когда, при каких обстоятельствах карманник вор-рецидивист Константин Сапрыкин подарил тебе этот браслет...

— Да-а, написать, — протянула она. — Он меня

потом за это письмо будет бить до потери пульса!

— Ты напиши, а я уж обеспечу, чтобы пулль твой он оставил в покое.

Константина Сапрыкина по кличке Кирпич доставить ночью в МУР не удалось — у себя дома он не был две недели, и Пасюк с Тараскиным, обехав нескольких дам, у которых он мог, по их предположению, ночевать, вернулись ни с чем.

— Глупостями мы с тобой занимаемся! Ерунда и пустая трата времени!..

— Почему?

— Потому что нам надо искать доказательства вины Груздева, а не с этими ничтожествами возиться!

— Но ведь браслет...

— Что браслет? Пойми, тебе это трудно пока усвоить. «Щипач», карманник — это самая высокая уголовная квалификация, она оттачивается годами, и поэтому никогда в жизни ни один из них близко к мокрому делу не подойдет. Они с собой на дело даже бритву безопасную не берут, а пользуются отточенной монетой! Поэтому заранее можно сказать: Кирпич никакого отношения к убийству Ларисы Груздевой не имеет...

— А браслет как к нему попал?

— Но откуда тебе известно, что браслет попал до убийства? Она могла его потерять, продать, подарить, выменять на сливочное масло, его могли у нее украсть — может быть, тот же Кирпич!

— Тогда мы должны постараться найти его — Кирпича, значит!

— Но для удовлетворения твоего любопытства нам придется потратить черт знает сколько времени. Кабы это было так просто, мы бы их давно уже всех переловили!

Я помолчал, подумал, потом сказал медленно:

— Знаешь, Глеб, тебе пока от меня толку все равно на грош — если ты не возражаешь, я сам попробую найти Кирпича...

Жеглов разозлился:

— Слушай, Шаравов, вот чего я не люблю, просто терпеть не могу в людях, так это упрямство. Упрямство — первый признак тупости! А человек на нашей работе должен быть гибок, он должен уметь применяться к обстоятельствам, событиям, людям! Ведь мы же не гайки на станке точим, а с людьми работаем, а упрямство в работе с людьми — последнее дело...

— Это не упрямство, — сказал я, стараясь изо всех сил не показывать, что обиделся. — Но ты вот сам говоришь, что мы с людьми работаем, и я считаю, что нельзя человека лишать последнего шанса...

— Это какого же человека мы лишаем последнего шанса?

— Груздева.

— А ты что, не веришь, что это он убил жену? — удивился Жеглов.

— Не знаю я, как ответить, вроде бы он, кроме него, никому. Но этот браслетик — его шанс на справедливость.

— Как прикажешь понимать тебя?

— А так — если он убил жену и унес из дома все ценности, то он не побегит на другое утро продавать браслет. Лично мне этот Груздев неприятный человек, но он же не уголовник, чтобы назавтра пропить и прогулять награбленное. Тут что-то не клеится у нас, поэтому я и хочу разыскать этого карманника и узнать, как попал к нему браслет.

— Я бы мог привести сто возражений на твои слова но допустим, что ты прав. И вот ты нашел Кирпича — дальше что?

— Допрошу его, откуда взял браслет.

— И если он тебе скажет, то прекрасно. А если он облоклотится на тебя? И пошел подальше? Что дальше?

— Дальше? — задумался я. Дальше действительно ничего не получалось, но, как говорится, печенкой я ощущал, что и после этого туника должен существовать какой-то следующий ход, приближающий меня к правде, но догадаться сам я не мог, потому что знание этого хода зависело не от моей сообразительности или находчивости, а определялось точными законами игры, мне еще неизвестными и называемыми оперативным мастерством.

И еще я понимал, что Жеглов должен знать такой ход, я был просто уверен в этом. Но Жеглов не считал его целесообразным, делать не хотел, и мне оставалось поблагодарить его за то, что он не запрещал мне самому подумать над ним.

Так мы и разлехались по своим делам, недолгие друг другом, и на прощание я лишь спросил:

— Глеб, а кто занимается в МУРе карманниками?

Жеглов засмеялся:

— О, это могучая фигура — майор Мурашко. Зайди к нему, посоветуйся, может, что дельное тебе скажет...

Майор Кондрат Филимонович Мурашко выслушал меня с сочувствием и пониманием. Но конкретной помощи обеспечить не мог.

— А у вас есть хотя бы фотография Кирпича? — без особой надежды спросил я.

— Конечно. Это Константин Сапрыкин, двадцатого года рождения, трижды судим, пять месяцев назад за паразитический образ жизни и отсутствие определенных занятий выслан из Москвы за сто первый километр, но, по имеющимся у меня данным, он регулярно обитает в городе...

— Кондрат Филимонович, а почему у него такое прозвище?

Майор Мурашко пожал плечами:

— Трудно сказать. Может быть, потому что у него голова такая, прямоугольная? Длинная, брусковая. — Он перелистал толстый альбом, потом на несколько страниц вернулся назад. — Вот он, полюбуйтесь на красавца...

По фотографии было не видеть, что у Сапрыкина голова бруском, просто длинное лошадиное лицо с тяжелой челюстью, маленькими глазами, полностью смазанными с лица тяжелыми скулами и нависающими бровями. Курносый нос с распяленными ноздрями...

Напоследок Мурашко пообещал:

— Я своим ребятам скажу. Коли попадется кому Кирпич — к вам доставим...

Когда я вернулся в отдел, Жеглов встретил меня весело:

— Ну, как успехи, сыскал орен?

— Да успехов пока никаких. Я с Мурашко разговаривал...

— И что тебе рассказал наш Акакий Акакиевич? — засмеялся Жеглов, и, видимо, ему самому понравилась эта шутка, потому что он повторил: — Майор милиции Акакий Акакиевич...

А мне шутка не понравилась, и я сказал, глядя в сторону:

— Мне он не показался Акакием Акакиевичем. Он человек порядочный. И за дело болеет. По-моему, он хороший человек...

И совершенно неожиданно вдруг подал голос Пасюк:

— Я с Акакием Акакиевичем не спознался, но Мурашко свое дело добре робит. Я знаю, шо его «щипачи» як биса болят, хоть он и есть такой человек маленький. Это ты, Глеб Георгиевич, с него зря смеешься...

— Так если он так замечательно робит, что же ты к нему не пойдешь в бригаду? — спросил Жеглов, поглядев на Пасюка искоса.

— Бо у мене пальцы товые! — протянул к нам свою огромную ладонь Пасюк. — Мне шо самому в «щипачи», шо ловить их — невозможно, бо я ловкости не маю.

Мы с Жегловым расхохотались.

— А у тебя какие пальцы? — спросил Жеглов.

— «Щипать» не смогу, а вот насчет поймать — есть идея, — сказал я, улыбаясь.

— Давай обсудим, — кивнул Жеглов.

— Я Сапрыкина хорошо запомнил по фотоснимку. Мне надо поехать по «его» маршрутам и постараться поймать за руку во время карманной кражи, тогда нам легче будет его разговорить по части браслета Груздевой...

Жеглов задумчиво смотрел на меня, лицо его было спокойное и строго, и ничего я не мог по нему определить, нравится ли ему мой план, или считает он его полнейшей ерундой и глупишкой, или, может быть, планчик ничего, его надо только додумать до конца. Ничего нельзя было прочитать на лице Жеглова во время бесконечной паузы, к концу которой я уже начал ерзать на стуле, пока вдруг не перехватил взгляд подмигивающего мне одобрительно Пасюка, и понял я этот взгляд так, что надо сильнее напирать на Жеглова. Но Жеглов сам разверз уста и сказал коротко, негромко, четко:

— Молодец, догадался...

И не только уж какая великая была эта догадка, но решала она никаких серьезных проблем, да и неизвестно, как еще удастся ее реализовать, но я вдруг испытал чувство большой победы, ощущение своей нужности в этом сложном деле и полезности в свершении громадной церемонии правосудия, и это чувство затопило меня полностью.

Жеглов, будто угадав, о чем я думаю, сказал:

— Завтрашний день я выделяю тебе — покатаемся на гортранспорте вместе. Глядишь, чем-нибудь смогу и пригодиться...

И я совершенно искренне, от всей души ответил:

— Спасибо тебе, Глеб. Я просто уверен, что с тобой мы его поймаем!

Жеглов встал, церемонно поклонился:

— Благодарю за доверие. Значит, считаешь, что и я чего-то умею.

Может быть, показалось это мне, а может, было и на самом деле, но послышалась мне в голосе Жеглова досада. Или раздражение...

Мы проезжали на троллейбусе одну остановку, внимательно глядясь в пассажирах, на следующей сходили и пересаживались в очередную машину. Первый час это занятие было мне даже любопытно, во втором я почувствовал, что стал уставать, через три у меня уже все гудело в голове от шума троллейбусов, толкотни пассажиров, запаха горелой резины и завывающего гула мотора, треска переключаемого педаля реостата, беспрерывного мелькания тысяч лиц, в которые надо было внимательно вглядываться — в каждое в отдельности. И четвертый час и пятый крутили мы километры по Москве, скользили за окнами улицы, отчаянно фанфарши легковушки, стало смеркаться, наступал неспешный осенний вечер, снова заморосил дождь, а конца и краю в этой бесконечной езде в никуда не было видно.

В половине седьмого мы вошли в троллейбус «10» на Смоленской площади, и я сильно толкнул в бок Жеглова: в проходе стоял высокий, крепкий парень с незаметным лицом и лошадиной челюстью. Он держался рукой за поручень и дремал, сжимаемый со всех сторон пассажирами.

— Гражданин, передайте за проезд, — громко сказал Жеглов, протягивая мне монету, и беззвучно шепнул: — Дурило, ты меня от счастья чуть из троллейбуса не выкинул. Пробирайся вперед и встань к нему спиной в трех шагах...

— А как же...

— Никак! Выполняй!..

Я стал продираться через плотно забитый проход и когда обогнул в толкучке Сапрыкина, то понял, кого он «пасет»: рядом стояла полная, хорошо одетая женщина с большой кожаной сумкой. Булькала, глухо гомонила, перекачиваясь в троллейбусном чреве, людская каша, пассажиры сопели, толкались, передавали по цепочке деньги и возвращали назад билеты со сдачей, яростно вспыхнул и так же мгновенно погас скандал из-за чьей-то отдаленной ноги, от кого-то нестерпимо разило чесноком, жаркое слитное дыхание полустотни людей оседало густой пузырчатой испариной на стеклах, загорался неяркий салонный свет, человек в пенсе и с портфелем, удобно облокотившись на мою спину, читал «Вечерку», кондукторша монотонно выкрикивала:

— Следующая остановка — Новинский... следующая — площадь Восстания... следующая — Спиридоньевский переулок...

Я помнил от любопытства, мне не терпелось узнать, что там происходит, сзади, за моей спиной. Но я уже усвоил понятие оперативной целесообразности, и коли Жеглов поставил меня впереди Кирпича и спиной к нему, значит, так надо, и моя святая обязанность — неуклонно выполнять распоряжение.

Непонятно было, чего ждет Кирпич, но то, что он стоял на месте, рядом с женщиной в коричневом пальто, убеждало меня в правильности догадки.

— Следующая — Маяковская... следующая — Лихов переулочек...

И тут неожиданно раздался голос Жеглова, тонкий, звенящий от напряжения:

— Ну-ка, стой! Стой, я тебе говорю! Гражданин, взгляните на свою сумку!

Я мгновенно развернулся и принял вырывающегося из цепких жегловских рук Кирпича, тряхнул его за плечи и заорал, будто мы в казаки-разбойники играли:

— Не дергайся, ты взят!

И Кирпич сразу послушался меня, перестал рваться и сказал громко, удивленно и растерянно:

— Гражданин! Товарищи! Помогите!.. Посмотрите, что эти два бандита среди бела дня с человеком вытворяют!..

На мгновение в троллейбусе воцарилась глухая тишина, только бубнили с гудом и шелестом о мотовую колесца, а в следующий миг тишина эта раскололась невероятным гамом и криками. Пассажиры впереди и сзади вообще ничего не видели и, карабкаясь по спинам остальных, гомонили безостановочно:

— Что там?.. Кто?.. Вора поймали!.. Где?.. Грабят двое!.. Кого?.. И женщина с ними вон какая приличная с виду!.. Да нет, это вор вон тот, лохматый!.. Держите!.. Пусть остановят машину!.. Кто свидетели?.. Ножом пырнули!..

А Кирпич набирал высоту, заорал гугниво и протянул:

— Посмотрите, товарищи, как фронтовнику руки крутят! Когда я кровь проливал под Берлином, где вы, гады тыловые, отсиживались? Держите их: они преступники!..

Я видел, как он в сердцах бросил монету на пол, она ударилась о мою ногу и исчезла где-то внизу, на деревянном реечном полу машины.

Тут очнувшись наконец от оцепенения женщина. Она подняла над головой свою тяжелую сумку и пронзительно кричала:

— Смотрите, порезал, а потом кошелек со всеми карточками вынул! Тут у меня на всю семью карточки были! Да что же это?..

Пассажиры как по команде уплотнились, раздался маленький круг вокруг потерпевшей, она огляделась, и вдруг какой-то мальчишка крикнул:

— Тетя, вон кошелек на полу валяется!..

Кошелек, который Кирпич даже не успел растегнуть, но зато управился «сбросить», валялся на полу. От досады Жеглов закусил губу — все дело срывалось, и закричал он громко и властно:

— Тихо, товарищи! Мы, работники МУРа, задержали на ваших глазах рецидивиста-карманника. Прошу расступиться и дать нам вывести его из троллейбуса. Свидетелей и потерпевшую гражданку просим пройти в 17-е отделение милиции — это тут рядом, в Колобовском переулке!..

Повернулся к Кирпичу и сквозь зубы сказал:

— Подними кошелек, Сапрыкин. Подними, или ты пожалеешь по-настоящему!

Кирпич засмеялся мне прямо в лицо, подмигнул и тихо сказал:

— Приятель-то у тебя — дурачок! Чтобы я сам себе с пола срок поднал! — и снова блажно загоготал. — Товарищи, вы на их провокации не поддавайтесь!.. Они вам говорят, что я вытащил кошелек, а ведь сама гражданочка в это не верит!.. Не видел же этого никто!.. Им самое главное — галочку в плане поставить, человека в тюрьму посадить!.. Да и чем мне было сумку резать — хоть обшлите меня, ничего у меня нет такого, врут они все!..

И только сейчас мне пришло в голову, что монета, которую бросил на пол Кирпич, — это «писка», пятак, заостренный с одной стороны как бритва. Положение вдобавок осложнялось тем, что никто из пассажиров действительно не видел, да и не мог видеть, как вор вспорол сумку, — на то он и настоящий «щипач».

Я стал осторожно оглядываться на полу вокруг себя в поисках монеты, попросил соседней, мальчишка ползал по проходу и под сиденьями — «писки» нигде не было. И когда, наконец, мы вывалились из троллейбуса на Лиховом переулке, то сопровождала нас только оборванная женщина. Жеглов нес в руке кошелек-ридикюль, а я держал Кирпича за рукав. Вор, не скрывая радости, издевался:

— Нет, нет, начальники, не выгорит это делишко у вас, никак не выгорит. Вы для суда никакие не свидетели, баба хитрежка подняла, уже когда вы меня пригребли, кошелек у вас на лапе, «писку» в жизни вы у меня не найдете, так что делишко ваше табак. Вам еще начальство холку намылит за такую топорную работу. Нет, не придумали вы еще методов против Коти Сапрыкина!..

Жеглов мрачно молчал всю дорогу и, когда уже показало отделение милиции, сказал ему тусклым, невыразительным голосом:

— Есть против тебя, Кирпич, методы. Есть, ты зря волнуешься!..

У набухшей от сырости, тяжелой двери отделения Жеглов остановился, пропустил вперед Сапрыкина:

Открывай, у них слуг нет!..

Сапрыкин дернул дверь, она не поддавалась, тогда он уцепился за нее обеими руками и с усилием потянул на себя.

В этот момент Жеглов бросился на него.

Пока обе руки Сапрыкина были заняты, Жеглов перехватил его поперек корпуса и одним махом засунул ему за пазуху ридикюль и, держа его в объятиях как сыроматной ушивкой, крикнул сдавленно:

— Шарапов, двери!..

Я мгновенно распахнул дверь, и Жеглов потащил бешено бьющегося у него в руках, визжащего и воющего Сапрыкина по коридору — прямо в дежурную часть. Оттуда уже бежали навстречу милиционеры, а Жеглов кричал им:

— Пока я держу его, доставьте сюда понятых! Митом! У него краденый ридикюль за пазухой! Быстрее!..

Четверо посторонних людей, не считая дежурных милиционеров, видели, как у Кирпича достали из-за пазухи ридикюль, и, конечно, никто не поверил его диким воплям о том, что мильтон проклятый, опер, сволочуга засунул ему кошелек под пальто перед самыми дверями милиции. Онемевшая от всего случившегося женщина-потерпевшая ничего вразумительного выговорить не сумела, только подтвердила, что кошелек действительно ее.

— Значитца, срок ты уже имеешь, — заверил

Кирпича улыбающийся Жеглов. — А ты еще, простофиля, посмеялся надо мной. Знаешь поговорочку: не буди лихо, пока оно тихо.

— Гуляй, веселись, начальник, твоя взяла! Папу надо мной, может, моя очередь придет!

— Никогда! — расхохотался Жеглов. — Никогда твоя очередь не придет, потому что моя всегда против вашей будет! А пока я не перешел к следующему номеру программы, скажи: ты веришь, что я тебе его мигом организую?

— Поглядим, с тебя станется!..

— Правильно понимаешь. Поэтому предлагаю тебе серьезный разговор: или ты прешь по-прежнему, как бык на ворота, и тогда майор Мурашко с тобой разберется до отказа!..

— Кондрат Филимоныч таких паскудных штук сроду не проделывал, — сказал Кирпич.

— Это точно. Поэтому он шантрапу, вроде тебя, ловит, а я — убийц и бандитов. Но дело свое он знает и полный срок тебе наматает, особенно когда ты сидишь с полицияком в этой камере. Усвоил?

— Допустим.

— Тут и допускать нечего — все понятно. А есть второй вариант!..

— Это какой же вариант? — опасливо спросил Сапрыкин, ожидая от Жеглова в любой момент подвоха.

— Ты мне рассказываешь про одну вещичку — как, когда, при каких обстоятельствах и где она попала к тебе, и я сам, без Мурашко, оформляю твое дело, получаешь за свою кражонку два года и лежишь в «дом родной» белым лебедем. Понял?

— Понял. А про какую вещичку? — недоверчиво вперился в него Сапрыкин.

— Вот про эту, — достал Жеглов из кармана золотой браслет в виде ящерицы.

Сапрыкин посмотрел, поднял взгляд на Жеглова, покачал головой.

— Ну, скажу я. А откуда мне знать, что ты меня снова не нажаришь?

— Ну, слушай, ты меня просто обижает! — развел руками Жеглов. — Я никогда не вру. А что касается кошелька, то, во-первых, мы-то с тобой знаем, что это ты его увел, а я просто обошел некоторые лишние процессуальные формальности. Ты из-за этого мне должен доверять еще больше!..

— Ну, значит, так — браслет этот чистый.

— А ты его где взял?

— Да тут... несколько дней назад у Верки Модистки банчишко метнули. Вот я его у Фокса и выиграл!..

— А что — у Фокса денег, что ли, не было? — спросил Жеглов невозмутимо, и я обрадовался: по тону Жеглова было ясно, что Фокса этого самого он хорошо знает.

— Да что ты — у него денег всегда полон карман! Он зажиточный!..

— Зачем же на браслет играл?

— Не знаю, как у вас, в уголовке, а у нас, «в законе», за лишние вопросы дык могут отрывать!..

— А сам как думаешь?

— Чего там думать — «зажуквали» где-то браслет, — пожал плечами Сапрыкин, и его длинное лицо с махонькими щелками-глазками было неподвижно, как кусок сырой глины.

— Ну, а тебе-то для чего ворованный браслет?

Сапрыкин пошевелил тяжелыми губами, дрогнул мохнатой бровью:

— Так, между прочим, я его не купил — выиграл. И тоже не собирался держать. Думал толкнуть, да не пофартило, я его и подарил Маньке. А что она, загремела?

Жеглов пропустил его вопрос мимо ушей, спросил невзначай:

— Фокс у Верки по-прежнему ошивается?

— Не знаю, не думаю. Чего ему там делать! Сдал товар и отвалил!

— Ну уж! Верка разве и сейчас берет? — удивился Жеглов. Я взглянул на него и ощутил тонкий холодок под ложечкой — по лихорадочному блеску его глаз, дружинистой стянутости догадался, наконец, что Жеглов понятия не имеет ни о какой Верке, ни о каком Фоксе и бредет сейчас впотьмах, на ощупь, тихонько выставляя вперед ладошки своих осторожных вопросов.

— А чего ей не брать? Не от себя же она — для марвихеров старается, за долю малую. Ей ведь двух пацанят кормит чем-то надо!..

— Так-то оно так, — облегченно вздохнул Жеглов. — Скупишки краденого подкинут ей на жизнь, она и довольна — процент за хранение ей полагается. Да бог с ней, несчастная она баба!

И я от души удивился, как искренне, горько, сердобольно пожалел Жеглов неведомую ему содержательницу хазы.

— Скажи-ка, Сапрыкин, ты как думаешь — Фокс «в законе» или он приоблатенный? — спросил Жеглов так, будто после десяти встреч с Фоксом вопрос этот для себя решить не смог и вот теперь надумал посоветоваться с таким опытным человеком, как Кирпич.

— Даже не знаю, как тебе сказать — по замашкам он вроде фрайера, но он не фрайер — это я точно знаю. Ему человека подкололо, как тебе высморгаться. Нет, он у нас в авторитете, — покачал длинной квадратной головой Сапрыкин.

Без четверти девять Жеглов, стремительно выколотив из Кирпича адрес Верки-Модистки, отправил его с конвоєм и велел опергруппе загрузиться в «фердинанда».

— Поедем в Марьину Рощу, к Верке-Модистке, — сказал он коротко, и никому в голову даже не пришло возразить, что время позднее, что сегодня суббота, что все устали за неделю, как ломовые лошади, что всем хочется поест и вытянуться на постели в блаженном бесчувствии часиков на восемь-девять. Или хотя бы на семь.

Все расселись по своим привычным местам на скользких, холодных скамейках автобуса, Жеглов с подножки осмотрел группу, как всегда, проверяя, все ли в сборе, махнул рукой Копытину, тот щелкнул своим никелированным рычагом-костылем, и «фердинанд» с громом и скрежетом покатился.

Жеглов сел рядом со мной на скамейку, и было непонятно, дремлет он или о чем-то своим раздумывает.

Шесть-на-девять устроился с Пасюком и рассказывал ему, что точно знает: изобретатели открыли прибор, который выглядит вроде обычного радиоприемника, но в него вмонтирован экран — ма-а-ленький, вроде блюдца, — и на этом экране

можно увидеть передаваемое из «Урана» кино. Или концерт идет в Колонном зале, а на блюде все видно. И даже, может быть, слышно.

Пасюк мотал от удовольствия головой, приговаривал:

— От бисова дятна! Ну и брешет! Як не слово — брехня! Ой, Хгрышка!..

И снова повторил с восторгом:

— Ой, брехун, Хгрышка! Колы чемпионат такой зробиет, так будешь ты брехун на всинький свит! Шесть-на-девять кипятился, доказывая ему, что все рассказанное — правда, а он сам — Пасюк то есть — невежественный человек, неспособный понять технический прогресс.

Жеглов спросил меня, медленно, как будто между прочим:

— Ты чего молчишь? Устал? Или чем недоволен? Я поераал, ответил уклончиво:

— Да как тебе сказать, сам не знаю!..

— А ты спроси себя и узнаешь!

Я помолчал мгновение, собрался с духом и тяжело, будто языком камня ворочал, сказал:

— Недоволен я... Не к лицу нам... Как ты с Кирпичом!..

— Что-о? — безмерно удивился Жеглов. — Что ты сказал?

Я сказал... — окрепшим голосом произнес я, перешагнув первую, самую невыносимую ступень «выдачи» неприятной правды в глаза. — Я сказал, что мы, работники МУРа, не можем действовать шельмовскими методами!

Жеглов так удивился, что даже не осерчал. Он озадаченно спросил:

— Ты что — белены объедся? О чем ты говоришь?

— Я говорю про кошелек, который ты засунул Кирпичу за пазуху.

— А-а-а! — протянул Жеглов. — Ты верно заметил, особенно если учесть твое право говорить от имени всех работников МУРа. Это ведь ты, вместе с нами — работниками МУРа — вынимал из петли мать троих детей, которая повесилась оттого, что такой вот Кирпич украл все карточки и деньги. Это ты на обысках находил у них миллионы, когда весь народ надрылся для фронта. Это тебе они в спину стреляли по ночам на улицах! Это через тебя они вогнали нож — прямо в сердце — Векшину!

Ну, и я уже налился свинцово-тяжелой, злой кровью:

— Я, между прочим, в это время не на продуктовой базе подъялся, а четыре года по окопам на передовой просидел, да по минным полям, да через проволочные заграждения!.. И стреляли в меня и ножи совали — не хуже, чем в тебя! И, может, оперативной смекалки и начисто не имею, но хорошо знаю — у нас на фронте этому быстро учились, — что такое честь офицера!

Ребята на задних скамейках притихли и прислушивались к нашему напряженному разговору. Жеглов всгочил и, балансируя на ходу в трясущемся и качающемся автобусе, резко наклонился ко мне:

— А чем же это я, по-твоему, честь офицерскую замарал? Ты скажи ребятам — у меня от них секретов нет!

— Ты не имел права совать ему кошелек за пазуху!

— Так ведь не поздно — давай вернемся в «семнадцатое», сделаем оба заявление, что кошелек он никакого не резал из сумки, а взял я его с пола и засунул ему за пазуху! Извинимся, вернее, я один извинюсь перед милым парнем Котей Сапрыкиным, и отпустим его!

— Да о чем речь — кошелек он украл! Я разве спорю? Но мы не можем унижаться до вранья, пускай оно формальное и, по существу, ничего не меняет!

— Момент! — заорал Жеглов. — Меняет! Потому что без моего вранья ворага и рецидивист Кирпич сейчас сидел бы не в камере, а дрых бы в своей квартире! Я наврал! Я наврал! Я засунул ему за пазуху кошелек! Но я для кого это делаю? Для себя? Для брата? Для свата? Я для всего народа, я для справедливости человеческой работы! Попускать вору — наполювину соучаствовать. И раз Кирпич — вор, ему место в тюрьме, а каким способом я его туда загоню, людям безразлично! Им важно только, чтобы вор был в тюрьме, и вот что их интересует. И если хочешь, давай остановим «фердинанда», выйдем и спросим у ста прохожих: что им симпатичнее — твоя правда или мое вранье? И тогда ты узнаешь, прав я был или нет!..

Глядя в сторону, я сказал:

— А ты как думаешь, суд — он тоже от имени всех этих людей на улице? Или он от себя только работает?

— У нас суд, между прочим, народным называется. И что ты хочешь сказать?

— То, что он, хоть от имени всех людей на улице действует, но засунутый за пазуху кошелек не принял бы. И Кирпича отпустил бы!..

— И это, по-твоему, правильно?

Я думал долго, потом медленно сказал:

— Наверное, правильно. Я так понимаю, что если закон разок под один случай подмять, потом под другой, потом начать им затыкать дыры каждый раз в следствии, как только нам с тобой понадобится, то это не закон тогда станет, а кистень! Да, кистень!..

Все замолчали, и молчание это нарушалось только гудом и тархатеньем старого, изношенного мотора, пока вдруг Коля Тараскин не сказал со смехом:

— А мне, честное слово, нравится, как Жеглов этого воруку уконтрапунил!..

Пасюк взглянул на него с усмешкой, поглядит громадной ладошкой по голове, жалочни сказал:

— Як дятна своего ума немає, то с псом Пасюком разговляе!..

И ничего больше не сказал. Шесть-на-девять стал объяснять насчет презумпции невиновности. А Копытин приторозил, щелкнул рычагом:

— Все, спорщики, приехали. Идите, там вас помирят!..

(Продолжение следует).

Рисунок Валерия АШМАНОВА

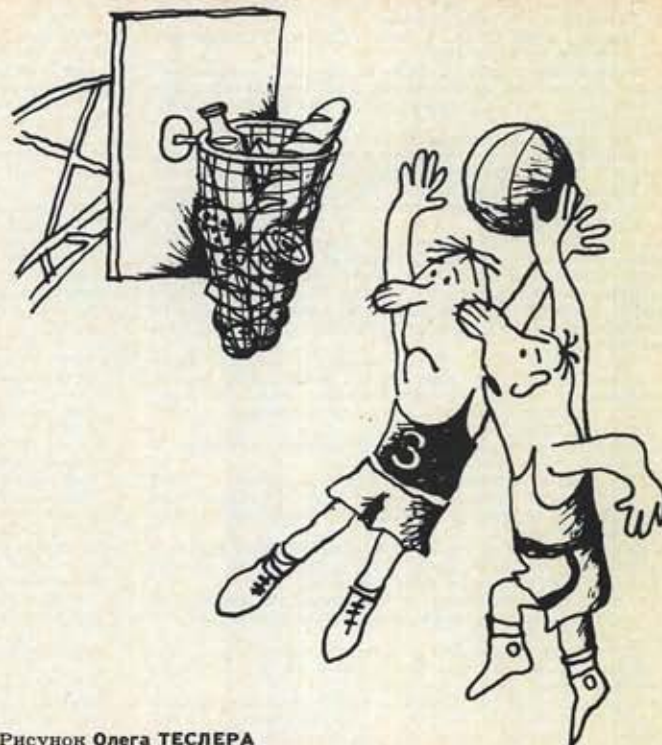
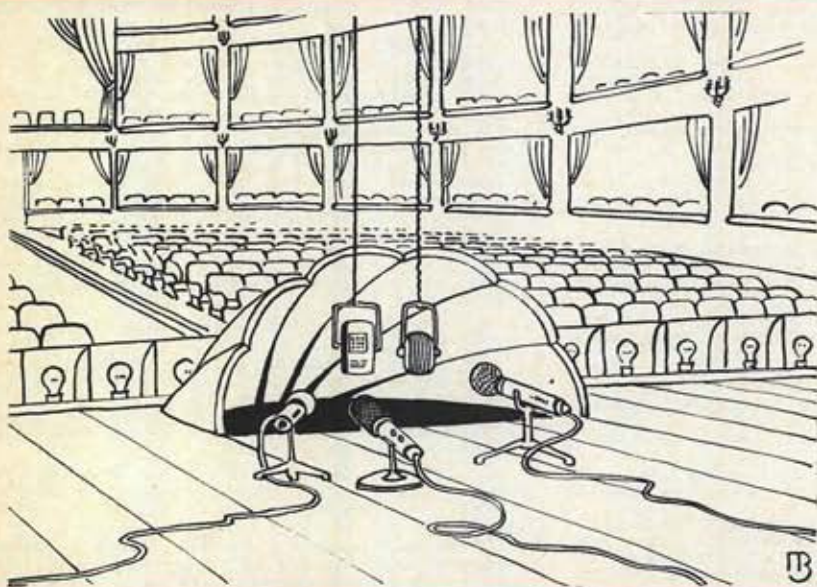
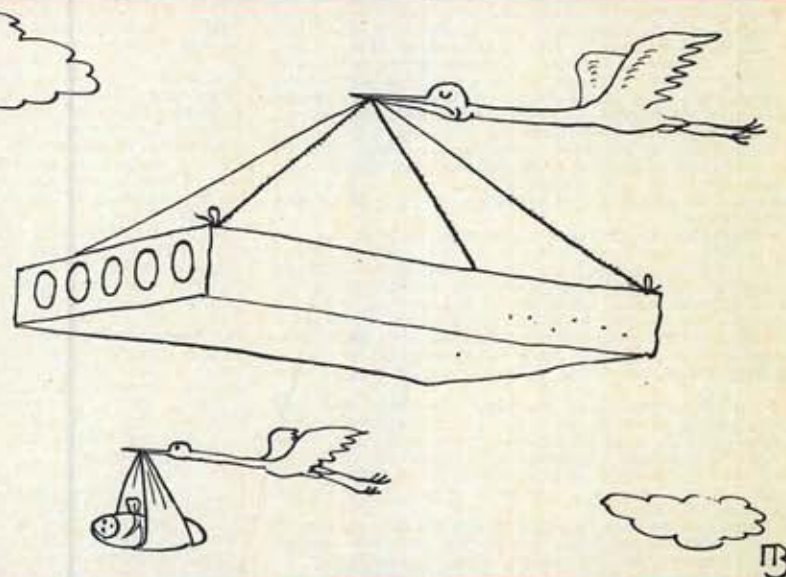

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунки Виталия ПЕСКОВА

18 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

В восемнадцатый раз проводит «Смена» свое традиционное заочное соревнование — шахматную олимпиаду. Думается, что программа новой нашей олимпиады сможет удовлетворить всех читателей: ее задания хотя и достаточно разнообразны, но менее сложны и не ставят участников в неравное положение, как это иногда случалось прежде. Количество туров увеличено до восьми, но зато число заданий в каждом из них сведено почти до минимума. Участники олимпиады будут разбирать интересные фрагменты из турнирной практики, решать задачи и этюды, отвечать на вопросы общедоступной шахматной викторины.

В восьмом, заключитель-

ном туре, который намечен на март 1976 года, будет предложена обязательная программа нашей олимпиады — проведение классификационных турниров начинающих шахматистов (тем, кто не сможет провести такой турнир, мы предложим компенсирующее задание — проанализировать увлекательный шахматный поединок).

Максимально возможная сумма очков, которую получит участник олимпиады, без единой ошибки выполнивший все задания — 100 баллов. Следует учесть, что если при разборе фрагмента, задачи или этюда будет найдено побочное решение, опровержение авторского замысла и т. п., начисляется оценка, предусмотренная для правильного ответа.

Устанавливаются классификационные нормативы для участников, приславших письма на все, без исключения, восемь туров. Четвертый разряд получают те, кто наберет 23 балла (из 100 возможных). Третий разряд присуждается за 49 баллов, а для второго разряда нужно набрать не менее 78 баллов. Справки о присуждении разряда по шахматам редакция вышлет также тем, кто сыграет в турнирах новичков завершающего раздела олимпиады и наберет там 60 и более процентов очков.

Основные варианты решения следует указывать в полной шахматной нотации, а второстепенные продолжения — в сокращенной, с красной строки. Словесные примечания необходимо сводить к минимуму.

В письме на первый тур, кроме фамилии, имени и отчества, сообщите свой возраст, место работы или учебы, разряд по шахматам, а также точный домашний адрес. К этому письму обязательно приложите простую (не художественную) почтовую открытку, и четко укажите на ней свой адрес. Включив вас в число участников, жюри отправит эту открытку обратно, и вы узнаете свой регистрационный номер. Его вы будете указывать в письмах на все последующие разделы. В дальнейшем письма, присланные без указания регистрационного номера, рассматриваться не будут.

На конверте не забывайте делать пометку «XVIII шахматная олимпиада», указывайте свой обратный адрес, фамилию и инициалы. Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, «Смена».

Первые шесть призеров награждаются специальными дипломами и фотоснимками чемпионы мира Н. Гаприндашвили, чемпиона мира А. Карпова с их автографами.

Дипломами и шахматной литературой будут отмечены также участники, занявшие последующие за призерами двадцать мест, а также те, кому удастся организовать и успешно провести классификационные турниры.

Жюри XVIII шахматной олимпиады «Смены» утверждено в составе: председатель юношеской комиссии шахматной Федерации СССР гроссмейстер Александр Котов, заместитель председателя высшей квалификационной комиссии шахматной Федерации СССР мастер спорта Юрий Гусев, член квалификационной комиссии шахматной Федерации Москвы мастер спорта Людмила Белавенец, международный арбитр по шахматам Юрий Карахан, редактор шахматного отдела «Смены» заслуженный тренер РСФСР Виктор Люблинский.

ПЕРВЫЙ ТУР

Кто был первым?

Назовите первого официального чемпиона мира по шахматам и годы его обладания этим высоким титулом (1 балл).

Вот так задача!

Белые начинают и дают мат в два хода (5 баллов).

Как бы вы сыграли?

Какой красивой комбинацией черные форсированно решают исход поединка в свою пользу? (5 баллов).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18/VI 1975 г. А 00888. Подписано к печати 7/VIII 1975 г. Формат 70 × 108¹/₂. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 2000. Заказ № 950. Ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

НОВОЕ ИМЯ

Владимир СВИРИДОВ.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Не скрою — мне приятно писать о молодом, талантливом сатирике, лауреате конкурса «Литературной газеты» на приз «Золотой тельенок» Владимире Свиридове.

Приятно сразу по нескольким причинам: во-первых, мы с ним земляки, Володя родился и вырос в Абхазии, во-вторых, он закончил Московский государственный институт культуры, в котором довелось учиться и мне, и, наконец, у нас общая любовь — юмор.

В этом небольшом напутствии нет нужды анализировать творчество молодого литератора, но все-таки хочу отметить, что отношусь к нему с большой симпатией, ибо в его произведениях есть то, что всегда привлекает к себе внимание: добрый юмор, незлобная насмешка, а там, где нужно, и хлесткая сатира.

В последние годы Владимир стал проявлять завидное непостоянство, печатаясь сразу во многих центральных изданиях: «Литературной газете», «Крокодиле», «Труде», «Литературной России» и т. д. Мало того — он написал для передач Центрального телевидения «Кабачок «13 стульев» и «Наполовину всерьез» очень милые миниатюры. Этой осенью в одном из выпусков сатирического киножурнала «Фигель» зрители смогут увидеть ленту, созданную по его сценарию.

Итак, остается пожелать доброго пути моему земляку, пожелать его сатирическим произведениям больше доброго юмора, а юмористическим — больше злой сатиры.

Фазиль ИСКАНДЕР

ПРИВЫЧКА

Новый заместитель директора института по научной работе Аскольд Васильевич Нечаев принимал посетителя.

— Ну как он, ничего? Какие привычки? Говорят, перспективный? — интересовались волновавшиеся в приемной старшие и младшие научные сотрудники.

Секретарь едва успевала отвечать на эти многочисленные вопросы: «Сами увидите». «Что перспективный, это точно. Ему сам...» «К привычкам его надо приноровиться, правду люди говорят, что привычки — вторые натуры, а их у каждого хоть отбавляй». «Очень интеллигентный, вчера в театр ему билеты заказывала».

В это время дверь кабинета распахнулась, и из него вылетел взъерошенный доцент Чибинов. — Это потрясающе! Поздравляю,

коллеги. Вот так руководитель, все на лету схватывает. Вы, говорит, товарищ Чибинов, человек ученый, лабораторию возглавляете. Вам и карты в руки. Сами работайте. Больше самостоятельности. Чувствуете, поверьте моему опыту, новые научные методы организации труда применят у нас будет. «Хорошо справитесь — похвалим и отгул дадим, плохо — из охлады вычтем». Какой размах мысли!..

— Ваша очередь? Завидую вам, профессор. С таким человеком и поговорить одно удовольствие. — И Чибинов потряс руку профессору Васяткину. — Ну, что у вас? Какие трудности? — спросил Нечаев.

Васяткин стал докладывать. — Хватит, я понял, — остановил его Аскольд Васильевич. — Давайте наладную.

С вашего разрешения, это спецификация, — вежливо поправил профессор.

— Виноват, коллега, опять запямятовал. А в принципе какая разница? Разве дело в названии? Как говорил мой знакомый ревизор: «Нам истина дороже». — Нечаев засмеялся. — А то сейчас мода пошла на всякие терминологии... Я хоть и не винаю... из доверия, в ваши дела, но вот почему такой большой вес конструкции? Обвеса потребителя не будет?

— Да что вы, Аскольд Васильевич, какой еще обвес! Все проверено.

— За вас пенюсы, профессор. Надо ж тебе, и сталь разных марок. Как бы пересортица не получилась.

— Товарищ Нечаев, — руки профессора от волнения задрожали, — все правильно. По ГОСТу все, по ГОСТу.

— Ну, ну, смотрите! Мое дело предупредить. Извините, профессор, тороплюсь: в министерство вызывают. — Он глянул на часы. — Ой, ой, пятнадцать минут осталось. — Нечаев схватил ручку и быстро что-то написал на бумаге.

— Дина, я уехал! — крикнул заместитель директора и наклеил бумагу на дверь.

— Неужели так интересно? Что так смотрите, будто на выставке Тутанхамона? Старая привычка у человека, — сказала секретарша и сорвала объявление, где большими буквами было написано: «Уехал на базу. Приема не будет».

СТРЕСС

— Ну, — директор продмага Планкин уселся на прилавок молочной секции, — что с тобой делать будем, Хомякова? Долго еще обеденные перерывы на собрании тратить? Воспитываем тебя, нянчимся, а толку никакого. Опять жалоба!.. — Планкин нервно стряхнул пепел и раздраженно потребовал: — Дондадывай.

Когда он так говорил, все знали — будет забучка.

Клавдия Хомякова, видя безнадежность положения, ринулась в слезы: — Так это все Кольна виноват!

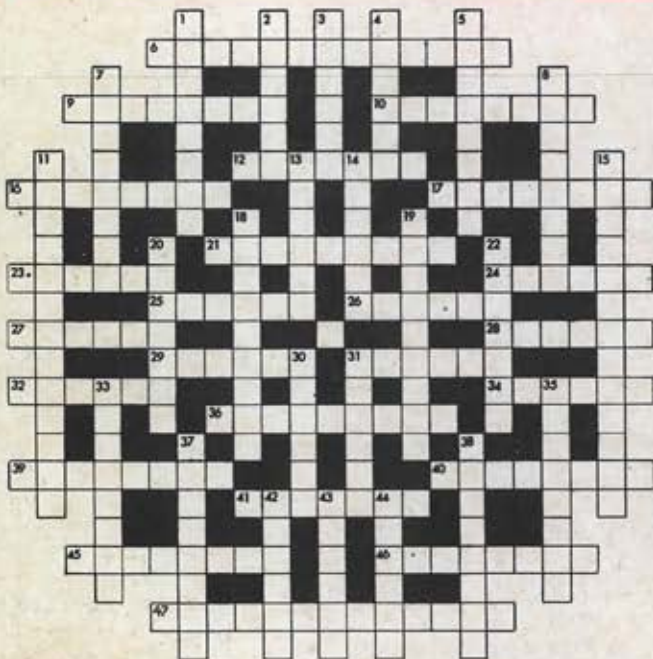
Собравшиеся переглянулись. — Я ведь после того выговора кри-

тику учла, обогащаться культурой стала: в цирк и зоопарк ходила. В кружок любителей скульптуры Древней Греции записалась. Чувствую, растет во мне культура не по дням, а по часам. С покупателями три дня шутила. Если вопрос какой задают, я их быстро куда надо посылаю. Не как прежде, а культурно говорю: «Ошиблись, гражданочка, колбаска в том отделчике». Одно удовольствие! А тут вчера прихожу домой. Намаялась за день с этими... покупателями. Отвести душу надо. Смотрю, стоит Кольна перед зеркалом в белых штанах, шиньон мой напялил и песни поет. Ах, говорю, такой-сякой. Что орешь на весь дом? Опять нализался. А он мне, что вы думаете: пардон, Клавдия Ивановна, ошибаетесь, тверезый я. Смотрю, правда, вроде не пил. Перед вами, мадам, Евгений Онегин. Похож али нет? Ну, думаю, горячка схватила. Предупреждали врачи, что от пьянки такое с ним случиться может. Вон в соседнем доме Мишка Попов Иванов Грозным себя возомнил. Испугалась я. Коленька, ты б лег, милый, отдохнул. Ненюгда, Клавочка! Репетиция завтра. Какая еще репетиция, тебя в больницу класть надо. У нас, Клавдия, в автобусном парке всех ревизоров культуру повышать обяжали. Вот меня в оперный кружок и записали. Говорят, голос громкий, как раз подойдет. Старостой выбрали, я главную роль себе взяла. А теперь мерси за внимание. Прошу не мешать мне арии репетировать. И опять стал орать на всю квартиру. Потом со мной по-французски разговаривать стал: мерси, бонжур. Раньше ведь все культурные по-иностранныму умели. Расстроилась я. Уронила на пол тарелку. Он поднимать кинулся. Кавалер, говорит, должен быть к даме внимательным. Ну, а как с ним поругаешься, когда вылитый Онегин перед вами!.. всю ночь не спала. Переживала. Пришла на работу разбитая. Вот и сорвалось невысказанное. Стресс, стало быть...

КРОССВОРД

Составил В. КОВАЛЕВ, г. Кривой Рог

По горизонтали:

6. Раздел науки об ископаемых организмах. 9. Город в Ленинградской области. 10. Минерал. 12. Русская спортивная игра. 16. Предприятие общественного питания. 17. Приток Волги. 21. Советский космонавт. 23. Дерево рода платанов. 24. Центр департамента в Колумбии. 25. Рыбообразное животное. 26. Город во Владимирской области. 27. Манера держаться, выправка. 28. Южное де-

коративное дерево. 29. Наибольшее достижение. 31. Хирургический нож. 32. Повесть Л. Н. Толстого. 34. Река в Канаде. 36. Дипломатический представитель. 39. Парадная площадь в городах Среднего Востока. 40. Приспособление для увеличения прыжка. 41. Деталь затвора стрелкового оружия. 45. Промысловая морская рыба. 46. Древнегреческий философ. 47. Противодельствие.

По вертикали:

1. Овощное растение. 2. Поэма В. Маяковского. 3. Деревообрабатывающий инструмент. 4. Остроночный головной убор. 5. Зодиакальное созвездие. 7. Раздел теоретической механики. 8. Польский астроном XV—XVI веков. 11. Русский мореплаватель, открывший Антарктиду. 13. Большие спортивные соревнования на судах. 14. Столица арабского государства. 15. Киноактер, лауреат Ленинской премии. 18. Певчая птица. 19. Советский

гроссмейстер. 20. Химический элемент. 22. Условная линия, делящая земной шар на два полушария. 30. Разветвленная часть устья реки. 31. Американский пролетарский писатель. 33. Знаком, продавец старинных предметов. 35. Гимнастический снаряд. 37. Сорт тыквы. 38. Музыкальное произведение для хора и оркестра. 42. Ученая степень. 43. Горнопромышленное предприятие. 44. Река в бассейне Иртыша.

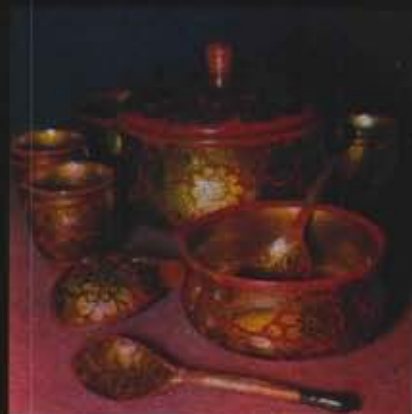
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

7. Арматура. 8. Комиссар. 10. Бетон. 11. Каток. 12. Тельфер. 13. Литва. 14. Балка. 15. Базальт. 17. Хлор. 18. Урал. 20. Полигон. 21. Эмблема. 23. Анод. 25. Ниша. 28. Антенна. 32. Ботва. 33. Шифер. 34. «Свадьба». 35. Сокол. 36. Адрес. 37. Коровник. 38. Аквалаунг.

По вертикали:

1. Арменция. 2. Самосвал. 3. Просека. 4. Тоннель. 5. Эстакада. 6. Находка. 9. Альтаир. 15. Бригада. 16. Турбина. 17. Хрома. 19. Лампа. 22. Грейдер. 24. Новгород. 26. Шнидель. 27. Молоток. 29. Нивелир. 30. Набойка. 31. Деревня.

ЗОЛОТАЯ ХОХЛОМА

Пока средневековые алхимики трудились над ретортами, безуспешно пытались получить золото из свинца или олова, в даленних заволжских лесах России нижегородские крестьяне творили свое диво. В обычной русской печи с помощью оловянного порошка и конопляного масла они делали золото из дерева — ковши и братины, ложки и чаши — удивительную посуду, которую и по сей день зовут «золотой хохломой».

Интересно, что за несколько столетий технология хохломы почти не изменилась. Только порошок олова заменили на алюминиевый, масло — на синтетический лак, а для обжига все чаще используют электропечи.

На нашей обложке вы видите работы Александры Карповой — молодого мастера фабрики «Хохломской художник», что расположена на родине этого солнечного искусства — в селе Семино, Ковернинского района, Горьковской области. Родилась Саша в деревне Кулигино, где издавна трудились искусные мастера. Она рано пристрастилась к хохломской росписи, а с 1962 года, когда переехала в Семино, стала полноправным членом творческого коллектива «Хохломского художника». Незаурядное мастерство Александры Карповой получило высокую оценку — ей присвоено звание заслуженного художника РСФСР.

Александр ШПИКАЛОВ
Фото автора

*В КАЖДОЙ РАБОТЕ —
СОЛНЦЕ...*

Цена 20 коп. Индекс 70820

